С. АНИЧКОВА
(БАРОНЕССА ТАУБЕ)

ЗАГАДКА ЛЕНИНА

ПРАГА

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на выходящій осенью 1935-го года романъ

С. Аничковой — Баронессы Таубе

„КОММУНА ЗЕМНОЙ МІРЪ"

Цѣна 35 чеш. кронъ.

Требованія адресовать: Морской журналъ (Revue de Marine).

...ВТОРА:

...оманъ. Изд. Я. По-

...тихотворенія. Изд.
...продано).

...).

...вы. (Распродано).

...едія въ стихахъ.

...продано).

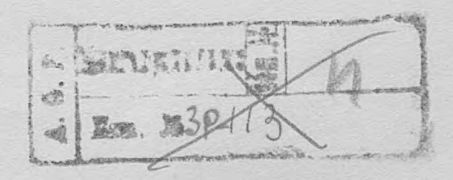

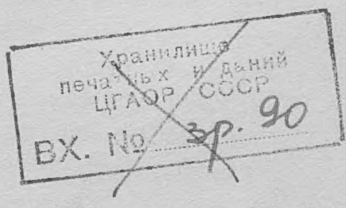
Баронесса С. ТАУБЕ-АНИЧКОВА
(Петроградъ, 1925)

С. Аничкова
(Баронесса Таубе)

Загадка Ленина

(Изъ воспоминаній редактора)

Изданіе Морского Журнала
Прага

ОТЪ АВТОРА

Множество появившихся, за послѣдніе годы, мемуаровъ, написанныхъ русскими эмигрантами или побывавшими въ СССР иностранцами, дали читателямъ такія яркія картины ужасовъ революціи и ГПУ, что говорить объ этомъ — значило бы повторять сказанное.

Мои воспоминанія — опубликованіе которыхъ полностью не представлялось, по нѣкоторымъ соображеніямъ, возможнымъ тотчасъ по моемъ прибытіи на чужбину — носятъ иной характеръ: съ первыхъ встрѣчъ моихъ съ представителями совѣтской власти, я задалась цѣлью изучить ея природу, не по пристрастной оцѣнкѣ идейныхъ враговъ, и даже не по своимъ личнымъ наблюденіямъ, а по ея собственнымъ словамъ.

Второй моей задачей являлась зарисовка картинъ и настроеній пореволюціоннаго быта, получившихъ яркое отраженіе въ безчисленныхъ, популярныхъ среди населенія, совѣтскихъ, антисовѣтскихъ и антисемитскихъ частушкахъ, пѣсенкахъ, анекдотахъ и стихахъ, а также въ злободневныхъ экспромтахъ извѣстныхъ поэтовъ.

Рядъ счастливыхъ случайностей, позволивъ мнѣ вращаться среди лицъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ круговъ и профессій, открылъ передо мною, въ указанномъ направленіи, и исключительныя возможности.

Революція застала меня предсѣдательницей Общества „Жизнь и Этика“, сотрудницей газеты „Новое Время“ и ряда другихъ изданій, редакторомъ самаго большого и распространеннаго въ Россіи, литературно-художественнаго, еженедѣльника „Весь Міръ“, который я продол-

жала вести, послѣ переворота, въ теченіе двухъ лѣтъ. Съ 19-го года я редактировала издававшійся, въ Петроградѣ, рабочими Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, аполитичный художественный журналъ „Новыя Искры“, съ 21-го руководила тамъ же литературной и драматической студіями, и читала популярно-научныя лекціи въ военныхъ клубахъ.

Одновременно, желая изучить что либо отвѣчающее запросамъ времени, т. е. могущее дать болѣе надежный заработокъ, чѣмъ „буржуазная“ литература, я поступила въ балетную школу одного изъ балетмейстеровъ Императорскихъ театровъ.

Послѣднее открыло мнѣ доступъ въ интимный кругъ артистическаго міра, позволивъ прибавить нѣсколько цѣнныхъ штриховъ къ характеристикѣ ищущихъ тамъ „освѣженія и отдыха“ совѣтскихъ правителей.

Послѣдующіе, до выѣзда изъ Россіи, годы я устраивала на фабрикахъ Петрограда, въ провинціи и у себя на дому литературные вечера, имѣла постоянное общеніе не только со своимъ коммунистическимъ начальствомъ, сослуживцами и учениками студій — рабочей молодежью, но также съ крестьянами, хлынувшими изъ голодныхъ деревень въ строительныя артели, въ одной изъ которыхъ работалъ мой мужъ, бывшій офицеръ*).

Еще не чувствовавшіе подъ собой, въ тѣ дни, твердой почвы, и поэтому весьма цѣнившіе оставшуюся на своихъ постахъ интеллигенцію, болѣе доступные и от-

---

*) Вскорѣ послѣ февральскаго переворота вышелъ въ отставку, но съ мѣстъ, которыя ему удавалось получать въ совѣтскихъ учрежденіяхъ — рабоче-крестьянской инспекціи и др., — хронически увольнялся „за происхожденіе“.

кровенные, чѣмъ въ послѣдующіе годы, представители власти такъ же охотно бесѣдовали со мной не только о моихъ служебныхъ дѣлахъ, но и на интересующія меня темы*), а я, послѣ каждаго свиданія, возможно дословнѣе, записавъ слышанное, впослѣдствіи передала этотъ матеріалъ заграницу при посредствѣ одного иностраннаго дипломата.

Свое повѣствованіе я начну съ февральскаго переворота, и, дабы не повредить оставшимся въ Россіи на свободѣ, въ ссылкѣ или въ тюрьмахъ, буду называть лишь имена находящихся нынѣ за рубежомъ и умершихъ, чьи семьи также внѣ досягаемости большевицкой власти.

---

*) Своихъ взглядовъ на происходящее въ Россіи и, особенно, на терроръ я не скрывала, и своею искренностью отчасти и завоевала довѣріе тѣхъ, съ кѣмъ мнѣ приходилось разговаривать о коммунизмѣ.

I
ПРОБУЖДЕНІЕ ВЪ НОВОМЪ МІРѢ

Седьмого февраля 17-го года, около полудня меня разбудилъ испуганный голосъ горничной. Наканунѣ у насъ состоялся большой литературный вечеръ, разошлись на зарѣ, и я недоумѣвала зачѣмъ понадобилось тревожить меня „такъ рано“.

Но горничная, жившая въ домѣ много лѣтъ, докладывая, что надо вставать, что въ городѣ началась революція, стала энергично открывать портьеры.

— Страсть что дѣлается! — закончила она, — говорятъ, господъ, особливо офицеровъ, убиваютъ матросы. Что же теперь съ барономъ будетъ?.. Бѣжать бы имъ.

Я вспомнила мимолетные разговоры о революціи наканунѣ за ужиномъ, вспомнила, что даже, наиболѣе „лѣвый“ изъ присутствовавшихъ на вечерѣ писателей, Іеронимъ Ясинскій*) выразилъ свои сомнѣнія относительно ея скораго наступленія въ экспромтѣ:

Какъ бы изъ Фета.

Духъ царитъ лукавый
Близко и вдали —
Лѣвый или правый
Не видать въ пыли.

Духъ царитъ лукавый,
И Азефъ вблизи...
Либералъ и правый
Кажется въ связи.

Духъ царитъ лукавый,
Лѣвый — берегись!
Ну-ка, Марковъ правый,
Крѣпче навались.

---

*) Какъ извѣстно, впослѣдствіи, первымъ изъ писателей примкнулъ къ коммунистамъ, былъ торжественно доставленъ въ Зимній дворецъ комиссаромъ народнаго просвѣщенія Луначарскимъ и названъ имъ — „Симеономъ Богопріимцемъ революціи“. Позже редактировалъ журналъ „Красный Огонекъ“, а отygравъ свою рекламную роль, былъ низведенъ на степень корректора Государственнаго Издательства и, какъ говорилъ мнѣ, нуждался даже въ продуктахъ и топливѣ.

Удивилъ еще всѣхъ сказаннымъ Сергѣй Городецкій*), сборники котораго всегда изобиловали патріотическими стихами.

Революція мнѣ не страшна,
Утомленъ я безцвѣтными днями,
А при ней опущусь я до дна,
И кровавыми вспыхну огнями.

Но на этомъ и закончились разговоры о революціи. Тому, что въ эту ночь мы правили тризну по старому міру, — не повѣрилъ бы никто.

Чтобы провѣрить слова горничной, я хотѣла позвонить мужу, на службу, въ Новую Голландію, но телефонъ уже бездѣйствовалъ, и я вынуждена была послать за справками лакея къ знакомымъ, имѣвшимъ непосредственное отношеніе къ военному управленію Петрограда.

Однако дождаться извѣстій оттуда мнѣ также не пришлось, потому что мой посланный, въ пути, безслѣдно исчезъ, и всѣ предпринятыя впослѣдствіи попытки разыскать его, въ больничныхъ покойницкихъ — куда свозили убитыхъ, — не привели ни къ чему. Его не нашли ни живымъ ни мертвымъ.

Одѣвшись, я поторопилась взглянуть на революцію лично.

День выдался на рѣдкость для Петрограда солнечный и теплый, и хотя со всѣхъ сторонъ доносилась ружейная перестрѣлка и трещаніе пулеметовъ, обслуживаемыхъ засѣвшими на чердакахъ городовыми, — никакъ нельзя было представить, что для кого то эти, подхватываемые весеннимъ вѣтеркомъ, звуки, несутъ смерть. По улицамъ, на украшенныхъ красными флагами грузовикахъ, носились піонеры революціи — матросы, и безцѣльно слонялись, не принимавшіе въ мятежѣ активнаго участія, солдаты, съ нацѣпленными на фуражки и въ петлицы красными ленточками или просто кусками красной ткани. Особенно запомнился мнѣ молодой сол-

*) Играющій и сейчасъ въ Москвѣ видную роль.

датъ егерскаго полка, на громадной шапкѣ котораго виднѣлась красная бумажная роза, какими принято было, въ Петроградѣ, украшать пасхальные куличи. Его утрированно-гордый, самодовольный видъ еще больше подчеркивалъ карикатурность украшенія, вызывая на лицо невольную улыбку.

Черезъ три дня, когда событія успѣли уже достаточно дезорганизовать жизнь, разославъ всѣхъ слугъ по дѣламъ своего общества и журнала, я услыхала на черной лѣстницѣ звонокъ и пошла узнать кто пришелъ.

— Спасите... спасите... меня ищутъ, — услыхала я прерывающійся шопотъ за дверьми.

Голосъ былъ знакомый, и въ немъ слышалось такое отчаяніе, такая мольба, что я, невольно, не разсуждая, открыла дверь, въ которую вбѣжалъ, жившій въ этомъ же домѣ, околоточный, не однажды оказывавшій мнѣ мелкія дѣловыя услуги.

Съ искаженнымъ ужасомъ лицомъ, пробормотавъ на ходу — „въ домѣ обыскъ, меня убьютъ“, — онъ бросился въ комнату горничной, куда, закрывъ дверь, послѣдовала и я.

Увидавъ, что онъ прячется за висящія надъ сундукомъ платья, я, почти не соображая что дѣлаю, стала ему помогать, но не успѣла закончить этого, какъ на другомъ концѣ квартиры, у параднаго входа, снова раздался звонокъ. Инстинктивно сообразивъ, что не открыть — значило бы навлечь на себя подозрѣніе, я впустила звонившихъ. Ихъ было семеро, и одинъ, въ солдатской шинели, съ револьверомъ въ вытянутой рукѣ, заявилъ, что они ищутъ околоточнаго, и, если онъ скрытъ мной, я раздѣлю его участь.

Выдать искавшаго у меня спасенія человѣка, выдать буквально на растерзаніе, — ибо я уже слышала, какимъ истязаніямъ подвергались полицейскіе, раньше, чѣмъ быть убитыми, — у меня не хватило духу, а разсчитывать, что обыскъ пройдетъ благополучно, я тоже, конечно, не могла и поэтому, когда часть пришедшихъ направилась къ помѣщенію прислуги, считая себя обреченной, осталась на мѣстѣ, словно прикованная.

Обыскъ уже давно закончился, появившіеся снова въ прихожей люди, сказавъ мнѣ что то, ушли, а я все еще продолжала оставаться въ состояніи того же столбняка. Потомъ, понявъ, наконецъ, что произошло нѣчто непредвидѣнное, бросилась въ комнату прислуги, но, къ своему великому удивленію, спрятавшагося тамъ околоточнаго не нашла: повидимому, сообразивъ, что оставаться въ квартирѣ, для него, въ данный моментъ, опаснѣе, онъ бѣжалъ по тому же ходу, по которому пришелъ. Обрадованная, что ему удалось спастись, я направилась въ комнаты, гдѣ происходилъ обыскъ и... обнаружила исчезновеніе стоявшей на столѣ бутылки вина и лежавшихъ возлѣ часовъ.

Такими, трагикомическими, событіями началась для меня революція.

II

САМОСУДЫ И НАСТРОЕНІЯ

Первое полугодіе, послѣ „февральской", работа моя продолжалась по прежнему; журналъ, послѣ краткой заминки, сталъ выходить аккуратно; члены моего Этическаго общества собирались, въ виду событій, у меня на квартирѣ, и если бы не гремѣвшая повсюду стрѣльба и не страшныя картины самосудовъ, намъ, еще не пострадавшимъ, революція не казалась бы особенно грозной.

Но кому пришлось хотя однажды явиться свидѣтелемъ этихъ самочинныхъ расправъ черни не только съ виноватыми, но и съ правыми, у того душа навсегда останется обожженной, тотъ уже не повѣритъ возможности убить когда либо въ человѣкѣ звѣря.

Не забыть мнѣ, какъ озвѣрѣвшая толпа вела молодого городового къ Фонтанкѣ, чтобы утопить его.

Избитый, съ окровавленнымъ лицомъ, на которомъ даже струящаяся кровь не могла стереть выраженіе ужаса, онъ, подъ дикіе возгласы своихъ мучителей, срывающимся голосомъ только выкрикивалъ:

— Братцы!.. Братцы, не губите... Видитъ Богъ, нѣту моей вины... Никого не обижалъ. Братцы!..

Но эти мольбы и предсмертный страхъ, казалось, еще разжигали ожесточеніе толпы, и она, отвѣчая на нихъ побоями и издѣвательствами, подхватила свою жертву и, съ улюлюканьемъ, бросила въ каналъ.

Городовой вынырнулъ, осѣнилъ себя крестомъ и, вѣроятно, надѣясь, что теперь ему удастся спастись, поплылъ, а озлобленная этимъ еще больше толпа стала бросать въ него камнями до тѣхъ поръ, пока изнемогшій, съ окровавленной головой, онъ скрылся подъ водой.

Въ другой разъ, увлеченной людскимъ потокомъ, мнѣ пришлось видѣть, какъ утопили, въ той же Фонтанкѣ, юношу прохожаго, принявъ его „по ошибкѣ" за бѣжавшаго изъ сосѣдняго дома вора. Его старанія убѣдить своихъ палачей, что онъ не тотъ, за кого его принимаютъ, и мольбы о пощадѣ были напрасны.

А когда толпа, расправившись съ нимъ, расходилась, выяснилось, что воръ уже пойманъ и доставленъ въ комиссаріатъ.

Такими картинами изобиловала „безкровная", какъ называли ее по началу многіе, революція.

И все же она казалась всѣмъ явленіемъ временнымъ, и въ мартѣ у меня на дому снова состоялся вечеръ наиболѣе фешенебельной изъ петроградскихъ литературныхъ организацій „Кружка имени поэта Случевскаго", отличавшійся отъ предыдущаго лишь тѣмъ, что на немъ значительно больше, и уже не въ юмористическихъ тонахъ, говорили о „мятежѣ"*).

Съ театра военныхъ дѣйствій, гдѣ популярность „Всему Міру" создалъ введенный мной отдѣлъ „Просьбы съ фронта", я продолжала получать отъ солдатъ многочисленныя письма, содержаніе которыхъ было раз-

---

*) Часть произносимыхъ на этихъ вечерахъ экспромтовъ я привожу дальше; альбомъ, въ который онѣ записывались поэтами, большевики хотѣли впослѣдствіи реквизировать для Литературнаго Отдѣла Академіи Наукъ, но одному изъ членовъ Кружка удалось сохранить его у себя.

норѣчиво и иногда представляло интересъ для наблюденій за дѣйствіемъ агитаціи на мало культурный мозгъ.

Такъ, радіотелеграфистъ, съ которымъ я вела переписку, и который еще недавно прислалъ мнѣ свои безграмотные, но пламенно патріотическіе, стихи, на этотъ разъ писалъ:

„Вчера у насъ былъ митингъ, на которомъ говорилъ о капиталистахъ и народѣ пріѣзжій ораторъ и говорилъ правильно. Послѣ этого я сталъ ленинцемъ. Вы, навѣрно, думаете — дуракъ, — а послушали бы его, такъ тоже поняли бы".

Другой солдатъ, наоборотъ, жаловался:

„Кабы хлѣба вдоволь, да земли поболѣ, при царѣ куда лучше было — порядку больше".

Были и забавныя письма.

Помѣстивъ однажды во „Всемъ Мірѣ", во время формированія, при Временномъ правительствѣ, женскихъ баталіоновъ, снимокъ съ одного, отправляемаго на фронтъ, я получила отъ солдатъ безграмотное укоризненное письмо, въ которомъ они уговаривали меня:

„Не печатать въ журналѣ бабъ, мѣшающихъ воевать сидящимъ въ окопахъ защитникамъ отечества, потому бабы вносятъ въ армію такое, что и сказать неудобно, и не такъ то выносливы въ бою. Надѣемся, что не обидите и больше печатать ихъ не будете".

Письмо заканчивалось 32-мя подписями.

На помѣщенный мною снимокъ злободневной группы, въ которой были Крыленко и Коллонтай, съ фронта откликнулись ироническимъ письмомъ, за 12-тью подписями, офицеры:

„Господинъ редакторъ! Увидавъ въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ „Весь Міръ" такъ много говорящія лица „товарищей" Коллонтай и Крыленко, мы вполнѣ успокоились за судьбы дорогой родины: съ такими дѣятелями она уйдетъ далеко. Поклонники Ваши, но не ихъ".

Подобныхъ писемъ я могла бы привести безчисленное множество.

Однако, разжигая низменные инстинкты народа, агитаторы тогда еще не успѣли убить въ его душѣ идеали-

стическія понятія, и, въ хаосѣ представленій о новыхъ формахъ жизни, были и совсѣмъ невинныя.

Проводя лѣто, какъ обычно, подъ Петергофомъ, и гуляя однажды въ моемъ саду, я замѣтила сидящаго на скамьѣ неизвѣстнаго солдата.

Садъ былъ большой, окруженный высокой рѣшеткой; и до этого, хотя калитка на день не закрывалась на ключъ, никому и въ голову не приходило врываться въ чужія владѣнія.

На обращенный къ солдату вопросъ, что ему нужно, онъ спокойно отвѣтилъ:

— Ничего, товарищъ, — гуляю, какъ и вы.

— Но, вѣдь, этотъ садъ принадлежитъ частному лицу, — возразила я, — какъ же можно было входить сюда безъ разрѣшенія?

— Садъ не можетъ принадлежать никому, потому что онъ Божій, — очень доброжелательно, но поучительно, отвѣтилъ солдатъ.

Въ эти дни, находя моментъ подходящимъ, я приступила къ давно задуманной мною реорганизаціи Этическаго общества, наименовавъ его, согласно сдѣланнымъ измѣненіямъ, „Новая этика", и 24 октября 1917-го года, наканунѣ большевицкаго переворота, въ газетахъ появилось сообщеніе о цѣляхъ организаціи, въ числѣ которыхъ значилось — „Облегченіе нравственныхъ и физическихъ страданій и борьба съ жестокостью".

Судя по небывалому количеству полученныхъ мной на этотъ разъ телефонныхъ и письменныхъ запросовъ заинтересовавшихся обществомъ лицъ, населеніе Россіи, въ эту пору, не чувствовало себя особенно счастливымъ. Откликнулась не только — какъ это было до революціи — высшая интеллигенція, но и лица самыхъ разнообразныхъ круговъ и профессій. Не обошлось и безъ курьеза: нѣкій, попросившій меня къ телефону, „товарищъ Кольцовъ" (нынѣ видный совѣтскій журналистъ), заявивъ, что крайне интересуется обществомъ и хотѣлъ бы всячески содѣйствовать его успѣху, закончилъ разговоръ вопросомъ:

„А у васъ танцовальные вечера часто будутъ?"

Но слѣдующій день явился днемъ октябрьскаго переворота, и мое общество, какъ и Россія, было уже обреченнымъ.

III
ПЕРВЫЙ ВИЗИТЪ ВЪ СМОЛЬНЫЙ

На этотъ разъ недовѣріе интеллигенціи въ возможность длительнаго господства побѣдителей было еще значительнѣе, чѣмъ въ дни первой революціи, и, когда на стѣнахъ домовъ появились плакаты, извѣщавшіе населеніе Петрограда о новомъ, возглавляемомъ Ленинымъ, правительствѣ, — никто не сомнѣвался, что власть продержится не болѣе двухъ дней.

Однако, время шло, не принося перемѣнъ, надежды на паденіе власти, возникавшія съ каждымъ новымъ наступленіемъ бѣлыхъ армій, не осуществлялись, а создаваемыя ею невзгоды росли ежечасно.

Такъ какъ, въ тѣ дни, большинство учрежденій механически еще продолжало функціонировать, и буржуазная пресса существовала, испытывавшая уже и тогда всевозможныя лишенія ителлигенція все же продолжала работать.

Власть еще не могла обойтись безъ нея, и поэтому брошенныхъ въ тюрьмы и разстрѣлянныхъ среди ученыхъ, писателей и др. тогда было сравнительно немного.

Изъ моихъ близкихъ были арестованы „за саботажъ" мой beau-frère, профессоръ Петроградскаго Политехническаго института и предсѣдатель бывшаго Императорскаго Аэроклуба*), а позже и его жена, принимавшая дѣятельное участіе въ жизни этого учрежденія. Ей было предъявлено обвиненіе въ содѣйствіи „похищенію семи аэроплановъ", на которыхъ нѣсколько летчиковъ бѣжало заграницу, но, доказавъ свою непричастность къ этому дѣлу, послѣ недѣльнаго пребыванія на Гороховой, она была освобождена.

---

*) Впослѣдствіи, послѣ ряда мытарствъ, пребыванія въ тюрьмѣ, приговора къ разстрѣлу и т. п., ему удалось бѣжать заграницу, гдѣ онъ находится и донынѣ, продолжая свою научную дѣятельность въ Прагѣ.

ПЕТРОГРАДСКІЙ СОВѢТЪ
РАБОЧИХЪ и СОЛДАТСКИХЪ
ДЕПУТАТОВЪ.

КОМИССАРІАТЪ
ПО ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ.

3-го Іюля 1918 г.
№ 737

РАЗРѢШЕНІЕ.

Дано сіе редактору Софіи Ивановны Таубе / С.Аничковой/ на право изданія и распространенія еженедѣльнаго журнала „Весь Міръ" съ обязательствомъ точнаго соблюденія „Временныхъ правил о порядкѣ изданій всѣхъ періодическихъ и непеіодическихъ печатныхъ произведеній въ Петроградѣ, отъ 29-го января 1918 года".

Членъ Комиссаріата: И Прокопенко

(Печать: Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатск. Деп. Комиссаріатъ по дѣламъ печати)

„Весь Міръ", послѣ взятаго на его изданіе (какъ было предписано властью) новаго разрѣшенія, продолжалъ выходить безпрепятственно. Помѣщая въ немъ отражавшіе злобы дня, сопровождаемые пояснительнымъ текстомъ, снимки, я была въ выборѣ ихъ очень осторожна. Это помогло мнѣ, однажды, избѣжать большой опасности для журнала, не принявъ, отъ одного изъ моихъ иллюстраторовъ, рисунка, съ выписаннымъ къ нему, изъ газеты, текстомъ:

„Отрядъ красноармейцевъ, возвращаясь съ реквизированнымъ въ деревнѣ хлѣбомъ, подвергся нападенію вооруженныхъ кольями крестьянъ. Грузовикъ, въѣхавшій на, подпиленный ими заранѣе, мостъ, упалъ, а красноармейцы были перебиты"-

Рисунокъ мнѣ понравился, но опасаясь, демонстрированіемъ столь удачнаго хозяйничанья правительства и отношенія къ нему крестьянъ, повредить журналу, — я не взяла его, и художникъ, пошутивъ, что „редакторы другихъ изданій будутъ храбрѣе", — направился съ нимъ туда.

Вскорѣ послѣ этого, рисунокъ, дѣйствительно, появился въ „Огонькѣ", но, за напечатаніе его, редакторъ и издатель были арестованы, а журналъ закрытъ.

Въ 18-мъ году, когда начались усиленныя реквизиціи домашнихъ обстановокъ и вселенія въ квартиры, мнѣ, впервые, пришлось побывать въ Смольномъ.

Во главѣ жилищнаго отдѣла, куда направилась я съ просьбой освободить меня, какъ редактора, отъ вторженія въ квартиру чужихъ людей, стоялъ одинъ изъ „активно содѣйствовавшихъ революціи" матросовъ.

Очень грубый и антипатичный по наружности, онъ встрѣтилъ меня крайне недружелюбно, молча выслушалъ мое дѣло, и внимательно просмотрѣлъ предъявленные ему номера журнала.

— Вы понимаете, товарищъ, — закончила я свое ходатайство, — что для умственной работы необходимы тишина и нѣкоторыя удобства.

Окинувъ меня непривѣтливымъ взглядомъ, матросъ отвѣтилъ:

— Дѣло не въ этомъ. Мы тоже нуждались во многомъ въ царское время, да на наши просьбы плевали. Я выдамъ вамъ бумагу, освобождающую васъ отъ вселенія и реквизиціи только потому, что хоть вы и классовый врагъ, но къ народу и въ прежнее время относились хорошо.

И замѣтивъ мое недоумѣніе, уже привѣтливѣе добавилъ:

— Я вашъ журналъ всегда читалъ и раньше, и знаю, что вы печатали въ немъ и нашего брата, кого въ другихъ редакціяхъ и на порогъ не пущали*).

*) Дѣйствительно, до революціи, я неоднократно помѣщала во „Всемъ Мірѣ" произведенія талантливыхъ начинающихъ писателей изъ народа, ставшихъ впослѣдствіи видными совѣтскими литераторами. У меня же началъ свою литературную дѣятельность и прославившійся нынче въ СССР Валентинъ Катаевъ.

Такимъ образомъ, неожиданно для себя, я получила то, чего не имѣли даже многіе „партійные“ и, безпрепятственно, пользовалась своей квартирой и обстановкой до самаго выѣзда изъ Россіи.

Приблизительно въ такихъ же условіяхъ жилъ, въ теченіе революціонныхъ лѣтъ, и авторъ „Исторіи Искусствъ“, драматургъ Гнѣдичъ, по распоряженію Луначарскаго оставленный въ своемъ прежнемъ помѣщеніи въ качествѣ „пожизненнаго хранителя“ принадлежавшей ему же цѣнной библіотеки.

Въ квартиру извѣстнаго нововременскаго критика, Буренина, были вселены матросы; обстановка осталась нереквизированной, но получаемаго отъ КУБУ*) пайка онъ лишился, когда въ одной изъ совѣтскихъ газетъ появилась статья журналиста Оль д'Оръ, негодующаго на полученіе „антисемитомъ Буренинымъ“ продуктовъ.

И все же оба эти писателя являлись еще избранниками судьбы: многимъ, имѣвшимъ обширныя помѣщенія и „лишнюю“ обстановку, пришлось дѣлиться ими съ рабочими а, въ дальнѣйшемъ, и съ цѣлыми „прикрѣпляемыми къ мѣстамъ“ цыганскими таборами.

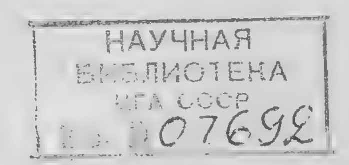
Послѣднее являлось такимъ ужасомъ, что — когда въ квартиру одного стараго профессора прибыли цыгане со множествомъ, осыпанныхъ насѣкомыми, вороватыхъ дѣтей — онъ предпочелъ переселиться со своей семьей въ нанятую на окраинѣ города комнату.

Въ мартѣ 18-го года, когда Петрограду грозило наступленіе нѣмцевъ, — которыхъ теперь всѣ ждали, какъ спасителей, — я была призвана, вмѣстѣ съ другими „трудоспособными гражданами“, рыть окопы.

Пришлось снова хлопотать объ освобожденіи отъ этой повинности, чего, по предъявленіи въ мѣстномъ комиссаріатѣ бумаги изъ Смольнаго, мнѣ удалось добиться мгновенно.

Отъ другихъ общественныхъ работъ, какъ очистка

*) „Комитетъ по улучшенію быта писателей и ученыхъ“.

улицъ и дворовъ отъ нечистотъ, снѣга и т. п., которыми большевики замучивали голодную интеллигенцію, мнѣ удавалось освобождаться, посылая вмѣсто себя кого либо другого или откупаясь отъ этой обязанности врученнымъ управдому кускомъ хлѣба.

1 МАР 1918

Освобождается от окопных работ

Пом. Комиссар 1-го Коломенскаго района

Комиссаріатъ 1-го Коломенскаго района

Резолюція на прошеніи объ освобожденіи отъ работъ.

Но особенно нелѣпымъ являлось распоряженіе власти назначать на ночныя дежурства у воротъ, вмѣсто дворниковъ, поочередно всѣхъ обитателей дома, не исключая и женщинъ.

Мнѣ разсказывала одна знакомая, получившая такое тепличное воспитаніе, что по вечерамъ не рѣшалась даже выходить безъ провожатаго на улицу, какъ ей пришлось, однажды на дежурствѣ, защищать ворота отъ вторженія какого то „товарища“ и, въ концѣ концовъ, бѣжать, переполошивъ своими криками весь домъ.

Во избѣжаніе такихъ случаевъ, подобные „стражи“, зачастую охранялись мужьями или кѣмъ либо другимъ изъ близкихъ, или во дворѣ дома подвѣшивался большой колоколъ, которымъ „дежурная“ давала знать жильцамъ объ опасности.

IV
ТИБЕТСКІЙ ТАЛИСМАНЪ И НИТКА ЖЕМЧУГА

Среди петроградцевъ ходили слухи, что власть умышленно заполняетъ время населенія безчисленными повинностями и отнимаетъ у него этимъ послѣднія силы, дабы не дать возможности употребить ихъ на какія либо выступленія противъ нея. Дѣйствительно, большевики не давали покоя никому. Согласно приказа, для обмѣна паспортовъ на трудовыя книжки, граждане обязаны были являться въ комиссаріатъ лично.

На этотъ разъ я рѣшила не отговариваться болѣзнью, и, явившись въ мѣстный Совѣтъ, мнѣ пришлось стать свидѣтельницей многихъ забавныхъ сценъ.

Это былъ, пожалуй, первый, отъ сотворенія міра, случай, когда еще молодыя женщины, дабы избѣжать трудовой повинности, старались доказать, что онѣ старухи. Для этого заявлялось, что прежній паспортъ утраченъ во время обыска или грабежа, и выдававшимъ трудкнижки приходилось только изумляться моложавости совѣтскихъ гражданокъ. Если ложь переходила уже всякія границы, выдача документа откладывалась до наведенія справокъ, не дающихъ результатовъ, ибо администрація дома обычно покрывала такой обманъ.

Но все это осложняло обязанности выдающихъ новые документы полуграмотныхъ товарищей, заставляя ихъ иногда задавать гражданамъ анекдотическіе вопросы.

Предложивъ мнѣ назвать свою профессію и услыхавъ, что я редакторъ, меня спросили:

— Грамотная?

Опубликованіе декрета о сдачѣ населеніемъ государству золота и драгоцѣнныхъ камней меня не обезпокоило, такъ какъ наиболѣе цѣнные, хранимые мной въ сейфѣ, предметы, уже были реквизированы. При мнѣ оставалось только нѣсколько мелкихъ вещицъ и нитка стариннаго жемчуга, зарытая мной между корнями стоявшей въ спальнѣ пальмы.

Но главное, за что я боялась, это былъ, унаслѣдованный мною отъ прабабушки, тибетскій талисманъ,

который, къ счастью, нельзя было отнести къ драгоцѣнностямъ, такъ какъ онъ былъ сдѣланъ изъ оксидированнаго серебра. Согласно оставленнымъ прабабушкой записямъ, онъ былъ полученъ ею нѣкогда отъ буддійскаго монаха, приписывавшаго этой вещи свойства мистическаго значенія*), и являлся уникой**). Я дорожила талисманомъ больше, чѣмъ всѣми своими драгоцѣнностями, но не предполагая, чтобы имъ могли заинтересоваться солдаты и матросы, считала излишнимъ прятать его, а, на всякій случай, придумала иной способъ оберечь отъ посягательствъ. Укоротивъ цѣпь, на которой онъ былъ надѣтъ, я велѣла спаять ее на себѣ такъ, чтобы она не могла быть снята.

Нѣсколько обысковъ прошло послѣ этого благополучно, талисмана не видѣли, или, замѣтивъ, не придавали ему значенія. Но, однажды, во время ночного вторженія въ квартиру, когда два солдата занялись въ кабинетѣ разборкой книжныхъ шкафовъ и письменнаго стола, — осматривавшій въ спальнѣ шифоньерку матросъ спросилъ у меня:

— Золотой цѣпочки и креста на себѣ не имѣете?

— Нѣтъ.

Увидавъ, что шея моя окутана, и заподозривъ обманъ, онъ попросилъ меня снять шарфъ.

Пришлось повиноваться.

— А это что у васъ? — удивился онъ, увидавъ массивную серебряную цѣпь, на которой былъ надѣтъ, зашитый въ мѣхъ, талисманъ.

---

*) Даетъ побѣду въ борьбѣ, безболѣзненную смерть въ глубокой старости, и позволяетъ казаться людямъ такимъ, какъ желательно его носителю.

**) Желая узнать истинное назначеніе и происхожденіе талисмана, я, уже будучи заграницей, предъявляла его въ восточный отдѣлъ парижской колоніальной выставки, въ музеи разныхъ странъ, гдѣ имѣются спеціалисты ученые, востоковѣды и антиквары, но никто не могъ разрѣшить интересующихъ меня вопросовъ, указывая, что видятъ такую вещь впервые. Все, что удалось мнѣ услышать, это — что талисманъ несомнѣнно тибетскаго происхожденія и изготовленъ повидимому для какого то особаго, неизвѣстнаго европейцамъ таинства.

— Это не драгоцѣнность, — отвѣтила я; — простой серебряный талисманъ.
— Снимите.
— Онъ не снимается — цѣпь спаяна.
Матросъ заинтересовался еще больше.
— Это зачѣмъ же?
— Чтобъ не потерялся. Онъ не представляетъ никакой цѣнности, но я ношу его изъ суевѣрія, — сказала я, дѣлая видъ, что не придаю вещи особаго значенія.
— Разверните.
— Интересная штука, — сказалъ матросъ, съ любопытствомъ осматривая талисманъ. — Я плавалъ въ Японіи и въ Китаѣ, а такихъ не видалъ. Придется вамъ сдать его, хоть онъ и не золотой.
— Но онъ не можетъ считаться драгоцѣнностью, и не снимается, — повторила я.
— Ничего, утромъ я приведу слесаря, а тамъ уже разберутъ какъ съ имъ быть.
Тогда, увидавъ, что спасти талисманъ можно лишь героическимъ средствомъ, я, понизивъ голосъ, сказала:
— Вотъ что, товарищъ, — вамъ эта вещь денегъ не принесетъ, а если вы оставите ее мнѣ такъ, чтобы никто не зналъ, я, взамѣнъ, предложу вамъ другую, которую вы можете продать за большую сумму.
Говоря это, я знала, что рискую, ибо, во-первыхъ, матросъ могъ оказаться некорыстнымъ и арестовать меня за предложеніе взятки, а затѣмъ, — я, конечно, не была гарантирована, что, получивъ ее, онъ не возьметъ талисмана или не заявитъ о немъ въ комиссаріатъ.
Однако, оглянувшись на дверь, матросъ, также пониженнымъ голосомъ, быстро спросилъ:
— Что же это будетъ?
Я молча подошла къ стоявшему у окна цвѣтку и, выкопавъ изъ земли жемчугъ, подала матросу.
Онъ жадно схватилъ его, еще разъ обернулся на дверь и сталъ разсматривать колье. Потомъ, спрятавъ жемчугъ въ карманъ, кашлянулъ и нарочито громкимъ голосомъ спросилъ:

— А въ печахъ у васъ ничего не спрятано, гражданка? Нѣкоторые такими хитростями думаютъ скрыть вещи, а потомъ еще недовольны, что имъ отвѣчать приходится за это.

Обыскъ закончился на разсвѣтѣ, а въ восемь часовъ я была уже у слесаря. Разрѣзавъ цѣпь, я поѣхала на дачу, гдѣ закопала талисманъ въ саду, неподалеку отъ зарытаго тамъ же кортика мужа.

Матроса я больше не видѣла, и въ комиссаріатъ онъ не донесъ, повидимому удовольствовавшись взяткой.

V

„ТЕРРОРЪ ИСПЫТАЛИ БЫ НА СОБСТВЕННОЙ ШКУРѢ"

Въ началѣ лѣта я получила изъ Смольнаго предписаніе доставлять журналъ, для просмотра, комиссару печати, агитаціи и пропаганды лично. Комиссаромъ въ тѣ дни былъ Володарскій, и имя этого, еще совсѣмъ молодого человѣка, прославившагося своей жестокостью и ненавистью къ прежнему строю, пользовалось въ Петроградѣ не меньшей популярностью, чѣмъ имя Ленина.

Въ партійныхъ кругахъ причиной этой популярности являлось умѣніе митинговыми рѣчами и погромными статьями въ „Красной Газетѣ" (первымъ редакторомъ которой онъ состоялъ) толкать матросовъ и солдатъ на самыя звѣрскія расправы съ офицерствомъ и другими идейными врагами, а среди обывателей — его безчисленныя любовныя похожденія.

Большевики называли его „геніальнымъ ораторомъ"; въ дѣйствительности же онъ не былъ краснорѣчивъ, но говорилъ съ большимъ пафосомъ, вызваннымъ той же ненавистью къ прошлому.

Такъ какъ, обычно, журналъ, послѣ моей подписи, отправлялся въ Смольный типографіей, новое распоряженіе показалось мнѣ страннымъ, но отчасти и порадовало: я рѣшила воспользоваться случаемъ, заговорить

съ комиссаромъ объ одной изъ его митинговыхъ рѣчей и указать на недопустимость террора и гоненія на интеллигенцію.

Поступить такъ я считала себя обязанной какъ руководительница боровшагося съ жестокостью общества, дѣйствія котораго, какъ и всѣхъ другихъ, были пріостановлены, но которое, нелегально, продолжало функціонировать.

Явившись въ Смольный и пройдя въ кабинетъ комиссара, я увидѣла за столомъ элегантно одѣтаго молодого человѣка съ нервнымъ, до болѣзненности, лицомъ. Встрѣтилъ онъ меня крайне сурово, но, перелиставъ журналъ, сказалъ:

— Сработано чисто, придраться не къ чему, а все-таки, — уже улыбаясь, добавилъ онъ, — отъ закрытія васъ спасаетъ только финское издательство*).

Случай заговорить на интересующую меня тему представился скорѣе, чѣмъ я ожидала, и я поторопилась воспользоваться имъ...

— Разрѣшите, комиссаръ, сказать вамъ нѣсколько словъ?.. Быть откровенной? — спросила я.

Володарскій окинулъ меня быстрымъ, удивленнымъ взглядомъ.

— Въ чемъ дѣло?..

Упомянувъ о томъ, что я не однажды слышала на митингахъ его рѣчи и читала фельетоны, вооружающіе народъ противъ военныхъ и интеллигенціи, я стала говорить о невозможности построить безъ нихъ „новый міръ", о томъ, что терроръ компрометируетъ идею соціализма, можетъ вызвать безконечную гражданскую войну и т. п.

— Отъ васъ зависитъ многое, — закончила я, — прекратите эту травлю въ печати, эти, вызываемыя ею, безцѣльныя убійства — и вы увидите благіе результаты этого очень быстро.

---

*) „Весь Міръ" издавался Финскимъ Акціонернымъ Обществомъ „Слово", а финскіе граждане и ихъ имущество находились тогда подъ защитой германскаго консула.

Володарскій выслушалъ мою рѣчь не прерывая, внимательно и съ любопытствомъ на меня глядя.

— Да, — сказалъ онъ, — результаты этого мы бы, дѣйствительно, испытали быстро, только — на собственной шкурѣ. Мнѣ бы, конечно, не слѣдовало разговаривать съ вами объ этомъ, но я отвѣчу вамъ, потому что вы искренни. Не только враждебные намъ военные круги, но даже либеральная, способствовавшая углубленію революціи, интеллигенція, является для насъ обузой, съ которой мы, къ сожалѣнію, временно, вынуждены мириться. Старую идеологію изъ васъ можно выкурить только пороховымъ дымомъ, что мы дѣлали и будемъ дѣлать до побѣднаго конца, т. е. до міровой революціи. Намъ нужны дѣти, молодежь и рабочіе. Первыхъ двухъ мы воспитаемъ въ ненависти къ капиталистическому строю и ко всей его лицемѣрной морали, вторые идутъ и будутъ итти за нами, потому что имъ это выгодно. Что касается террора, то вы разсуждаете о немъ, какъ женщина, притомъ, враждебнаго намъ класса. Революціонныя зданія склеиваются кровью, а не розовой водицей, въ которой мы, какъ и наши предшественники, въ два счета, утонули бы вмѣстѣ съ нашей революціей.

— Но, значитъ, и примкнувшіе къ вамъ идейно, только потому, что воспитывались согласно „другой идеологіи", рано или поздно, все же не избѣгнутъ участи вашихъ враговъ — ошеломленная словами комиссара, спросила я?

— Революція требуетъ жертвъ, — уклончиво отвѣтилъ онъ, — и мы обязаны дѣйствовать въ ея интересахъ.

— А что подумаетъ о такихъ „жертвоприношеніяхъ" Европа?

— Ну, съ этой мы, когда понадобится, поладимъ. Нѣсколько подачекъ быстро зажмутъ ей ротъ, — презрительно отвѣтилъ Володарскій, вставая и этимъ показывая, что аудіенція кончена.

Однако съ этихъ поръ, каждый разъ, когда я представляла ему журналъ, онъ, просматривая его, уже самъ заговаривалъ на затронутую мной, въ первое свиданіе,

тему, иронически указывая, что, вѣроятно, я, на мѣстѣ власти, „съ миромъ отпускала бы возстающихъ противъ новаго строя враговъ, для продолженія ихъ дѣятельности.“

Во время одного изъ такихъ разговоровъ, убѣдившись, что я, все же, продолжаю оставаться, относительно террора, при своемъ прежнемъ мнѣніи, онъ, шутливо, сказалъ:

— Какъ это вы, при вашихъ взглядахъ и смѣлости, — (которую онъ, повидимому, усмотрѣлъ въ томъ, что я „дерзнула“ заговорить съ нимъ о террорѣ), — не устроили до сихъ поръ бѣлогвардейскаго заговора?

— Если вы не измѣните вашей тактики, можетъ быть, это еще впереди, — отвѣтила я въ тонъ ему.

— Ну, не совѣтую вамъ даже думать объ этомъ; — возразилъ Володарскій съ угрозой, — вамъ извѣстно, какъ расправляемся мы съ нашими врагами, какой бы невинной личиной они ни прикрывались.

Въ другой разъ, просматривая привезенные мной, въ гранкахъ, статью и номеръ „Всего Міра“, въ которомъ, въ числѣ другихъ, были снимки съ какихъ то старинныхъ картинъ, онъ вдругъ спросилъ:

— Мнѣ говорили, что у васъ есть картина Рубенса?

— Да, но является ли она оригиналомъ, это еще не установлено, — отвѣтила я, встревоженная вопросомъ.

— Тогда надо это установить и реквизировать ее у васъ для одного изъ коммунальныхъ музеевъ.

— Но мнѣ завѣдующій жилищнымъ отдѣломъ выдалъ удостовѣреніе, что, какъ работникъ умственнаго труда, я освобождаюсь отъ реквизицій.

— Мало ли какія ошибки дѣлаютъ еще наши товарищи по неопытности. Наша обязанность исправлять ихъ.

И, вручая мнѣ номеръ, добавилъ:

— А со статьей я хочу ознакомиться подробнѣе и поэтому оставлю ее у себя дня на два.

— Когда можно прислать за ней?

— Послѣзавтра, около девяти вечера, я буду проѣзжать мимо вашего дома въ редакцію „Красной Га-

зеты“ и завезу ее вамъ. Кстати, лично посмотрю на Рубенса, и такъ ли худо живется въ коммунѣ буржуазнымъ писателямъ, какъ объ этомъ кричатъ наши враги.

— Вы получите ложное представленіе объ условіяхъ ихъ жизни. Вѣдь только я, по причинамъ, о которыхъ вы можете справиться у того же завѣдующаго жилищнымъ отдѣломъ, освобождена отъ реквизиціи и вселенія.

— Причины эти мнѣ давно извѣстны, — улыбнулся комиссаръ, — и если бы я не зналъ о нихъ, не сталъ бы и разговаривать съ вами.

И замѣтивъ мое смущеніе, со свойственной коммунистамъ подозрительностью, понявъ его иначе, чѣмъ слѣдовало, добавилъ:

— Только имѣйте въ виду, если со мной что нибудь случится у васъ на квартирѣ, при входѣ въ вашъ домъ, или выходѣ изъ него, вы отвѣтите за это по всей строгости революціоннаго времени.

— Но, вѣдь, не я приглашаю васъ заѣхать ко мнѣ,— возмутилась я. — Я не могу ручаться за вашихъ активныхъ враговъ, которыхъ, какъ вамъ извѣстно, у васъ достаточное количество. Назначьте часъ, и я пришлю къ вамъ за статьей человѣка.

— Послѣзавтра, къ девяти, я буду у васъ. А то, что я сказалъ, вы всетаки запомните и почаще повторяйте вашимъ единомышленникамъ, которыхъ ужасаетъ терроръ.

Въ день пріѣзда Володарскаго, считая картину обреченной, я была въ очень подавленномъ настроеніи. Днемъ у меня происходилъ тщательный обыскъ, продлившійся на этотъ разъ почти до вечера, и я никакъ не могла погасить въ душѣ чувство безсильной злобы, что, вопреки своей волѣ, вынуждена буду принимать у себя убійцу.

Пока мы встрѣчались въ офиціальной обстановкѣ, и онъ являлся объектомъ моихъ наблюденій, свиданія съ нимъ не были мнѣ такъ непріятны, да и помимо этого, кто могъ поручиться за случайность, когда этотъ мо-

ральный виновникъ безчисленныхъ убійствъ былъ ненавидимъ населеніемъ Петрограда.

Но случайность, которой я опасалась, дѣйствовала, на этотъ разъ, въ моихъ интересахъ. Вечеромъ, часа за два до пріѣзда комиссара, ко мнѣ забѣжалъ одинъ изъ моихъ сотрудниковъ, чтобы сообщить сенсаціонную новость:

„Володарскій убитъ брошенной въ его автомобиль бомбой."

VI

„УБИВАЙТЕ И ДѢТЕЙ И СТАРИКОВЪ"

Послѣ этого выступленія, терроръ, какъ и можно было ожидать, усилился, достигнувъ настоящей бойни въ концѣ августа.

Вѣроятно въ предвидѣніи новыхъ террористическихъ актовъ, незадолго до этого была произведена регистрація бывшихъ офицеровъ царскихъ армій. Это явилось свойственнымъ совѣтской власти орудіемъ — ловушкой, въ которую попались многіе, ибо по этимъ спискамъ впослѣдствіи производились аресты.

Какъ только былъ убитъ Урицкій, въ одной изъ совѣтскихъ газетъ появилась статья, призывавшая „революціонныхъ матросовъ и солдатъ не щадить классовыхъ враговъ будь то старики или дѣти, ибо ихъ не передѣлать, и они всегда останутся врагами народа..."

Призывъ панически настроенной, дрожавшей за свою жизнь, власти, воздѣйствовалъ, и въ дома, враждебныхъ круговъ, ринулись пьяныя толпы матросовъ, солдатъ и просто озвѣрѣвшей черни.

На этотъ разъ въ число пострадавшихъ попали и мои близкіе, юный, также зарегистрировавшійся офицеръ и... двѣнадцатилѣтній мальчикъ*).

— Бери и этого щенка, все одно выраститъ — противъ народа пойдетъ, — сказалъ арестовавшій офицера,

*) Мой мужъ избѣжалъ этой участи лишь потому, что не зарегистрировался и отсутствовалъ.

едва стоявшій на ногахъ, пьяный матросъ другому, потрезвѣе.

Всѣ мои протесты, угрозы, что я обращусь непосредственно къ Зиновьеву и даже Ленину, которые не оставятъ безнаказаннымъ ареста ребенка, не привели ни къ чему, а когда я, схвативъ мальчика за плечо, не хотѣла его отпустить — мнѣ вывихнули руку, пригрозивъ, что если еще буду сопротивляться:

„Прикончимъ васъ всѣхъ на мѣстѣ."

Опуская подробности дальнѣйшаго и мученической смерти арестованныхъ, я разскажу лишь о моихъ попыткахъ освободить ихъ*).

Разрѣшенія на въѣздъ въ Кронштадтъ, куда, какъ мнѣ удалось узнать, отвезли ихъ съ Гороховой, выдавались въ это время районнымъ совѣтомъ очень неохотно, поиски по тюрьмамъ осложнялись отношеніемъ уже деморализованныхъ часовыхъ, набиравшихся, въ большинствѣ, изъ „преданныхъ революціи."

Впрочемъ, среди послѣднихъ тогда еще встрѣчались и не утратившіе человѣческихъ чувствъ.

Помню, какъ, на кронштадтской пристани, осматривавшій пропускъ часовой, узнавъ, зачѣмъ я пріѣхала, тихо сказалъ:

— Много нынче такихъ пріѣзжаетъ сюда...

И, какъ бы извиняясь за свои обязанности, добавилъ:

— Я, вѣдь, самъ тоже изъ прежнихъ, на фронтѣ былъ, отличія имѣю, да вотъ теперь тутъ поставили.

На пустынныхъ улицахъ Кронштадта было жутко. Устрашенные матросскими звѣрствами, обыватели предпочитали не показываться, и лишь кое гдѣ встрѣчались группы пьяныхъ матросовъ.

На обращенный мною, къ встрѣтившейся женщинѣ, вопросъ, какъ найти военную тюрьму, она, пояснивъ, добавила:

---

*) Послѣ издѣвательствъ и пытокъ, вмѣстѣ съ другими четырьмястами, въ числѣ которыхъ находилось много подростковъ и шесть стариковъ священниковъ, они были разстрѣляны на фортѣ „Константинъ", у Кронштадта.

— Только лучше къ морю идите: въ тюрьмахъ никого не осталось, всѣхъ вчера перебили.

И, шопотомъ, стала разсказывать, какъ родные убитыхъ и утопленныхъ, пренебрегая опасностью быть арестованными, разыскиваютъ близкихъ; о томъ, какъ, наканунѣ, какая то старушка, узнавъ, въ одномъ изъ подплывшихъ къ берегу, изуродованныхъ, труповъ, своего сына:

„Бросилась въ воду, вцѣпилась въ него, да такъ ко дну вмѣстѣ и пошла".

Вѣроятно, въ связи съ цѣлью моего пріѣзда, отъ этого разсказа, отъ этихъ странно-пустынныхъ улицъ, отъ непривычно-наглыхъ лицъ встрѣчавшихся матросовъ, группа которыхъ, остановившись, бросила мнѣ вслѣдъ нѣсколько циничныхъ фразъ, — настроеніе мое стало еще тягостнѣе.

Мнѣ чудилось, что самая атмосфера этого, дорогого мнѣ, по воспоминаніямъ, города, гдѣ я бывала невѣстой, эти нѣмыя стѣны, видѣвшія гонимыхъ на пытки мучениковъ, среди которыхъ могли быть и тѣ, которыхъ я искала, — пропитаны пережитыми ими ужасами.

Однако, всѣ мои старанія освободить арестованныхъ оказались напрасными и — запоздалыми, ибо въ то время, когда я еще продолжала хлопотать объ этомъ, властью были опубликованы списки разстрѣлянныхъ, въ которыхъ значились и ихъ имена...

„Справедливый" революціонный судъ надъ неповинными уже совершился.

Но останавливаться долго на своихъ личныхъ переживаніяхъ ни у кого тогда не было времени, что отчасти для многихъ, въ томъ числѣ и для меня, являлось спасительнымъ.

Хотя лично я все еще продолжала стоять въ благопріятныхъ условіяхъ, однако, работа моя съ каждымъ днемъ осложнялась все больше и больше. Рядъ смѣнявшихся, послѣ убійства Володарскаго, комиссаровъ забрасывалъ все новыми и новыми требованіями, изъ которыхъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ явился переходъ на новую орѳографію. Приходилось проводить

ночи за переправкой уже ранѣе принятыхъ мною, и вновь поступавшихъ, рукописей, такъ какъ типографія отказывалась взять эту работу на себя, а приглашать для нея новое лицо въ моментъ, когда тиражъ журнала, вслѣдствіе нарушеннаго транспорта и другихъ условій, упалъ почти на половину, — тоже не представлялось возможнымъ. Притомъ буржуазныя изданія закрывались одно за другимъ, и я, желая облегчить безвыходное положеніе все прибывавшихъ ко мнѣ оттуда новыхъ сотрудниковъ, набрала ихъ столько, что у меня оставалось уже въ обрѣзъ ассигнуемой издателями, на журналъ, суммы.

Принесъ мнѣ тогда же, для напечатанія, свои литературныя воспоминанія и бывшій редакторъ журнала „Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ" баронъ Н. В. Дризенъ, имя котораго, какъ будетъ видно дальше, связалось для меня съ новымъ несчастьемъ.

Становившаяся съ каждымъ днемъ все ожесточеннѣе борьба за существованіе, и необходимость разрушать ежеминутно воздвигаемыя властью преграды къ добыванію примитивно необходимыхъ предметовъ и продуктовъ не позволяли населенію опомниться, притти въ себя, сосредоточиться на чемъ нибудь.

Большинство петроградцевъ питалось тогда знаменитой „пшенкой" и воблой, избранники судьбы — кониной, а иногда и собачиной, которую подъ видомъ „молодого барашка", а подчасъ даже не скрывая происхожденія „ножки", спекулянты продавали голодавшимъ.

Въ погонѣ за продуктами, приходилось ѣздить за сотни верстъ отъ Петрограда, сбившись, какъ стадо, въ кучу, на полу обледенѣвшихъ товарныхъ вагоновъ, простаивая по суткамъ въ поѣздахъ, среди занесенныхъ снѣгомъ полей, такъ какъ для паровозовъ не хватало топлива.

Это было время, когда съ петроградскихъ дворовъ и улицъ совершенно исчезли, поглощенныя людьми, лошади и собаки, а съ черныхъ лѣстницъ во множествѣ обитавшія тамъ и столь любимыя обывателями кошки.

Недостатокъ, а временами и полное отсутствіе топлива, электрическаго освѣщенія и воды (вслѣдствіе замерзанія трубъ), выкачиваніе собственными средствами хлынувшихъ въ ванны, изъ засоренныхъ трубъ, нечистотъ — являлись штрихомъ, дополнявшимъ красоту коммунистической жизни петроградцевъ 18-22 гг.

VII
„РЕВОЛЮЦІОННАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ"

Не такъ жила въ эти, да и во всѣ послѣдующіе, годы власть, въ чемъ мнѣ впервые пришлось убѣдиться тогда лично.

Желая облегчить условія пересылки журнала въ провинцію и избѣжать, хлопоча объ этомъ, безконечныхъ хожденій въ комиссаріатъ, я позвонила на домъ къ комиссару почтъ и телеграфовъ Зорину, попросивъ его назначить мнѣ день для переговоровъ.

Комиссаръ былъ нездоровъ, не выѣзжалъ, и лишь послѣ настойчивыхъ просьбъ принять меня, разрѣшилъ явиться въ „Домъ Совѣта"*) на другой день въ 5 часовъ.

Не дослышавъ, я пріѣхала въ часъ и, такъ какъ контора вестибюля, уже съ утра, получила распоряженіе пропустить меня, я, безпрепятственно, прошла въ указанный мнѣ третій этажъ.

Здѣсь все осталось по старому: центральное отопленіе, бархатныя дорожки на лѣстницахъ и нарядная, встрѣтившаяся на пути, горничная въ наколкѣ, предупредительно указавшая мнѣ комнату комиссара.

Я постучала въ дверь, но отвѣта не получила.

— Навѣрно, не заперто, вы войдите, — посовѣтовала горничная.

Открывъ дверь, я очутилась въ обычной для отеля комнатѣ, раздѣленной перегородкой на прихожую, спальню и салонъ.

---

*) „Домъ Совѣта" — „Асторія" — до революціи, одинъ изъ наиболѣе фешенебельныхъ отелей Петрограда, гдѣ въ описываемое время обитало большинство представителей новой власти.

— Можно войти? — спросила я, остановившись, но, снова не получивъ отвѣта, прошла дальше.

Видимо не ожидавшій никого, комиссаръ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, безъ пиджака, съ кускомъ шоколада въ рукѣ.

Онъ былъ такъ изумленъ моимъ появленіемъ, что нѣкоторое время смотрѣлъ на меня молча, оставаясь неподвижнымъ, а я, воспользовавшись этимъ, успѣла замѣтить, что передъ нимъ стояла большая рюмка и наполовину опустошенная бутылка коньяку „Мартель", а на стулѣ, рядомъ, наполненный плитками шоколада, ящикъ съ надписью „Крафтъ".

Опомнившись, комиссаръ быстро протянулъ руку къ настольному телефону, видимо желая позвонить.

— Вы разрѣшили мнѣ, товарищъ комиссаръ, явиться къ вамъ сегодня по дѣлу моего журнала. Я — редакторъ „Всего Міра", — поторопилась я успокоить его.

Комиссаръ опустилъ руку.

— Но, вѣдь я же сказалъ вамъ притти въ пять, а теперь часъ, — рѣзко сказалъ онъ, вставая и направляясь ко мнѣ.

Недоразумѣніе быстро разъяснилось, и, вѣроятно, для того, чтобы я поскорѣе ушла, все время загораживавшій собою столъ и оттѣснявшій меня къ дверямъ, комиссаръ обѣщалъ удовлетворить мою просьбу.

Опасаясь, что обѣщаніе это не будетъ исполнено имѣвшимъ причины быть озлобленнымъ на мое несвоевременное появленіе сановникомъ, я была пріятно удивлена, получивъ, на третій день послѣ моего визита, необходимое разрѣшеніе.

Черезъ двѣ недѣли, утромъ, въ то время, когда я отдавала по телефону типографіи распоряженія относительно очередного номера журнала, разсыльный принесъ мнѣ пакетъ изъ Смольнаго:

„За нарушеніе декрета о титулахъ*), — прочла я въ немъ, — журналъ „Весь Міръ" закрывается навсегда".

---

*) Моя редакторская подпись и барона Дризена подъ его литературными воспоминаніями, которыя помѣщала я въ послѣднихъ номерахъ.

Это явилось для меня новымъ неожиданнымъ ударомъ, ибо ко всему сулило еще такія же матеріальныя лишенія, какія уже давно переживали мои коллеги и знакомые.

Я рѣшила попытаться отстоять „Весь Міръ" и направилась въ Смольный.

Въ пріемной Комиссаріата по дѣламъ печати меня встрѣтилъ, на этотъ разъ, секретарь новаго комиссара, бывшая сестра милосердія, Васильева.

— Вы, вѣроятно, по поводу закрытія журнала? Такъ это напрасно. Товарищъ комиссаръ уже говорилъ мнѣ, что сдѣлать ничего не можетъ, что существованіе въ коммунѣ такого „баронскаго" журнала невозможно.

Но я настаивала на объясненіи и, наконецъ, убѣдила Васильеву доложить о моемъ приходѣ.

Новый комиссаръ — такой же молодой человѣкъ, какъ и Володарскій — встрѣтилъ меня, почему то, улыбаясь.

— Я вела журналъ при совѣтской власти въ теченіе цѣлаго года, продолжая подписывать его, какъ и до революціи, вмѣстѣ съ фамиліей и титуломъ, и не получала распоряженія измѣнить подпись. Допуская это, развѣ комиссаріатъ печати, нѣсколько разъ выдававшій мнѣ разрѣшенія на изданіе, не нарушалъ вмѣстѣ со мной декрета, — сказала я возбужденно, увѣренная, что противъ такого аргумента невозможно найти возраженій.

— Вы правы, — спокойно отвѣтилъ комиссаръ, — конечно, и мы нарушали декретъ, но, вѣдь, въ данномъ случаѣ послѣдній является только предлогомъ для закрытія журнала. Намъ нужна, для печатанія революціонныхъ брошюръ, бумага, которой у насъ нѣтъ, а такъ какъ заготовленная для вашего журнала принадлежитъ финнамъ, и поэтому, пока существуетъ „Весь Міръ", мы не могли бы ее получить, то я и вынужденъ былъ къ чему нибудь придраться.

— Вы находите это справедливымъ? — только и нашлась я возразить на это откровенное признаніе.

— Революціонная справедливость имѣетъ свои особые законы, — отвѣтилъ комиссаръ.

Все, чего могла я добиться, — это разрѣшенія на выпускъ двухъ, уже отпечатанныхъ, номеровъ.

Такимъ образомъ пересталъ существовать и „Весь Міръ“, закрытый послѣднимъ изъ дореволюціонныхъ петроградскихъ еженедѣльниковъ.

Оставшись безъ работы, которая не только давала мнѣ средства къ существованію, но живость и отвѣтственность которой не позволяла сосредоточиваться на моихъ скорбныхъ мысляхъ и заполняла мелкими заботами все болѣе и болѣе ломавшуюся жизнь, я совсѣмъ затосковала. Одинъ за другимъ разсѣивались мои близкіе и знакомые: одни — еще въ началѣ революціи успѣли бѣжать заграницу, другіе — погибли отъ лишеній и въ тюрьмахъ, третьи — были разстрѣляны.

Порадовало меня извѣстіе, что большевикамъ все же не удалось реквизировать бумагу „Всего Міра“: германскій консулъ поставилъ у склада охрану, и, явившіеся за ней, они вынуждены были уйти, пріобрѣвъ впослѣдствіи эту же бумагу по очень высокой цѣнѣ.

Вручая мнѣ, за два мѣсяца впередъ, послѣднее жалованье, замѣститель уже уѣхавшихъ въ Финляндію издателей „Всего Міра“ также ободрилъ меня увѣреніемъ, что большевики „продержатся только до новаго года, и журналъ снова начнетъ выходить не позже половины января“.

Я цѣплялась за эту надежду и, еще не успѣвъ извѣдать лишеній, радостно слѣдила за развaломъ жизни, за все нароставшимъ вокругъ негодованіемъ на дѣйствія власти.

VIII

Я ПОСТУПАЮ НА ФАБРИКУ

Бездѣйствіе томило меня. Затѣянное группой профессоровъ изданіе журнала „Научное Слово“, въ литературномъ отдѣлѣ котораго меня просили принять участіе, за отсутствіемъ читателей прекратило существованіе послѣ перваго же номера, и я снова осталась безъ работы.

Въ началѣ февраля, я прочла въ „Красной Газетѣ“, что Культурно-Просвѣтительный Отдѣлъ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ*), предполагаетъ издавать журналъ. Заинтересовавшись какого типа будетъ изданіе, я позвонила на фабрику и узнала, что журналъ предполагается исключительно литературный, аполитичный, редактора еще нѣтъ, а инициаторы-рабочіе не знаютъ какъ приступить къ составленію номера.

Услыхавъ, что я бывшій редакторъ „Всего Міра“, мой собесѣдникъ очень обрадовался и просилъ меня зайти къ нему для переговоровъ, на какихъ условіяхъ согласилась бы я редактировать новое изданіе.

Я, конечно, не заставила себя ждать, и хотя переговоры съ завѣдывавшимъ Культурно-Просвѣтительнымъ Отдѣломъ и не вполнѣ удовлетворили меня, все же привели насъ къ соглашенію.

Черезъ двѣ недѣли, послѣ доклада о нихъ Фабричному Комитету**) я получила отъ Экспедиціи приглашеніе занять мѣсто „секретаря журнала и завѣдующей его литературно-художественнымъ отдѣломъ“.

На мое указаніе, что меня приглашали редакторомъ, а не секретаремъ, мнѣ отвѣтили, что это лишь форма: официальнымъ редакторомъ долженъ быть коммунистъ.

— Кто же этотъ редакторъ? — освѣдомилась я, не совсѣмъ довольная такимъ оборотомъ дѣла.

— Нашъ же рабочій, товарищъ Скоповъ. Онъ у насъ

*) Экспедиція — одна изъ крупнѣйшихъ петроградскихъ фабрикъ, представляющихъ, какъ мнѣ впослѣдствіи, съ гордостью, говорили рабочіе — „въ городѣ городъ“. Великолѣпно оборудованная, она имѣла рѣдкую библіотеку, школы, церковь, театръ и оркестръ, — причемъ въ двухъ послѣднихъ выступали, въ качествѣ артистовъ и композиторовъ и рабочіе, — печатала, помимо бумажныхъ денежныхъ знаковъ, дорогія изящныя изданія. Поставленные, по сравненію съ другими, въ благопріятныя условія, рабочіе этой фабрики отличались и большей культурностью, хотя все же и здѣсь, среди стариковъ и вновь поступавшихъ, былъ достаточный процентъ едва грамотныхъ.

**) Вопросъ должны были рѣшить стоявшіе во главѣ этого Комитета рабочіе-коммунисты, привлеченные, въ эти дни, на фабрикахъ „къ насажденію культуры“.

нынче лицо важное — членъ Петроградскаго Совѣта. Но хоть по своимъ взглядамъ онъ и настоящій коммунистъ, а все таки человѣкъ порядочный — насъ въ обиду не дастъ. Да вы не бойтесь, — замѣтивъ мое недовольство, успокоили меня, — онъ въ ваше дѣло мѣшаться не будетъ, потому ничего въ немъ не понимаетъ, да и въ грамотѣ не силенъ.

Это заявленіе нѣсколько успокоило меня, тѣмъ болѣе, что въ общемъ все складывалось необычайно удачно: служба на фабрикѣ, помимо жалованья, давала возможность для разъѣздовъ по дѣламъ пользоваться автомобилемъ и лошадью, богатымъ заводскимъ кооперативомъ, хлѣбнымъ и другими пайками.

Энергично принявшись за наборъ матеріала для „Новыхъ Искръ“, — какъ назвали рабочіе журналъ, — я, конечно, привлекла къ участію въ немъ виднѣйшихъ изъ своихъ прежнихъ сотрудниковъ, выхлопотавъ имъ даже авансы.

Однако безпрерывное вмѣшательство, въ незнакомое ему дѣло, не „слабаго въ грамотѣ" редактора, а завѣдывавшаго Отдѣломъ, тормозило мою работу, и убѣдившись, что просьбы о предоставленіи мнѣ въ журналѣ обѣщанной самостоятельности остаются безрезультатными, я рѣшила дѣйствовать иначе. Съ рискомъ потерять мѣсто, я отправилась въ Фабричный Комитетъ, чтобы просить у занимавшихъ тамъ отвѣтственныя мѣста рабочихъ-коммунистовъ, — съ которыми мнѣ еще не приходилось встрѣчаться, — освободить журналъ отъ попеченія его главнаго инициатора.

Не безъ тревоги ждала я, когда меня приметъ глава „Фабкома“, 28-лѣтній предсѣдатель-слесарь, настолько занятый заводскими и партійными дѣлами, что свиданія съ нимъ мнѣ удалось добиться лишь черезъ нѣсколько дней.

Произведенное на меня имъ и его окруженіемъ впечатлѣніе было наилучшимъ. Не вѣрилось, что эти, въ большинствѣ такъ мало походившіе на темныхъ русскихъ рабочихъ, по-европейски одѣтые, коммунисты еще не такъ давно стояли у станковъ.

Принята я была любезно, выслушана внимательно и ушла вполнѣ удовлетворенной, ибо мнѣ не только обѣщали устранить все тормозившее работу, но даже пригласили на засѣданіе Культурно-Просвѣтительнаго Отдѣла.

Съ этого дня, я дѣйствительно стала вполнѣ самостоятельной распорядительницей журнала, тѣмъ болѣе, что завѣдывавшій Отдѣломъ, вскорѣ послѣ этого, покинулъ Эскпедицію, и его мѣсто занялъ другой рабочій-наборщикъ. Это былъ достаточно культурный человѣкъ, вполнѣ довѣрявшій моему опыту и знаніямъ, и скоро у меня установились съ нимъ, какъ впрочемъ и со всѣми другими представителями Отдѣла и Фабкома, самыя лучшія отношенія.

О довѣріи ко мнѣ, не только какъ къ редактору, можно судить изъ того, что будучи, въ большинствѣ, „партійными", при мнѣ жестоко высмѣивали коммунизмъ и власть, называя себя „сахариновыми" коммунистами.

— Но зачѣмъ же вы вошли въ партію? — спросила я однажды.

— Чтобы спасти фабрику отъ развала. Если бы среди ея рабочихъ не нашлось своихъ коммунистовъ, прислали бы со стороны чужихъ — и тогда у насъ начался бы тотъ же разгромъ, что и всюду, да и мы бы пожалуй не уцѣлѣли.

Вообще, какъ пришлось мнѣ убѣдиться впослѣдствіи, среди служащихъ и рабочихъ Экспедиціи, приблизительно до 24-го года, царили самыя реакціонныя настроенія, и мнѣ не однажды приходилось слышать:

„Бѣлые придутъ, возьмемъ оркестръ и пойдемъ, во главѣ съ вами, встрѣчать ихъ.

Такія вѣянія были, конечно, хорошо извѣстны находившимся среди рабочихъ чекистамъ, но... Экспедиція производила деньги, вырабатывала для нихъ бумагу, и за нею, до поры до времени, усиленно ухаживали, глядя сквозь пальцы на ея отвлеченные грѣшки.

— Мы теперь сила, — смѣясь, и не безъ самодовольства, сказалъ мнѣ какъ то предсѣдатель Фабкома. — Забастуй мы надолго — чѣмъ бы платить стали арміи и рабочимъ? Разомъ бы коммунѣ конецъ пришелъ.

— Отчего же вы не сдѣлаете этого?

— Духу не хватаетъ, потому еще до конца коммуны вся фабрика къ стѣнкѣ бы стала.

Пріобщившись къ культурнымъ интересамъ и жизни рабочихъ и дивясь ихъ равнодушію къ затѣянному ими журналу, я скоро узнала, что заставило издавать его.

„Чтобы втереть очки начальству (власти). Пусть видятъ, какъ энергично взялись мы за проведеніе на фабрикѣ культуры".

Мало интересовала рабочихъ и возможность помѣщать, въ отведенномъ для этого отдѣлѣ журнала, свои произведенія, хотя я приказала расклеить на фабрикѣ анонсъ, приглашавшій „желающихъ развивать свои литературныя дарованія являться ко мнѣ".

Пришли очень немногіе, и среди предложеннаго мнѣ матеріала, не было ни одного не только талантливаго, но даже просто хорошо грамотнаго разсказа или стихотворенія.

Зато по темамъ можно было судить, какъ „отстали" рабочіе этой фабрики отъ коммунистическаго настоящаго. Молодежь писала о любви и розахъ, а старики объ ушедшей молодости и о смерти.

Впрочемъ, нашелся одинъ юный коммунаръ, токарь, который принесъ мнѣ, по его словамъ, „соціальные" стихи, слѣдующаго содержанія:

Слава, слава Коммунизму,
Онъ насъ къ счастью приведетъ,
Понимаетъ очень ясно
Это всякій идіотъ.
Насъ гноилъ царизмъ проклятый,
А теперь намъ будетъ рай,
Если только не задушитъ
Капиталъ насъ невзначай.

На мое указаніе, что, помимо другихъ, главнымъ недостаткомъ стиховъ является двоякій смыслъ третьей и четвертой строкъ, и что лучше было бы перефразировать ихъ: „понимаетъ это ясно *даже* каждый идіотъ",

— онъ обидѣлся и пошелъ жаловаться на меня въ Фабкомъ.

Когда меня спросили въ чемъ дѣло, я прочла стихи, и тамъ очень смѣялись, обѣщая разъяснить незадачливому поэту истинный смыслъ указанной мною фразы.

Хуже было со старикомъ „изъ народа", занимавшимъ въ Экспедиціи интеллигентное мѣсто, по наружному виду представлявшимъ настоящаго джентльмена, въ дѣйствительности же необычайно тупого и менѣе культурнаго, чѣмъ многіе изъ рабочихъ.

Онъ принесъ мнѣ толстую тетрадь своихъ стиховъ, страдающихъ полнымъ отсутствіемъ ритма, указывающихъ, что у ихъ автора нѣтъ и признаковъ, свойственнаго даже не поэтамъ, слуха и какой бы то ни было душевной чуткости.

— Вы увидите, какіе это замѣчательные стихи, — сказалъ онъ, передавая мнѣ рукопись, отвѣтъ о судьбѣ которой я, подъ разными предлогами, откладывала вплоть до того времени, пока журналъ не прекратилъ существованія.

Это отсутствіе дарованій ставило меня въ очень затруднительное положеніе, ибо не помѣстить ни одного произведенія рабочихъ въ рабочемъ журналѣ было, конечно, невозможно.

Пришлось не обрабатывать, а взявъ данную тему, писать на нее, подписывая произведеніе фамиліей доставившаго его автора.

Но равнодушіе Экспедиціи къ своему журналу и томительная медлительность въ его выполненіи, вызывались еще и другими причинами. Мастерскія постепенно эвакуировавшейся фабрики, занятыя спѣшными казенными заказами, главнымъ образомъ, выработкой бумажныхъ денегъ, не имѣли достаточно средствъ для одновременнаго производства другихъ, тѣмъ болѣе не столь важныхъ, работъ.

Жизнь здѣсь также ломалась до основанія. Снимались, стоявшія на мѣстѣ по пятьдесятъ лѣтъ, машины, отправлялись, вмѣстѣ съ ними, рабочіе и ихъ семьи. Нѣ-

которые, въ чаяніи лучшихъ условій*), уѣзжали охотно; другіе, не желая разставаться съ Петроградомъ и привычной обстановкой, въ которой родились и провели жизнь, негодовали; въ семьяхъ третьихъ — происходили драмы, такъ какъ зачастую жены не желали слѣдовать за мужьями.

Когда я хотѣла приступить къ составленію номера, Фабричный Комитетъ поручилъ мнѣ отправиться къ Луначарскому и Лилиной**), чтобы просить у нихъ статьи для журнала.

„Если, начиная изданіе, пренебрежемъ ими, это повредитъ журналу и намъ“, — объяснили фабричные коммунисты необходимость обратиться къ комиссарамъ.

Мнѣ предстояло совмѣстить несовмѣстимое, т. е., не испортивъ журнала нежелательной издателямъ „политикой“, обратиться за статьями къ тѣмъ, для кого она являлась вопросомъ жизни.

Я рѣшила указать комиссарамъ, якобы желательныя рабочимъ, темы: „О народныхъ университетахъ“ и „О дѣтскихъ ясляхъ“.

IX

„ПОСТАВИТЬ ВВЕРХЪ НОГАМИ“

Луначарскаго я застала въ Наркомпросѣ, гдѣ мнѣ безконечно долго пришлось ждать пріема.

Услыхавъ, что я представительница рабочихъ Экспедиціи и прошу статью для ихъ журнала, комиссаръ оживился.

— Статью о народныхъ университетахъ? Да, да, это очень хорошо. Я и самъ давно хотѣлъ писать объ этомъ. На дняхъ я пришлю ее. Я, вѣдь недавно, былъ въ Экспедиціи. Вы знаете? А вы, чѣмъ занимаетесь тамъ?

Послѣ длительнаго, не имѣвшаго прямого отношенія къ цѣли моего прихода, разговора объ искусствѣ, я по-

---

*) Продовольственный вопросъ въ Москвѣ и Пензѣ, куда эвакуировалась Экспедиція — былъ значительно лучше.

**) Жена Зиновьева, комиссаръ Соціальнаго Обезпеченія.

няла, почему этого „наркома“ даже свои называютъ „блаженнымъ“.

На мой вопросъ, какой революціонный критерій существуетъ для опредѣленія качества художественнаго произведенія, Луначарскій, совершенно серьезно, отвѣтилъ мнѣ фразой, которую привожу дословно:

— Чтобы правильно судить о достоинствѣ произведенія, его надо осмотрѣть подробно со всѣхъ сторонъ, поставить, такъ сказать, вверхъ ногами и, если оно и въ такомъ видѣ не утратитъ красоты, значитъ, съ революціонной точки зрѣнія, совершенно.

На Лилину я имѣла личные виды, т. е., пользуясь свиданіемъ, хотѣла просить разрѣшенія открыть Этическое общество.

Явившись въ „Соцобезъ“*), я застала въ пріемной около ста человѣкъ.

Увѣренная, что придется ждать такъ же долго, какъ у Луначарскаго, я все же подала, стоявшему у дверей кабинета, курьеру, свою визитную карточку, слегка зачеркнувъ на ней слово „баронесса“.

Не прошло и пяти минутъ, какъ ко мнѣ подошла какая то служащая, и со словами: „Комиссаръ Злата Іоновна проситъ васъ подождать здѣсь“, — повела меня въ другую комнату.

— Иначе васъ неудобно было бы принять внѣ очереди, — любезно пояснила она, провожая меня другимъ ходомъ въ кабинетъ комиссара.

Я посмѣялась про себя надъ этимъ проявленіемъ равенства, тѣмъ болѣе, что неоднократно замѣчала, какъ импонируютъ комиссарамъ титулы.

Лилина, еще не старая, съ безличнымъ лицомъ, взглянувъ на мои дорогіе мѣха, которые я демонстративно надѣвала при посѣщеніи разныхъ „комовъ“, улыбнулась и любезно пригласила меня сѣсть.

— Что же вы хотите отъ меня?

Я объяснила.

---

*) Соцобезъ — Комиссаріатъ Соціальнаго Обезпеченія.

— А кто будетъ участвовать въ журналѣ?
— Немировичъ-Данченко, Гнѣдичъ и другіе.
— Но при чемъ же здѣсь я? — сдѣлала гримасу Лилина; — вѣдь это все буржуазные писатели.
— Въ журналѣ будетъ отдѣлъ „Наука и Жизнь", для котораго Луначарскій дастъ статью о народныхъ университетахъ, а васъ рабочіе просили написать о дѣтскихъ ясляхъ.
Объясненіе успокоило комиссара, статья была обѣщана и, закончивъ дѣловой разговоръ о журналѣ и объ Этическомъ обществѣ, я просила удѣлить нѣсколько минутъ для разрѣшенія интересующихъ меня лично вопросовъ.
— Пожалуйста.
— Нѣсколько лѣтъ назадъ, — сказала я, — въ одномъ изъ прежнихъ изданій былъ напечатанъ мой фантастическій разсказъ*), предугадавшій многое изъ происходящаго сейчасъ въ Россіи. Въ настоящее время я пишу другую, подобную же вещь, но, такъ какъ я не знакома съ ученіемъ Маркса и могла бы въ деталяхъ исказить идеи соціализма, нарисовать не вполнѣ отвѣчающія грядущей жизни картины, мнѣ бы хотѣлось знать какъ рисуетъ будущее коммунизма воображеніе людей, приступившихъ сейчасъ въ Россіи къ его осуществленію. Какъ будетъ жить человѣчество въ идеальной коммунѣ, когда эта послѣдняя станетъ уже именоваться „Земнымъ міромъ".
Повидимому комиссару никогда не приходилось задумываться о такомъ далекомъ будущемъ, и поэтому мой вопросъ засталъ его врасплохъ. Не отвѣчая на вопросъ прямо, Лилина, съ растеряннымъ видомъ, стала говорить что то совсѣмъ непонятное.
— Я не понимаю, что вы хотите?.. Ну, всѣ будутъ сыты... У человѣка же не два желудка... Никто не съѣстъ больше, чѣмъ онъ можетъ...

*) Разсказъ этотъ — „Когда смертные станутъ безсмертны" былъ напечатанъ за 4 года до революціи въ газетѣ „Новое Время".

И потомъ, очевидно вспомнивъ „великихъ учителей“, забросала меня трафаретными фразами:

— Минимумъ рабочихъ часовъ... Государственныя дѣти... Воспитаніе совмѣстное, одинаковое для всѣхъ... Да, самое лучшее, прочтите Бебеля „Общество будущаго“...

Когда я уходила, Лилина сказала:

— Вы заинтересовали меня вашимъ „пророческимъ“ разсказомъ; гдѣ я могу достать его?

Я обѣщала прислать разсказъ вмѣстѣ съ уставомъ Этическаго общества.

Явившись черезъ недѣлю, чтобы узнать могу ли разсчитывать на открытіе послѣдняго, и будучи снова принята внѣ очереди, я застала въ кабинетѣ Лилиной нѣсколькихъ профессоровъ.

— Я сейчасъ, только просмотрю свою статью, и отпущу ихъ, — небрежно кивнула она головой на стоявшихъ у ея стола ученыхъ.

„Отпустивъ“ профессоровъ и вручивъ мнѣ свою рукопись, Лилина сказала:

— Относительно же Общества, должна сказать, что у васъ слишкомъ буржуазныя понятія о морали, и ваша „новая этика“ мало чѣмъ отличается отъ старой. То, что въ буржуазномъ мірѣ считалось нравственнымъ — у насъ часто вызываетъ отвращеніе.

— Что же именно? Что считаете вы особенно безнравственнымъ, комиссаръ, въ прежнихъ понятіяхъ?

— Конечно культъ бога и души, мистика, которой дурманятъ головы народовъ капиталистическая мораль и вѣрные ей попы всѣхъ религій. Бракъ, съ навязанной людямъ пожизненной вѣрностью.

— Значитъ, супружеская вѣрность должна быть временной? На какой же срокъ? — поинтересовалась я.

— Ну, конечно, пока существуетъ влеченіе.

— Но есть темпераменты, у которыхъ оно гаснетъ такъ же мгновенно, какъ вспыхиваетъ, и если считаться только съ физической стороной сближенія, не станетъ ли связь людей подобна звѣриной?

— Тѣмъ лучше. Мы многому должны учиться у животныхъ, такъ какъ они ближе къ природѣ и не отрав-

лены выдумками, возникшихъ на народномъ тѣлѣ, паразитовъ, — отвѣтила Лилина, которую этотъ разговоръ, повидимому, начиналъ нервировать. — Но, сейчасъ, у меня нѣтъ больше времени разговаривать съ вами. Почитайте побольше нашей литературы, тогда вамъ станетъ ясной и вытекающая изъ нея мораль.

— А мой разсказъ я могу получить обратно? Какъ вы нашли его?

— Разсказъ — ничего себѣ. Вы можете его получить въ Госиздатѣ у моего брата Іонова. Я дала ему прочесть. Тамъ, дѣйствительно, есть кое что схожее съ настоящимъ, но это кормленіе... — улыбнулась она, какъ бы шокированная.

— Утрировка простительна, потому что разсказъ вѣдь фантастическій.

— Да, конечно.

На Іонова, однако, моя „фантазія" произвела иное впечатлѣніе.

— Эта вещь, съ ея „общественными питальнями", гдѣ гражданъ кормятъ женскимъ молокомъ, — гнѣвно сказалъ онъ мнѣ, возвращая рукопись, — это — злобная карикатура на историческія событія настоящаго. За эту чепуху васъ надо бы упрятать туда, гдѣ вы имѣли бы время, раньше, чѣмъ говорить Лилиной о сходствѣ, подумать надъ своими словами.

Но я и такъ уже прозрѣла, дивясь своему и Лилиной ослѣпленію, ибо, въ связи съ голодомъ и другими, дарованными коммунизмомъ, благами, разсказъ дѣйствительно являлся злѣйшей сатирой на происходящее.

X

„МОЖЕТЕ СПОКОЙНО РАБОТАТЬ"

Послѣ безконечныхъ проволочекъ, первый номеръ „Новыхъ Искръ" былъ, наконецъ, сверстанъ, и, не дождавшись статьи Луначарскаго, я направилась съ нимъ въ Смольный къ коммисару печати, который осенью закрылъ „Весь Міръ".

Вращаясь полгода въ коммунистическихъ рабочихъ кругахъ, хорошо освѣдомленныхъ о характерахъ и даже интимной жизни представителей власти, я уже знала теперь, что этотъ комиссаръ, младшій братъ Лилиной, за „соглашательскія тенденціи“ считался въ партіи меньшевикомъ, но очень цѣнился ею за свое революціонное прошлое, за исключительный агитаторскій талантъ, за большую смѣлость, проявленную имъ при стычкахъ съ бѣлыми воинскими частями (въ Красномъ Селѣ), при бѣгствѣ изъ Сибири и въ другихъ случаяхъ, и за знаніе языковъ, позволяющее ему, при помощи перечисленныхъ качествъ, агитировать въ иностранныхъ войскахъ и среди иностранныхъ рабочихъ*).

Въ частной жизни, какъ и большинство правителей СССР, онъ славился своей страстью къ вину, балету и его представительницамъ.

Пріѣхавъ въ Смольный, я убѣдилась въ справедливости словъ предсѣдателя Фабкома о могуществѣ Экспедиціи, ибо заявивъ, что я представительница ея рабочихъ, была принята комиссаромъ, на этотъ разъ, мгновенно.

Онъ встрѣтилъ меня, какъ и въ первое свиданіе, улыбаясь и заговорилъ со мной такъ, будто я была его старинной знакомой.

— Вы должны благодарить меня за то, что я закрылъ вашъ „Весь Міръ“ — сказалъ онъ.

— Почему?

---

*) Впослѣдствіи онъ разсказывалъ мнѣ уже лично, что въ дни первой революціи 1905 г., онъ, шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, принималъ настолько дѣятельное участіе въ мятежѣ, что былъ арестованъ и, вмѣстѣ съ другими, сосланъ въ Сибирь. Пробывъ тамъ десять мѣсяцевъ, бѣжалъ въ Америку (гдѣ въ моментъ разсказа проживала его мать и сестра) и тамъ, при помощи революціонныхъ организацій, поступилъ на фабрику, чтобы агитировать среди американскихъ рабочихъ. Послѣ октябрьской революціи, вызванный въ Петроградъ, занялъ мѣсто комиссара печати, агитаціи и пропаганды и редактора „Красной газеты“, но не сдѣлалъ, невзирая на близость къ Зиновьеву, большой карьеры, ибо проповѣдывалъ соглашательство съ враждебными классами и былъ сторонникомъ — „пока коммуна прочно станетъ на ноги“ — частной торговли.

— Потому, что тогда вы были редакторомъ буржуазнаго журнала и находились всегда подъ угрозой непріятностей, а сейчасъ, будучи на службѣ у рабочихъ, да еще Экспедиціи, можете спокойно работать, если, конечно, — добавилъ онъ, — не станете интриговать противъ насъ.

— Я живуча, — отвѣтила я, — и даже все, что принесла мнѣ ваша революція, не заставляетъ меня еще искать смерти.

Комиссаръ промолчалъ и, перелиставъ номеръ, просилъ меня заѣхать за нимъ черезъ недѣлю.

— Можетъ быть, мнѣ придется дать вамъ какія нибудь указанія.

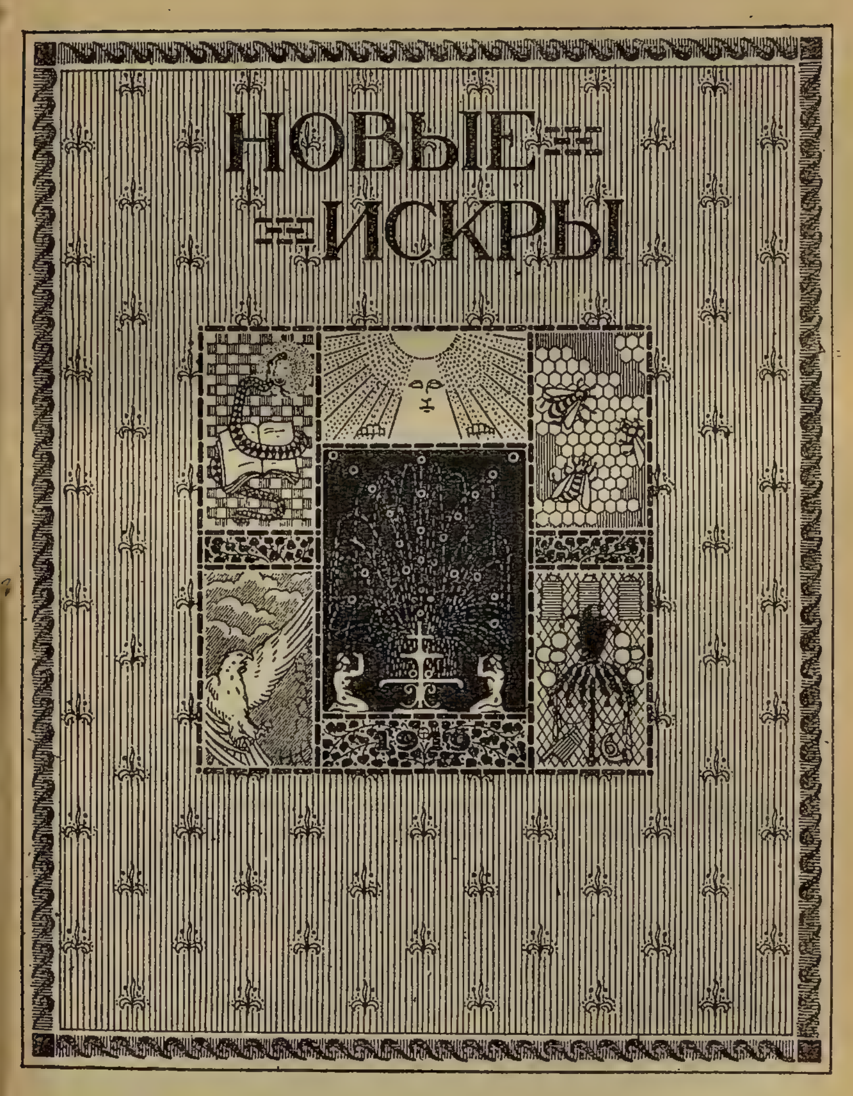
— Вѣдь „Новыя Искры" журналъ не политическій, а какія же иныя указанія могутъ понадобиться мнѣ, въ теченіе семи лѣтъ, редактировавшей пять большихъ журналовъ.

— Вы вели буржуазныя изданія, а не рабочія, а это большая разница. Въ вашихъ же интересахъ доставлять мнѣ не только номеръ, но и очередной матеріалъ, въ гранкахъ, для слѣдующихъ.

Сдавъ черезъ недѣлю „одобренный" комиссаромъ номеръ въ печать, и имѣя надобность бывать въ Экспедиціи и въ Комиссаріатѣ Печати не болѣе раза въ недѣлю, я уѣхала на дачу подъ Петергофъ.

Въ этомъ году здѣсь была настоящая пустыня, мѣстами виднѣлись полуразрушенныя постройки, отъ великолѣпной, расположенной неподалеку отъ моей, дачи торчали только обуглившіеся столбы. Она была сожжена солдатами, вмѣстѣ съ засѣвшими тамъ двумя офицерами, отказавшимися сдать оружіе. Зато въ крестьянскихъ избахъ, съ подслѣповатыми оконцами, появились піанино и гигантскія пальмы.

Отсутствіе топлива заставило Совѣтъ, въ вѣдѣніи котораго находились тогда дворцовыя оранжереи, оповѣстить мѣстныхъ жителей о распродажѣ находившихся тамъ тропическихъ растеній, но, явившіеся поглазѣть на нихъ крестьяне, конечно, ничего не купили, и тогда имъ предложили взять растенія безплатно.

Обложка, исполненная лучшимъ художникомъ - графикомъ Экспедиціи.

XI
Я ПОЛУЧАЮ КОМАНДИРОВКУ КЪ ЛЕНИНУ

Въ эти лѣтніе дни у коммунистовъ шла борьба съ бѣлыми за „Красную горку“. Прислушиваясь къ доносившейся оттуда орудійной стрѣльбѣ, какъ и многіе, все еще убѣжденная въ непрочности большевицкой власти, я надумала просить Фабкомъ устроить мнѣ немедленно командировку въ Москву, „чтобы успѣть увидѣть Ленина“, а главное, если свиданіе съ нимъ состоится, просить его дать мнѣ отвѣты на интересующіе меня вопросы о будущемъ коммунизма*).

Я направилась въ Экспедицію, гдѣ меня ждала непріятная новость: Скоповъ распечаталъ присланный, на мое имя, Луначарскимъ пакетъ и распорядился помѣстить, въ „Новыя Искры“, находившуюся тамъ статью, говорящую, къ тому же, не о „Народныхъ университетахъ“, а о козняхъ иностранной буржуазіи.

На мой протестъ и указанія, что мнѣ было обѣщано „не касаться журнала“, и что именные пакеты не имѣетъ права распечатывать никто, — я получила наивный отвѣтъ:

— Мы же знаемъ, что у васъ съ товарищемъ Луначарскимъ секретовъ нѣтъ, а вызывать васъ изъ за такой глупости не стоило. Все одно, не напечатать статьи наркома мы не могли бы, какая бъ она ни была.

Объясненіе меня не удовлетворило, и, сгоряча, я даже хотѣла заявить, что ухожу изъ Экспедиціи; но мысль о моемъ безвыходномъ, тогда, матеріальномъ положеніи и о томъ, что въ такомъ случаѣ я лишусь возможности говорить съ Ленинымъ, — помогли мнѣ сдержаться. Я обратила все въ шутку и направилась къ предсѣдателю Фабкома просить о командировкѣ.

Однако уговорить его, до сихъ поръ безпрекословно выполнявшаго всѣ мои желанія, на этотъ разъ оказа-

*) Въ эти дни я начала писать большой фантастическій романъ на соціальныя темы. Первая часть не содержала въ себѣ чего либо антикоммунистическаго, а послѣдующія я предполагала закончить „послѣ паденія большевиковъ“.

лось не легко; онъ отговаривался тѣмъ, что это зависитъ не только отъ него, и согласился лишь послѣ того, когда я сказала:

— Вы, вѣдь, всесильны на фабрикѣ, вамъ и такъ никто не рѣшится возражать, а тѣмъ болѣе, если вы укажете, что подношеніе Ленину перваго номера „Новыхъ Искръ“ можетъ быть полезнымъ для рабочихъ.

— Уговорили! — засмѣялся польщенный предсѣдатель. — Это, дѣйствительно, будетъ не вредно для фабрики. Если первые номера уже готовы, вы можете ѣхать въ Москву, вмѣстѣ съ уѣзжающимъ туда на дняхъ предсѣдателемъ Московскаго Фабкома, Богдановымъ.

Удача моихъ хлопотъ нѣсколько вознаградила меня за непріятность со статьей и, довольная, я вернулась на дачу.

Но здѣсь меня ждалъ новый сюрпризъ: она оказалась разгромленной, причемъ и на грабежѣ сказались особенности переживаемаго момента. Повидимому грабителемъ явился кто нибудь изъ мѣстныхъ крестьянъ, страдавшій отъ недостатка мануфактуры и продуктовъ, ибо, не тронувъ бронзы и другихъ цѣнныхъ вещей, воръ польстился на одежду и провизію.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ этого, я получила отъ предсѣдателя Фабкома всѣ необходимые для поѣздки въ Москву документы, выданные мнѣ какъ редактору*) „Новыхъ Искръ“.

Удивило меня только, что въ мандатѣ была указана иная, чѣмъ въ дѣйствительности, цѣль командировки, но на мой вопросъ объ этомъ предсѣдатель, съ улыбкой, пояснилъ.

— Вы, вѣдь, всетаки, классовой врагъ, душа котораго, по пословицѣ, — потемки. Вамъ, можетъ, вздумается убить Ленина, а мы, пославшіе васъ къ нему, отвѣчай тогда. Съ этимъ мандатомъ вамъ открыта дорога въ Кремль, и я васъ уполномочиваю побывать тамъ, но, изъ осторожности, предпочелъ не упоминать объ этомъ.

*) Я уже давно, по желанію Фабкома, была офиціально произведена изъ секретарей въ редакторы, причемъ Скоповъ остался политическимъ редакторомъ.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА

К Ф

ЭКСПЕДИЦИЯ
ЗАГОТОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
БУМАГ

КАНЦЕЛЯРИЯ

6 августа 1919 г.
№ 9765

Петроград, Фонтанка, 144
Телеф. 469-26.
Адрес для тел. „ЭЗГОБУМ"

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг удостоверяет, что предъявительница сего редактор издаваемого Культурно-Просветительным Отделом Экспедиции журнала "НОВЫЕ ИСКРЫ" София Ивановна ТАУБЕ /Аничкова/, собственноручная подпись коей С. Таубе (Аничкова) свидетельствуется, командируется по делам службы в гор. Москву для ознакомления с находящимися там издательствами Российской Советской Республики.

Экспедиция просит все советские, правительственные учреждения и должностных лиц, к коим тов. С. Таубе признает необходимым обратиться, оказывать ей всяческое содействие к выполнению возложенного на нее поручения, скорейшему прибытию к месту назначения и беспрепятственному возвращению в Петроград.

За Заведывающий Экспедицией

За Заведывающий Канцелярией

Председатель Фабкома

Секретарь

ФАБРИЧНЫЙ КОМИТЕТ РАБОТАЮЩИХ Р.С.Ф.С.Р. Э.З.Г.Б.

Передъ отъѣздомъ, я познакомилась съ моимъ спутникомъ — коммунистомъ Богдановымъ.

И по внѣшности, и по содержанію это былъ типичный, очень темный, мастеровой прежняго времени. Въ былые дни, онъ состоялъ въ партіи соціалъ-революціо-

неровъ, былъ высланъ изъ Петрограда и, вернувшись, проживалъ здѣсь нелегально, съ вѣдома мѣстнаго околоточнаго, котораго, по его словамъ, въ благодарность за это, во время революцiи спасъ отъ самосуда.

Въ назначенный для отъѣзда день, мы, съ завидными для того времени удобствами, т. е. въ автомобилѣ и съ казенными билетами, явились на вокзалъ. Какъ командированнымъ по дѣламъ службы, намъ предоставлялось право ѣхать въ „мягкомъ“ вагонѣ, но такъ какъ это было въ разгаръ транспортной разрухи, мы едва попали и въ „твердый“, переполненный рабочими и крестьянами.

Дорогой мой провожатый все время пилъ спиртъ, который рабочiе СССР, особенно занимающiе отвѣтственные посты, поглощаютъ въ небывалыхъ до революцiи количествахъ, предпочитая его болѣе слабой водкѣ — „рыковкѣ“ —

Нашъ предкомъ — товарищъ шустрый,
Жаритъ рѣчи что шарманка,
Днемъ — „помилуй, Ленинъ, мя“,
Вечерами — пьянка.

слышала я отъ одного рабочаго.

— А кто сочинилъ этотъ стишокъ? — спросила я у него.

— А кто его знаетъ. По всей фабрикѣ ходитъ.

Въ Москву мы прибыли раннимъ утромъ.

— Вы можете остановиться на фабрикѣ, если не побоитесь ночевать одна, — сказалъ Богдановъ. — Тамъ все еще разгромлено, и никто изъ нашихъ не живетъ. Я, было, помѣстился въ уцѣлѣвшемъ домѣ, но нынче тоже переѣзжаю въ городъ.

Такъ какъ выбора у меня не было, пришлось согласиться.

Въ невѣроятно грязномъ полуразрушенномъ особнякѣ, бывшаго директора фабрики, насъ встрѣтила жена Богданова, совсѣмъ простая деревенская баба, молодая и очень антипатичная.

Окинувъ меня непривѣтливымъ взглядомъ и даже не

поздоровавшись, она ушла съ мужемъ въ сосѣднюю комнату и громко сказала:

— Откуда еще такую фрю выкопалъ? Били, били, да, видно, еще для розводу оставили.

— Тише, — прикрикнулъ на нее предсѣдатель: — она — наша служащая.

XII
НОЧЬ TÊTE à TÊTE СЪ НЕИЗВѢСТНЫМЪ

Первыя московскія впечатлѣнія были не изъ пріятныхъ, тѣмъ болѣе, что взятая мною на дорогу провизія вышла, торговля существовала только на далекихъ толкучкахъ, и я вынуждена была довольствоваться лишь доносившимся изъ кухни предсѣдателя аппетитнымъ запахомъ щей и жаренаго мяса, которыхъ мнѣ, конечно, не предложили.

Такое положеніе вытекло изъ моего невѣдѣнія условій московской фабрики и того, что я просила Фабкомъ выдать мнѣ „командировочное довольствіе“ деньгами, предполагая пріобрѣсти въ заводскомъ кооперативѣ все необходимое. Но на полученіе тамъ продуктовъ у меня не было времени, ибо мнѣ сообщили, что единственный фабричный автомобиль уже выѣзжаетъ въ городъ, и, если я не хочу итти въ Кремль, за отсутствіемъ иного сообщенія, пѣшкомъ, должна ѣхать немедленно.

Такъ какъ на путешествіе туда и обратно пришлось бы потерять не менѣе четырехъ часовъ, а обстановка фабрики не располагала къ длительному пребыванію въ Москвѣ, я, утомленная безсонной ночью и неудобствами пути, все же предпочла остаться безъ завтрака, но выяснить, въ этотъ день, хотя бы пріемные часы Ленина.

Въ четырехмѣстный автомобиль набилось семь человѣкъ; ѣхать, нѣкоторое время, пришлось по высокому, крутому берегу рѣки, и перегруженная, испорченная, машина ежеминутно останавливалась или дѣлала скачки, заставлявшіе опасаться ея паденія внизъ.

У воротъ Кремля мнѣ сказали, что желающіе по-

пасть на пріемъ къ Ленину должны являться къ девяти часамъ утра.

Доставившій меня автомобиль уже уѣхалъ, связей съ Москвой я почти не имѣла и, подумавъ, рѣшила направиться къ знакомымъ (съ которыми не видѣлась и не переписывалась уже больше года), чтобы достать у нихъ „взаймы", до завтра, какую нибудь пищу и отдохнуть.

Путешествіе мое длилось почти полтора часа, а когда я, наконецъ, достигла цѣли, мнѣ сообщили, что тѣ, кого я спрашивала, уже полгода какъ выѣхали изъ Москвы.

Между тѣмъ безсонная ночь и голодъ начинали сказываться въ охватившемъ меня вдругъ утомленіи и сонливости.

Тогда я вспомнила объ одной изъ бывшихъ сотрудницъ „Всего Міра", очень въ эти дни бѣдствовавшей, но живущей не болѣе, какъ въ получасѣ ходьбы отъ меня, и рѣшила направиться къ ней.

Ее я застала дома, но она могла предложить мнѣ только стаканъ чаю изъ сушеной малины и, за отсутствіемъ хлѣба, кусочекъ такой соленой воблы, которой ѣсть я не могла.

Услыхавъ, въ какую обстановку попала я въ Экспедиціи, она предложила мнѣ отправиться съ ней, немедленно, въ семью инженера, у котораго служила, чтобы просить ее пріютить меня на время пребыванія въ Москвѣ.

— Только, — добавила она, — хватитъ ли у васъ силъ дойти туда? Они живутъ на другомъ концѣ города.

Это привело меня въ отчаяніе: мнѣ, вообще, никогда не приходилось много ходить, и даже прогулки по петергофскому парку казались далекими, а путешествія черезъ всю Москву, нѣсколько разъ въ день, были, пожалуй, по силамъ не каждому и въ иныхъ условіяхъ.

— Попытаюсь, — отвѣтила я. — Ужаснѣе всего, что, если даже ваши знакомые согласятся оставить меня у себя, я не могу этимъ воспользоваться сегодня. Утромъ, торопясь, я не успѣла засвидѣтельствовать въ

Фабричномъ Комитетѣ документы и обязана выполнить эту формальность завтра, до поѣздки въ Кремль.

У инженера все устроилось удачно: меня напоили чаемъ съ хлѣбомъ и, уговорившись, что утромъ переселюсь въ нанятую комнату, около десяти часовъ вечера я двинулась въ обратный путь.

— Предупреждаю васъ, только, — сказалъ мнѣ на прощанье инженеръ, — что свиданія съ Ленинымъ вы не добьетесь. Я имѣю сношенія съ Кремлемъ, отлично знаю его порядки, и мнѣ извѣстно, что, послѣ покушенія на жизнь Ильича, къ нему съ трудомъ проникаютъ даже лица пролетарскаго происхожденія.

Предсказаніе было непріятно, но впослѣдствіи заставило меня дѣйствовать сообразно съ нимъ.

На этотъ разъ путь мой лежалъ по мало освѣщеннымъ, а мѣстами и вовсе темнымъ, улицамъ. Москву я знала плохо, и поэтому мнѣ приходилось обращаться за указаніями къ рѣдкимъ прохожимъ. Не знаю умышленно или невзначай, но дважды мнѣ указали ложное направленіе, и, потративъ много времени на блужданіе, я явилась на фабрику въ первомъ часу ночи.

Предсѣдатель, повидимому, уже выѣхалъ, такъ какъ входныя двери были раскрыты настежь, вокругъ было темно, тихо и жутко. Но утомленіе такъ притупило всѣ мои ощущенія, я была такъ счастлива, что, наконецъ, могу лечь и уснуть, что, когда зажженная мной, въ прихожей, спичка, освѣтила стоявшаго тамъ человѣка, я почувствовала страхъ только потому, что явилась новая помѣха моему отдыху.

Молодой, прилично одѣтый человѣкъ представился мнѣ рабочимъ Экспедиціи и пояснилъ, что также прибылъ изъ Петрограда и, не имѣя еще постояннаго помѣщенія, узнавъ о выѣздѣ предсѣдателя, явился сюда переночевать.

Перспектива провести ночь въ расположенномъ вдали отъ жилья домѣ, наединѣ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, когда въ дверныхъ замкахъ не было ключей, а убійства были въ порядкѣ вещей, — въ другое время

показалась бы мнѣ ужасной, но сейчасъ я осталась къ этому совершенно равнодушной.

Къ счастью, неизвѣстный оказался далекъ черныхъ замысловъ и даже предложилъ мнѣ поставить, найденный имъ на кухнѣ, самоваръ и угостить, имѣвшимся у него, чаемъ.

Отказавшись отъ всего, не раздѣваясь я бросилась въ постель и мгновенно уснула. Однако, сонъ, на лишенной какихъ бы то ни было постельныхъ принадлежностей кровати, не освѣжилъ меня: на утро я встала разбитой, ноги мои, отъ непривычной ходьбы, распухли и мучительно ныли, и только мысль о невозможности оставаться дальше въ этой обстановкѣ могла вынудить меня двинуться въ Комитетъ.

Здѣсь мнѣ сообщили, что автомобиль окончательно развалился, и въ Кремль придется итти пѣшкомъ.

Это извѣстіе ошеломило меня, ибо, помимо того, что сулило новыя физическія испытанія, вынуждало снова отложить свой визитъ къ Ленину, такъ какъ явилась бы я туда еще съ большимъ опозданіемъ, чѣмъ накануне.

Примирившись съ неизбѣжнымъ и устроивъ свои служебныя и продуктовыя дѣла такъ, чтобы до отъѣзда мнѣ уже не пришлось являться въ Экспедицію, я, не торопясь, двинулась въ городъ и, явившись въ свое новое помѣщеніе, впервые за жизнь оцѣнила тѣ блага цивилизаціи, которыми пользовалась до сихъ поръ, не замѣчая ихъ.

XIII

„Я ВЪ СОЮЗѢ ТО ЖЕ, ЧТО ИЛЬИЧЪ"

На другой день я была у Кремля задолго до указаннаго часа. Зная, что за мной, какъ и за всѣми искавшими съ Ленинымъ свиданія, слѣдитъ недремлющее око Чека, я постаралась, по возможности, отклонить отъ себя подозрѣніе въ неблагонадежности. Для этого, пользуясь тѣмъ, что природа не надѣлила меня солидной внѣшностью, я надѣла очень яркій нарядный туалетъ,

внушавшій мысль, что настроенія его носительницы не могутъ уживаться съ террористическими замыслами.

Внимательно просмотрѣвъ мой мандатъ и другіе документы, послѣ длительнаго допроса и нѣкотораго колебанія, чекистъ, въ послѣдній разъ, окинувъ меня испытующимъ взглядомъ, выдалъ мнѣ восемь пропускныхъ билетовъ*). Билеты эти отбирались стоявшими на моемъ пути караулами, пока я, наконецъ, попала въ канцелярію, гдѣ чекисты снова просматривали мои документы и допрашивали меня.

Достигнувъ послѣдняго этапа — дверей пріемной Ленина, со стоявшимъ у нихъ часовымъ и начальникомъ караула, я вручила имъ пропускъ и, отвѣтивъ на вопросы, очутилась въ комнатѣ, гдѣ находилось нѣсколько посѣтителей.

За столомъ разбиралъ бумаги молодой человѣкъ, повидимому секретарь, и я, подойдя къ нему и предъявивъ документы, стала объяснять цѣль своего посѣщенія.

— Мнѣ поручили рабочіе поднести товарищу Ленину первый номеръ, издаваемаго на ихъ средства, журнала и просить, для слѣдующаго, статью по экономическимъ вопросамъ, — пользуясь данной мнѣ предсѣдателемъ, на словахъ, carte blanche, сказала я.

И снова фраза „рабочіе Экспедиціи“ произвела обычное дѣйствіе, ибо секретарь сразу сталъ привѣтливъ и, послѣ просмотра документовъ, попросивъ меня обождать, направился съ „Новыми Искрами“ въ кабинетъ Ленина.

Я стала разглядывать посѣтителей, среди которыхъ былъ китайскій офицеръ въ формѣ и много крестьянъ. Женщинъ, кромѣ меня, не было.

Черезъ нѣкоторое время секретарь вышелъ и, подойдя ко мнѣ, громко, словно афишируя передъ присутствующими свои слова, сказалъ:

— Ильичъ очень благодаренъ рабочимъ за подношеніе. Журналъ ему понравился, и послѣ засѣданія онъ

*) Многимъ, предъявившимъ мандаты другихъ учрежденій, было отказано въ пропускѣ.

приметъ васъ обязательно, чтобы узнать, что именно интересуетъ рабочихъ видѣть во второмъ номерѣ.

Но прошло два-три часа, секретарь много разъ входилъ въ кабинетъ и возвращался, а обо мнѣ и всѣхъ присутствующихъ какъ будто забылъ.

Въ это время изъ кабинета вышелъ Каменевъ и, подойдя къ стоявшей посреди пріемной группѣ крестьянъ въ лаптяхъ и армякахъ, сказалъ, что они могутъ изложить свои просьбы ему.

Крестьяне хоромъ отвѣтили, что уполномочены міромъ повидать Ленина и лично съ нимъ поговорить о своихъ нуждахъ.

— Значитъ насчетъ чего мы сумлеваемся... Такъ ему самому, чтобы...

— Вы можете обо всемъ этомъ говорить со мной, — отвѣтилъ имъ Каменевъ, садясь за столъ.

Но крестьяне, переминаясь съ ноги на ногу, продолжали настаивать.

— Неудобно, значитъ, кому другому, какъ мы уполномочены міромъ къ самому Ильичу...

Тогда Каменевъ, разсердившись, уже рѣзко сказалъ:

— У меня нѣтъ времени долго разговаривать съ вами. Я въ Союзѣ то же, что Ильичъ, и также могу разрѣшать всѣ вопросы.

Дальнѣйшихъ возраженій крестьянъ я не слыхала, такъ какъ въ эту минуту ко мнѣ снова подошелъ секретарь:

— Сейчасъ уже четыре часа, — сказалъ онъ, — Ильичъ очень усталъ и проситъ васъ зайти черезъ два дня.

Я, конечно, не могла выразить своей досады и, поблагодаривъ секретаря за разрѣшеніе, простилась съ нимъ.

Въ назначенный день я направилась въ Кремль, гдѣ на этотъ разъ, просмотръ моихъ документовъ былъ поверхностнымъ, но отъ секретаря я вновь услышала:

— Ильичу сегодня нездоровится, опять начала безпокоить рана, полученная имъ во время покушенія на его жизнь. Зайдите завтра.

Въ теченіе цѣлой недѣли, я бывала въ Кремлѣ ежедневно, но свиданіе все откладывалось.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній, я явилась невольной причиной ареста стоявшаго на посту красноармейца. Зазѣвавшись, онъ забылъ взять у меня пропускъ, я прошла мимо, не обративъ на это вниманія, и очутилась у дверей пріемной, не съ однимъ, послѣднимъ, а съ двумя.

Увидавъ это, часовой доложилъ начальнику, и тотъ, допросивъ меня, тутъ же телефонировалъ, чтобы оплошавшаго караульнаго арестовали.

Памятуя, что отъ секретарей, при всѣхъ режимахъ, зависитъ многое, и узнавъ, что этотъ интересуется литературой, я подарила ему сборники своихъ стиховъ и разсказовъ.

Онъ былъ очень доволенъ этимъ, сталъ разспрашивать меня о моей прежней дѣятельности и просилъ высылать ему „для родныхъ и знакомыхъ" по десяти экземпляровъ каждаго номера „Новыхъ Искръ".

Въ разговорѣ, я откровенно созналась, что свиданіе съ Ленинымъ интересуетъ меня, не столько изъ за полученія статьи для журнала, какъ по личнымъ причинамъ.

— Вы, конечно, видѣли въ „Новыхъ Искрахъ" анонсъ о томъ, что со второго номера тамъ начнетъ печататься мой романъ „Коммуна Земной Міръ"? Такъ вотъ для дальнѣйшаго развитія его мнѣ необходимо получить точныя свѣдѣнія о томъ, какъ рисуетъ будущее коммунизма его творецъ.

Услыхавъ, что начало рукописи я привезла съ собой, секретарь посовѣтовалъ захватить ее на другой день въ Кремль.

— Вечеромъ я пробѣгу самъ, а, при случаѣ, можетъ быть, мнѣ удастся показать ее Ильичу. Онъ, иногда, чтобы отвлечься отъ дѣлъ, читаетъ беллетристику.

XIV

ЧЕКИСТСКІЙ „СТИЛЬ"

Въ слѣдующій, послѣ передачи романа, пріѣздъ, секретарь заявилъ:

— Послѣзавтра Ильичъ васъ приметъ; онъ чувству-

етъ себя значительно лучше, вчера бралъ въ Горки вашъ романъ и нашелъ его очень занимательнымъ. Я говорилъ ему, что вы хотѣли бы получить отъ него указанія относительно будущаго коммуны.

Черезъ день, принятая секретаремъ, какъ обычно, въ пріемной, я была направлена имъ обратно въ канцелярію, гдѣ чекисты просматривали документы.

Тамъ меня попросили подождать въ смежной комнатѣ.

На этотъ разъ ожиданіе показалось мнѣ еще томительнѣе, чѣмъ въ первый пріѣздъ. Часы я забыла дома, а справляться о времени у чекистовъ мнѣ не хотѣлось.

Наконецъ, потерявъ терпѣніе, я рѣшила напомнить о себѣ и вышла въ канцелярію. Она была пуста, а наружная дверь оказалась запертой на ключъ.

„Не арестована ли я? — мелькнула у меня мысль. — Можетъ быть, романъ показался Ленину такой же сатирой на коммунизмъ, какъ Іонову мой разсказъ“.

Но черезъ нѣкоторое время въ канцеляріи послышались шаги, и на порогѣ появилась маленькая полная женщина, съ подносомъ, уставленнымъ всевозможными яствами.

— Скажите, что это значитъ, почему меня заперли здѣсь, какъ арестованную? — спросила я у нея.

— Что вы, товарищъ, что вамъ вздумалось! Уходя обѣдать, товарищи всегда запираютъ дверь канцеляріи на ключъ. Я вотъ принесла вамъ обѣдъ, потому что,— добавила она, съ улыбкой глядя на меня, — вамъ, можетъ быть, придется ждать еще очень долго. Ильичъ воспользуется какой нибудь, внезапно освободившейся, минутой и позоветъ васъ. А чтобы вамъ сейчасъ не было скучно безъ дѣла, я пришлю вамъ газеты. Тамъ, кстати, есть его послѣдняя статья.

И, любезно кивнувъ мнѣ головой, женщина ушла, а черезъ четверть часа, мнѣ принесли цѣлую пачку совѣтскихъ изданій.

Однако время шло, отъ скуки я уже пробѣжала почти всѣ газеты и успѣла вздремнуть, а меня не звали.

Когда начало темнѣть, ко мнѣ снова явилась „товарищъ Роза“ (какъ назвала себя женщина, на мой во-

просъ объ имени) — въ сопровожденіи двухъ дѣвушекъ, несущихъ ужинъ, чай и постельныя принадлежности.

— Вамъ придется переночевать здѣсь, товарищъ, — сказала она, — потому что Ильичъ можетъ вызвать васъ самымъ позднимъ вечеромъ или раннимъ утромъ.

— Но зачѣмъ же ночевать? — изумляясь все больше, спросила я. — Вѣдь не позоветъ же онъ меня ночью, а утромъ я могу притти, когда вы скажете.

— Нѣтъ, онъ можетъ позвать именно и ночью, и въ шесть часовъ утра, — уже нетерпѣливо и очень рѣшительно оборвала меня Роза, — и если васъ не будетъ подъ рукой, тогда вамъ придется ждать свиданія съ нимъ, можетъ быть, нѣсколько мѣсяцевъ.

Я была озадачена. Въ тонѣ чекистки такъ явственно звучало нѣчто недоговоренное, но что именно — я никакъ не могла догадаться. Съ одной стороны со мной обращались, какъ съ дорогимъ гостемъ, съ другой — какъ съ арестованной.

Я рѣшила не возражать, тѣмъ болѣе, что провести ночь въ жарко натопленной, свѣтлой комнатѣ, на старинномъ мягкомъ диванѣ, съ безукоризненнымъ постельнымъ бѣльемъ (на которомъ виднѣлись чьи то иниціалы съ короной) было не такъ ужъ худо, если бы — не отсутствіе часовъ.

Я сказала объ этомъ Розѣ, и она, тотчасъ же, снявъ съ руки браслетъ съ часами, положила его передо мною. Потомъ, приказавъ дѣвушкѣ принести изъ канцеляріи письменныя принадлежности, шутливо сказала:

— Можетъ, вдохновитесь и вздумаете писать, такъ чтобъ у васъ здѣсь все подъ рукой было.

Такая, необычайная для чекистовъ, любезность поражала меня и, теряясь въ догадкахъ, послѣ ухода Розы, я принялась за поданный мнѣ великолѣпный ужинъ.

Непріятно было лишь одно: когда, собираясь ложиться, я хотѣла закрыть дверь, ключа въ ней не оказалось. Но утѣшивъ себя мыслью, что провести ночь въ наполненномъ чекистами Кремлѣ — безопаснѣе, чѣмъ гдѣ либо, я легла и, утомленная, быстро уснула.

Не прошло и часу, какъ я проснулась отъ какого то

шороха. Сквозь тяжелую оконную штору пробивался свѣтъ дворцовыхъ фонарей, и въ этомъ полумракѣ я уловила чью то, быстро скользнувшую къ дверямъ тѣнь. Вскочивъ и повернувъ выключатель, я оглядѣла комнату: въ ней не было никого, двери были плотно закрыты, но... мое платье и сумочка исчезли.

Украсть ихъ здѣсь было, конечно, некому и, мгновенно сообразивъ теперь въ чемъ дѣло, я невольно улыбнулась.

Предположенія мои оправдались: утромъ, только не въ шесть, какъ говорила Роза, а въ восемь часовъ, вмѣстѣ съ чаемъ, принесли мои вещи, пояснивъ, что платье забыли взять для чистки съ вечера, а затѣмъ, спохватившись, дѣвушка („совсѣмъ еще деревня" — сказала Роза), явилась за нимъ ночью и, по ошибкѣ, захватила вмѣстѣ и ридикюль.

Излишне говорить, что сдѣлать это „по ошибкѣ" было невозможно, а учинить у представительницы рабочихъ, не мотивированный ничѣмъ, обыскъ, значило бы обидѣть Экспедицію. Пришлось прибѣгнуть къ комедіи въ чекистскомъ стилѣ.

XV

ЗАГАДКА ЛЕНИНА

Послѣ обѣда, я, наконецъ, была препровождена къ „Ильичу".

Онъ принялъ меня не въ томъ помѣщеніи, въ которомъ я бывала ежедневно, а въ небольшомъ салонѣ, и хотя „чистка" моего платья и сумочки могла, казалось, исчерпывающе удовлетворить чекистовъ, все же свиданіе состоялось при свидѣтеляхъ.

Неподалеку, у столика, разбиралъ какія то бумаги секретарь, а въ сторонѣ стоялъ красный офицеръ, внимательно осматривавшій находившійся въ его рукахъ револьверъ.

Ленинъ сидѣлъ въ креслѣ, у столика, на которомъ лежали „Новыя Искры" и рукопись моего романа, и, когда я подошла, жестомъ пригласилъ меня занять мѣсто напротивъ.

Я жадно впилась взглядомъ въ его лицо и... не нашла въ немъ ничего яркаго. Тупое выраженіе, апатія и странная хитроватая усмѣшка, въ которой мнѣ почудилось что то ненормальное.

— Скажите, что заставило рабочихъ Экспедиціи издавать сейчасъ такой журналъ, какъ „Новыя Искры"? — тихо, какъ говорятъ больные, которымъ предписано молчаніе, заговорилъ онъ.

— Желаніе слѣдить за современной русской литературой, знакомиться, посредствомъ популярныхъ статей, съ наукой, а если у кого нибудь изъ фабричныхъ издателей окажется литературное дарованіе, культивировать его въ своемъ журналѣ. Рабочіе очень интересовались услышать ваше мнѣніе объ ихъ начинаніи и поручили мнѣ просить у васъ для слѣдующаго номера статью по экономическимъ вопросамъ.

Ленинъ помолчалъ.

— Передайте имъ мою большую благодарность за подношеніе журнала, скажите, что я одобряю всякое культурное дѣло, но... скажите, — перебилъ онъ вдругъ себя, — какія настроенія владѣютъ теперь рабочими этой фабрики?

Неожиданный вопросъ показался мнѣ страннымъ, да и говорить объ истинныхъ настроеніяхъ „сахариновыхъ" коммунистовъ, значило бы поставить ихъ подъ разстрѣлъ.

— Насколько мнѣ извѣстно, рабочихъ удручаетъ, главнымъ образомъ, продовольственный вопросъ. Въ остальномъ жизнь на фабрикѣ идетъ сравнительно гладко.

Ленинъ пристально посмотрѣлъ на меня и улыбнулся.

— Вы давно служите въ Экспедиціи?

— Нѣтъ, всего полгода, но къ рабочимъ я подошла очень близко.

Предложивъ еще рядъ вопросовъ относительно дѣятельности Культурно-Просвѣтительнаго Отдѣла, въ какомъ количествѣ отпечатанъ журналъ и т. п., Ленинъ взялъ со стола мой романъ.

— Я читалъ вашу рукопись, — сказалъ онъ. — Судить о ея замыслѣ, по началу, — трудно, но она занятна и, если вы поведете ее дальше въ томъ же направленіи,

изъ нея можно будетъ сдѣлать хорошую вещь. Зато психологически вы съ первыхъ же шаговъ дѣлаете ошибку. Видно, что авторъ романа знакомъ съ революціонерами только по наслышкѣ, если заставляетъ своего героя „творца міровой революціи“, покончить самоубійствомъ изъ за женщины, да еще „въ разгаръ строительства новаго міра“. Вы мотивируете его поступокъ нервной болѣзнью, но это не оправданіе. Для истиннаго революціонера, никакая женщина не можетъ соперничать съ революціей. Поэтому даже его idée fixe, при нервномъ заболѣваніи, должна выразиться въ формѣ, имѣющей отношеніе къ тому, что владѣло его мыслями и чувствами въ теченіе всей жизни. Я вамъ совѣтую передѣлать это. Затѣмъ, — продолжалъ онъ, улыбнувшись, — вы, кажется, хотите нарисовать будущее коммуны послѣ міровой революціи?

— Да, уже въ ея идеальномъ видѣ. А чтобы не исказить этого образа своимъ невѣжествомъ, хотѣла бы раньше получить ваши указанія.

— Но вѣдь у васъ есть планъ?

— Нѣтъ, я составлю его, только услыхавъ отъ васъ, какъ сложится жизнь коммунистовъ XXI столѣтія. Будутъ ли, напримѣръ, у нихъ вожди, и въ чемъ выразятся обязанности таковыхъ.

Ленинъ, все время внимательно смотрѣвшій на меня, снова отвѣтилъ вопросомъ:

— А какъ рисуетъ это ваше воображеніе?

— Объ этомъ я тоже еще не думала.

— Но закончится вашъ романъ гибелью, или торжествомъ коммуны, вы не можете же не знать, — уже нетерпѣливо, сказалъ онъ.

— Я хочу закончить его тѣмъ, что Марка (героя романа, совершившаго міровую революцію), какъ вамъ извѣстно изъ первой части, усыпленнаго въ наши дни посредствомъ анабіоза, пробуждаютъ, періодически, каждыя 50-100 лѣтъ. Недовольный видѣннымъ, онъ, каждый разъ по пробужденіи, проситъ анабіозировать его снова, пока, наконецъ, не пробуждается уже въ совершенной коммунѣ. Тогда, удовлетворенный окружаю-

щимъ, онъ рѣшаетъ остаться бодрствующимъ уже до смерти.

Задумчиво глядя на меня, и бросивъ, послѣ нѣкотораго молчанія, бѣглый взглядъ въ сторону офицера и секретаря, Ленинъ еще болѣе пониженнымъ голосомъ сказалъ:

— А я бы закончилъ его иначе: *надо, чтобы, проснувшись въ послѣдній разъ и взглянувъ на окружающее, онъ попросилъ... усыпить его уже навсегда.*

И не успѣла я опомниться отъ поразившаго меня отвѣта и попросить разъясненій, какъ онъ всталъ и, заявивъ, что послѣ раненія ему нельзя много разговаривать, простился со мной.

— Ну, узнали, что васъ интересовало? — спросилъ, провожавшій меня до конца коридора, секретарь. — Я слышалъ, что вы разговаривали о романѣ.

— Да, — отвѣтила я, еще находившаяся подъ впечатлѣніемъ слышаннаго, — узнала, но не все. Слишкомъ кратко было наше свиданіе.

Попросивъ прислать мнѣ въ Петроградъ „Новыя Искры" съ обѣщаннымъ Ленинымъ автографомъ, я покинула Кремль, вполнѣ удовлетворенная тѣмъ, что вопреки предсказанію, добилась всего, чего желала.

Теперь мнѣ предстояло еще побывать въ Экспедиціи, за необходимыми для отъѣзда документами, и у главы государственныхъ издательствъ Воровскаго*), чтобы испросить разрѣшенія на выпускъ журнала не только для рабочихъ, но и въ продажу.

Я застала Воровскаго уѣзжающимъ, и, просмотрѣвъ „Новыя Искры" на ходу, онъ сказалъ:

— Роскошное изданіе. Послѣ революціи у насъ еще не было такого. Луначарскій можетъ позавидовать ему**).

Обрадованная успѣшнымъ началомъ, я стала говорить о необходимости возможно болѣе широкаго распространенія такого аполитичнаго журнала, какъ „Новыя Искры",

*) Впослѣдствіи убитаго въ Швейцаріи.

**) Луначарскій въ это время былъ редакторомъ убогаго государственнаго еженедѣльника.

о томъ, что изящная литература и художественные рисунки разовьютъ вкусъ рабочихъ и т. п.

Воровскій слушалъ меня настолько терпѣливо и, какъ показалось мнѣ, сочувственно, что, не сомнѣваясь въ его согласіи, я закончила словами:

— Рабочіе будутъ очень обрадованы, что вы поняли ихъ желаніе и согласились исполнить просьбу.

— Да, только не въ настоящее время, — отвѣтилъ Воровскій. — Широкое распространеніе такого журнала сейчасъ, когда намъ дорогъ каждый клочокъ бумаги, не только невозможно, но даже нежелательно. Намъ предстоитъ борьба со всѣмъ міромъ, можетъ быть, на сто лѣтъ впередъ, и поэтому, въ данный моментъ, мы нуждаемся больше въ изданіяхъ агитаціоннаго типа, въ которыхъ партійная идеологія пронизывала бы всѣ области жизни безъ исключенія, приковывала бы мысль каждаго только къ борьбѣ за революцію. Когда міровой пролетаріатъ уразумѣетъ, что его спасеніе въ гибели капитализма и свернетъ ему шею, онъ сможетъ тогда подумать и объ эстетикѣ, выражая ее, конечно, въ формахъ сообразныхъ новому міропониманію. Если ужъ рабочимъ Экспедиціи непремѣнно хочется имѣть изданіе такого буржуазнаго типа, какъ это, — указалъ онъ на „Новыя Искры", — пусть забавляются, до поры до времени, но — въ своемъ кругу.

Я вышла изъ Госиздательства совсѣмъ обезкураженной и рѣшила, что, по возвращеніи изъ Москвы, обращусь съ тою же просьбой къ Зиновьеву.

XVI
РЕДАКТОРЪ НЕСУЩЕСТВУЮЩАГО ЖУРНАЛА

По пріѣздѣ въ Петроградъ, я направилась въ Экспедицію съ докладомъ о своей командировкѣ.

Здѣсь уже были увѣдомлены Московскимъ Комитетомъ о свиданіи съ Ленинымъ и встрѣтили меня очень довольные результатомъ моей поѣздки.

Передавая предсѣдателю и его окруженію всѣ подробности своего пребыванія въ Москвѣ, я не умолчала и о сказанной Ленинымъ загадочной фразѣ.

— Можетъ быть, вы разгадаете ее? Она такъ не вяжется съ его дѣйствіями, что мнѣ ни за что не рѣшить этой задачи самостоятельно, — сказала я.

— Дѣйствительно загадалъ загадку, — отвѣтилъ предсѣдатель. — Похоже на то, будто вѣрны слухи, что онъ на цѣпи у этой банды и говоритъ и дѣлаетъ только то, что ему прикажутъ*). Кто ихъ разберетъ! Наше дѣло въ этомъ — сторона. Хуже, что они намъ дышать не даютъ.

И онъ разсказалъ, что въ мое отсутствіе Зиновьевъ реквизировалъ приготовленную для второго номера „Новыхъ Искръ“, бумагу, мотивируя необходимостью взять ее для печатанія офиціальнаго журнала „Третій Интернаціоналъ“.

„Продолжите ваше изданіе, когда у васъ будетъ больше бумаги, а пока она нужнѣе для „Интернаціонала“, чтеніе котораго принесетъ рабочимъ больше пользы, чѣмъ выдумки буржуазныхъ писакъ“, — заявилъ Зиновьевъ.

Это извѣстіе означало неофиціальное закрытіе „Новыхъ Искръ“, а для меня, какъ думала я, потерю мѣста.

Отпечатанные въ пятнадцати тысячахъ экземпляровъ, на прекрасной бумагѣ, съ рисунками въ краскахъ, съ произведеніями извѣстныхъ русскихъ писателей, „Новыя Искры“ раздѣлили участь всего созидаемаго при большевикахъ. Нѣсколько тысячъ экземпляровъ было распредѣлено между рабочими Экспедиціи, а остальные пошли... на обертку селедокъ въ фабричномъ кооперативѣ и на ближайшемъ рынкѣ, куда журналъ былъ проданъ „на вѣсъ“.

---

*) Въ Петроградѣ ходили упорные слухи, что Ленинъ подкупленъ какой то организаціей, дѣйствующей не въ пользу русскаго народа, а въ своихъ цѣляхъ, а въ деревняхъ крестьяне говорили, будто ему не даютъ воли сдѣлать то, что онъ хочетъ, захватившіе въ свои руки власть комиссары.

Съ прекращеніемъ журнальной работы, моя дѣятельность въ Экспедиціи фактически закончилась, и, каждый день ожидая увольненія, я почти перестала посѣщать Культурно-Просвѣтительный Отдѣлъ. Однако, отъ благоволившаго ко мнѣ Фабричнаго Комитета я продолжала получать жалованье и паекъ.

— Закрыть журналъ они не посмѣли и не посмѣютъ, — сказалъ предсѣдатель, — а разъ онъ не закрытъ, никто не можетъ лишить васъ мѣста.

— Тогда я начну хлопотать о разрѣшеніи печатать „Новыя Искры" на обрѣзкахъ бумаги, которые остаются у васъ отъ другихъ работъ?

— Сейчасъ, пожалуй, неблагопріятное для этого время, — отвѣтилъ предсѣдатель. — Власть встревожена слухами о новыхъ наступленіяхъ бѣлыхъ и будетъ, навѣрное, несговорчивой. Но, впрочемъ, поступайте, какъ хотите; мы вполнѣ полагаемся на васъ въ этомъ дѣлѣ.

XVII
ИГРА ВЪ „БУМЪ"

Я рѣшила начать свои хлопоты съ комиссара печати, ибо онъ былъ со мной наиболѣе разговорчивъ и обладалъ качествами, какъ я уже говорила, отсутствовавшими у его соратниковъ.

Захвативъ съ собой второй, уже сверстанный, номеръ „Новыхъ Искръ", въ которомъ началъ печататься мой романъ „Коммуна Земной Міръ", я направилась въ Смольный.

— Какія же у васъ теперь дѣла ко мнѣ? — удивился комиссаръ, увидавъ меня. — Вѣдь вамъ не на чемъ печатать журналъ.

Я объяснила, что въ экспедиціи всегда имѣются обрѣзки бумаги, на которыхъ, измѣнивъ форматъ изданія, можно будетъ продолжать его печатаніе, — и, умолчавъ о свиданіи съ Воровскимъ, разсказала о посѣщеніи Кремля.

— Объ этомъ я зналъ раньше, чѣмъ вы вернулись въ Петроградъ, — улыбаясь отвѣтилъ комиссаръ.

Я вопросительно взглянула на него.

— Чему же вы удивляетесь? Вѣдь намъ же докладываетъ партійный комитетъ фабрики обо всемъ, что тамъ происходитъ. О васъ доложили мнѣ, такъ какъ вы работаете въ моей области.

— Значитъ вамъ извѣстенъ и мой разговоръ съ Ленинымъ?

— Да, въ общихъ чертахъ.

— Въ такомъ случаѣ, зная, что Ленинъ обѣщалъ прислать статью для „Новыхъ Искръ" вы, конечно, посодѣйствуете ихъ выходу?

— При всемъ желаніи не могу этого сдѣлать, — отвѣтилъ комиссаръ, — потому что у насъ ужасающій бумажный голодъ, и на тѣхъ обрѣзкахъ, о которыхъ вы говорите, можно будетъ печатать хотя бы агитаціонныя брошюры. Я очень радъ, что узналъ отъ васъ объ ихъ существованіи, они мнѣ очень пригодятся сейчасъ, когда я прямо не знаю что дѣлать съ мелкимъ агитаціоннымъ матеріаломъ. Мы уже взяли бумагу вездѣ, гдѣ только она была, и теперь эти обрѣзки явятся для меня настоящей находкой. Относительно же матеріала этого номера, — указалъ онъ на журналъ, — вы заѣзжайте ко мнѣ дня черезъ три; если въ немъ все благополучно, вы сможете выпустить его при первой возможности. Если хотите, навѣдывайтесь иногда сюда, чтобы справляться о положеніи съ бумагой.

Раздосадованная, что явилась невольной причиной содѣйствія комиссару, и, можетъ быть, сдѣлала непріятность Экспедиціи, я умолчала передъ ней о новой неудачѣ.

На третій день, когда я собиралась въ Смольный, раздался телефонный звонокъ, и я была не мало удивлена, услышавъ голосъ комиссара печати.

— Я боленъ плевритомъ, — сказалъ онъ, — и, вѣроятно, не скоро смогу выѣзжать въ Смольный. Если хотите, заѣзжайте ко мнѣ за номеромъ сегодня въ семь часовъ въ Домъ Совѣта. Я хочу указать вамъ въ журналѣ на нѣчто нежелательное.

Вечеромъ, направляясь къ комиссару, я захватила съ собой, взятую изъ морской библіотеки, старинную книгу „Жизнь Флибустьеровъ“, предполагая завезти ее, на обратномъ пути, знакомымъ.

Комната комиссара оказалась рядомъ съ помѣщеніемъ Зорина, обстановка была простая, но на столахъ, невзирая на осень, стояли громадные букеты алыхъ розъ.

— О, какіе чудные цвѣты! — невольно вырвалось у меня при видѣ ихъ.

— Тише, тише, — замахалъ на меня руками, лежавшій на диванѣ, комиссаръ. — Не говорите такъ громко и въ такомъ тонѣ... Могутъ Богъ знаетъ что подумать. Вы, вѣдь, не наша, — уже шопотомъ добавилъ онъ, — а мы всѣ другъ за другомъ наблюдаемъ. Насъ, навѣрное, подслушиваютъ, — кивнулъ онъ головой на боковыя двери, ведущія въ другія комнаты.

Удивленная такимъ вступленіемъ, я стояла молча на него глядя, а онъ, жестомъ указавъ мнѣ на кресло, обратилъ вниманіе на старинный переплетъ книги, которую я держала.

— Что это у васъ за книга? Какой оригинальный переплетъ. Позвольте мнѣ ее.

Я, не очень охотно, протянула книгу, ибо подчеркнутыя мною, для знакомыхъ, строки, слишкомъ ярко говорили о сходствѣ совѣтской власти съ этими знаменитыми пиратами семнадцатаго вѣка.

Перелиставъ двѣ-три страницы, комиссаръ спросилъ:

— Это вы отчеркнули здѣсь нѣкоторыя мѣста?

— Да.

— Хорошаго же вы мнѣнія о насъ.

— Но, вѣдь, въ этой книгѣ говорится о флибустьерахъ, а не о васъ.

— Какъ у всѣхъ смѣлыхъ людей, у нихъ есть сходство съ нами, и имъ сопутствовало то же дьявольское счастье, что сопутствуетъ во всемъ и намъ. Я оставлю у себя эту книгу на нѣсколько дней.

— Она взята мной изъ библіотеки, и меня предупредили, что, въ случаѣ утраты, я заплачу большой штрафъ... Притомъ, я еще не дочитала ее.

— Я возвращу вамъ ее черезъ два дня въ сохранности.

Поговоривъ о „нежелательномъ“ въ „Новыхъ Искрахъ“, я спросила комиссара, какого онъ мнѣнія о моемъ романѣ.

— Я не знаю, что тамъ у васъ будетъ дальше, а пока это интересно, — повторилъ онъ слова Ленина.

— А какъ рисуете будущее идеальной Коммуны вы?

— Трудно сказать, потому что оно сложится изъ идей, такъ сказать, уже отшлифованныхъ событіями, изъ пройденныхъ революціей этаповъ. А если бы мы шли по прямой линіи, не отклоняясь въ стороны, тогда объ этомъ будущемъ скажетъ вамъ любая изъ марксистскихъ книгъ.

— Я думаю, о „прямой линіи“ не можетъ быть и рѣчи, когда уже теперь, вначалѣ, между правителями Коммуны начались распри, — сказала я, вспомнивъ, что по Петрограду ходятъ слухи о крупной размолвкѣ между Ленинымъ и Зиновьевымъ*).

Комиссаръ усмѣхнулся.

— Вы вѣрите въ нихъ?

— Объ этомъ говоритъ весь Петроградъ.

— Говоритъ не только Петроградъ, но и злорадствующая эмигрантская пресса, — указалъ комиссаръ на лежавшія на столѣ газеты. — Это означаетъ только, что мы *умѣемъ давать темы* для разговора. Въ нашей партіи раздоровъ быть не можетъ. Мы взяли Россію, а въ будущемъ возьмемъ и весь міръ своимъ единствомъ, своей, не знающей пощады, дисциплиной.

— Но не поставитъ же ваша партія къ „стѣнкѣ“, за нарушеніе дисциплины, Ленина и Зиновьева? — замѣтила я.

— Отчего же? — скорѣе, чѣмъ кого другого. Именно мы, вожди революціи, должны быть дисциплинированы больше, чѣмъ рядовые члены партіи. Вѣдь если, вступая въ нее, мы, ради общаго дѣла, отреклись отъ личныхъ взглядовъ, иниціативы и привязанностей, то,

---

*) Вызванной якобы желаніемъ послѣдняго, чтобы возглавляемая имъ Сѣверная Коммуна осталась самостоятельной.

естественно, что должны слѣпо повиноваться ея директивамъ, какъ бы ни была тяжела и непріятна предназначенная намъ роль. И если бы тотъ же Зиновьевъ вздумалъ дезорганизовать партію неповиновеніемъ, она поступила бы съ нимъ такъ же, какъ поступаетъ со своими классовыми врагами.

И, подавая мнѣ подписанный номеръ, комиссаръ добавилъ:

— Распри наши — игра, иногда серьезная, *по партійнымъ соображеніямъ*, иногда просто въ „бумъ", потому что и самому крупному предпріятію, если оно даже называется государствомъ, необходима реклама. *Одряхлѣвшіе нервы капиталистическихъ странъ требуютъ постояннаго возбужденія, и дающій его извлекаетъ изъ этого выгоды.*

— А вы не считаете эту игру опасной для себя?

— Вы хотите сказать, что слухи о нашихъ раздорахъ могутъ вдохновить вашихъ бѣлыхъ друзей на выступленія? Тѣмъ хуже для нихъ: тайное станетъ явнымъ и будетъ безпощадно уничтожено.

— Я думаю, даже Александръ Македонскій не былъ такъ убѣжденъ въ своей непобѣдимости, какъ вы, — сказала я.

— Александръ Македонскій былъ одинъ, а мы, какъ я уже говорилъ вамъ, одно, несокрушимое, цѣлое.

— Какъ флибустьеры?

— Если хотите — да. Въ этомъ мы сходны съ ними.

Послѣ этого свиданія, я, въ теченіе двухъ недѣль, напрасно просила комиссара, по телефону, возвратить мнѣ книгу.

— Она задержана Зиновьевымъ, которому я передалъ ее для чтенія. Эта книга не только занимательна, но и поучительна настолько, что ее слѣдовало бы преподавать въ школахъ.

— Это ваше мнѣніе, или Зиновьева?

— И мое и его, да, я думаю, должно быть и каждаго разумнаго человѣка. Мы всегда поучаемся чему нибудь и отъ друзей, и отъ враговъ, и отъ жизни, и изъ книгъ. А что же можетъ быть поучительнѣе того, что эти, во-

площавшіе дерзость и единство, люди заставили считаться съ собой могущественнѣйшія государства міра.

— Но, если Зиновьеву такъ нравится эта книга, значитъ онъ уже прочелъ ее? Почему же я ея не получаю? Или она реквизирована имъ? Тогда заявите объ этомъ въ библіотеку, иначе я заплачу штрафъ.

Чтобы закончить исторію съ флибустьерами, скажу, что библіотека съ меня ничего не взыскала, но и книги я больше не увидѣла.

XVIII
ВЪ БАЛЕТНОЙ ШКОЛѢ

Между тѣмъ, дѣйствія „моихъ бѣлыхъ друзей" съ каждымъ днемъ становились все активнѣе; наступавшая осень радовала ихъ успѣхами, и мнѣ, волей неволей, пришлось пріостановить хлопоты о журналѣ.

Но въ ожиданіи перемѣнъ, уже не полагаясь на прочность своего положенія въ Экспедиціи, я рѣшила поступить въ балетную школу.

Избрать такую, чуждую мнѣ, дѣятельность вынудили меня: убѣжденіе, что продолжать при большевикахъ долго литературную едва ли будетъ возможно, поиски того забвенія, котораго, иногда, въ самыхъ неожиданныхъ формахъ, искали въ тѣ дни многіе дѣятели искусства и науки, а кромѣ того и необходимость обезпечить будущее вѣрнымъ заработкомъ.

Танцовалъ тогда весь Петроградъ; анонсами о балахъ и вечерахъ пестрѣли всѣ заборы и зданія (не исключая и церковныхъ), а балетные номера въ театрахъ и дивертисментахъ, пользуясь наибольшимъ успѣхомъ, наилучше и оплачивались.

Открывшіяся, въ связи съ этимъ, многочисленныя танцовальныя школы были переполнены учащимися, которыхъ, согласно принципу равенства, принимали буквально съ улицы. Поэтому школы эти, зачастую, служили сборищами преступниковъ, заканчивавшихъ свои танцовальныя занятія скамьей подсудимыхъ.

Таковы были громкіе процессы ученицы балетной школы С..., судившейся за убійство съ цѣлью грабежа, и шайки налетчиковъ, какъ было установлено на судѣ, отправлявшейся, непосредственно съ уроковъ танцевъ, гдѣ они сговаривались, — на разбой.

1-е ОБЩЕСТВО

прасоловъ, скотопромышленниковъ и сельскихъ хозяевъ.

Квитанція № 1401

Принято отъ

на нужды Общества Руб. Коп

Казначей

Секретарь

Бумажный кризисъ вынуждалъ многія учрежденія пользоваться квитанціями уже несуществующихъ организацій, что и повело, въ данномъ случаѣ, къ сочетанію скотопромышленности съ балетной школой.

Я поступила въ одну изъ старинныхъ балетныхъ школъ, куда ученицы принимались съ большимъ разборомъ, и гдѣ ходатайства подозрительныхъ о пріемѣ отклонялись, подъ предлогомъ переполненія комплекта учащихся.

Но и здѣсь, все же, мнѣ пришлось очутиться въ самомъ разнообразномъ обществѣ, среди котораго были и представительницы бывшаго „свѣта“, учащіяся также для того, чтобы зарабатывать выступленіями, и упитанныя совѣтскія дамы, балетной гимнастикой лечившіяся отъ излишней полноты, и мечтавшія о славѣ, обогащенныя революціей, пролетарки.

Въ выборѣ дѣятельности, какъ въ средствѣ забвенія отъ окружавшей дѣйствительности, я не ошиблась: техническія трудности, которыя по началу, приходилось преодолѣвать, мнѣ, никогда до этого не интересовавшейся даже бальными танцами, являлись настоящимъ физическимъ истязаніемъ, а разговоры, среди ученицъ, вмѣсто наскучившей до смерти „политики“, вертѣлись вокругъ удачно или неловко сдѣланныхъ батмановъ, арабесокъ, невозможности доставать крахмалъ для газовыхъ юбочекъ и т. п.

Непріятно было лишь, что занятія происходили въ неотапливаемомъ, за отсутствіемъ топлива, помѣщеніи, при температурѣ значительно ниже нуля, а балетный костюмъ, конечно, не защищалъ отъ мороза.

Помимо владѣльца школы, преподавателями ея являлись извѣстные артисты и артистки императорскаго балета, съ которыми, особенно съ моей учительницей, балериной Б., у меня создались самыя лучшія отношенія.

Большинству изъ нихъ жилось не легко: въ промежуткахъ между спектаклями и репетиціями, подготовкой роли и бѣганьемъ, зачастую черезъ весь городъ, по частнымъ урокамъ, приходилось выполнять всѣ домашнія работы вплоть до колки дровъ и мытья танцовальныхъ костюмовъ.

Приглашенія выступать на подмосткахъ кино, въ дивертисментахъ, за три-четыре фунта хлѣба, цѣнились ими больше, чѣмъ за деньги, но получить „хлѣбный“ ангажементъ было не легко, и имъ дорожили даже артистки съ большими именами.

XIX
Я УЧУСЬ „ДЕРЗОСТИ"

Наступилъ октябрь. Къ Петрограду приближалась армія Юденича, коммунисты усиленно готовились къ сопротивленію, населеніе ликовало и злорадствовало. Въ Экспедиціи чувствовался большой подъемъ, и только партійные были встревожены.

— Придутъ, — тогда ужъ похлопочите за насъ, чтобъ не повѣсили; — вы, вѣдь, знаете какіе мы коммунисты и почему вошли въ партію, — шутливо, но не безъ тревоги, говорило мнѣ мое начальство.

Такъ какъ Петроградъ объявили на осадномъ положеніи, и телефоны всюду были выключены, я попросила предсѣдателя посодѣйствовать включенію моего.

— Это совершенно невозможно, — отвѣтилъ онъ.— Они выключены не только у васъ, но даже у многихъ нашихъ партійцевъ.

Мнѣ удалось добиться отъ него только удостовѣренія въ необходимости постоянныхъ телефонныхъ сношеній съ Экспедиціей.

Съ этой бумагой я отправилась на телефонную станцію, гдѣ узнала, что для включенія необходимо особое распоряженіе петроградскаго коменданта, выдаваемое лишь въ случаяхъ исключительной важности.

Вернувшись въ Отдѣлъ, я разсказала о своей неудачѣ, и одинъ изъ присутствовавшихъ тамъ, случайно, рабочихъ, совсѣмъ темный и искренно ненавидѣвшій „господъ", поучительно замѣтилъ:

— Еще бы! Это не прежнее время, когда генералы да цари бабскихъ капризовъ слушались: нонче власть твердая.

Эта фраза меня очень раздосадовала, и чтобы доказать обратное, я, тотчасъ по возращеніи домой, отправила Лилиной письмо. Въ немъ я говорила, что, желая прочесть рабочимъ Экспедиціи рядъ популярныхъ лекцій по русской литературѣ, имѣю надобность въ постоянныхъ телефонныхъ переговорахъ съ Фабричнымъ Комитетомъ и прошу ее распорядиться о включеніи моего телефона.

На письмо отвѣта я не получила, и на станціи мнѣ сказали, что распоряженія о включеніи не было.

— Бросьте хлопотать, товарищъ, все одно ничего не выйдетъ, только подозрѣніе на себя наведете, — благожелательно посовѣтовалъ мнѣ начальникъ военной охраны станціи.

Но я не „бросила", а направилась въ Смольный къ комиссару печати.

Я застала его въ очень дурномъ настроеніи, и, услыхавъ въ чемъ дѣло, онъ рѣзко отвѣтилъ:

— За какого идіота вы принимаете меня, чтобы я сталъ содѣйствовать сейчасъ включенію вашего телефона? Да въ случаѣ побѣды бѣлыхъ вы первая накинули бы веревку на мою шею.

— Вы же говорили мнѣ, что эта побѣда невозможна, — напомнила я объ одномъ изъ нашихъ послѣднихъ разговоровъ.

— И теперь повторю это, — нѣсколько смущенно отвѣтилъ комиссаръ и сердито добавилъ: — но у насъ нѣтъ сейчасъ времени присматривать за поведеніемъ бѣлогвардейскихъ дамъ, которымъ въ такіе дни вдругъ экстренно понадобилось разговаривать съ кѣмъ то по телефону.

Тогда я рѣшила отправиться съ просьбой непосредственно къ коменданту, которымъ въ это время былъ латышъ Ческисъ.

При существовавшей въ коммунальныхъ учрежденіяхъ безтолковости, никто не могъ сказать мнѣ опредѣленно, гдѣ находится комендантъ, и я нашла его лишь на третій день поисковъ въ штабѣ, помѣщавшемся на улицѣ Гоголя.

Отправляясь туда, я надѣла такое яркое красное платье и такую эксцентричную шляпу, что буквально ошеломила стоявшаго у входа караульнаго — молодого краснощекаго парня, ничего у меня не спросившаго и проводившаго изумленнымъ взглядомъ.

Во второмъ этажѣ мнѣ выдали пропускъ къ коменданту, и я очутилась у дверей его кабинета, гдѣ стоялъ мальчикъ, по виду, лѣтъ двѣнадцати.

Не обративъ на него вниманія, я хотѣла постучать въ дверь, но онъ загородилъ мнѣ дорогу.

— Куда вы лѣзете, товарищъ, и чего вамъ здѣсь надо? — очень строго спросилъ онъ.

Я подала ему визитную карточку и отрекомендовалась редакторомъ рабочаго журнала Экспедиціи.

— Мнѣ необходимо немедленное включеніе моего телефона, такъ какъ мы печатаемъ второй номеръ этого изданія, — указавъ на „Новыя Искры", съимпровизировала я первое, что пришло на умъ, — и рабочіе будутъ очень недовольны задержкой.

Мальчикъ прочелъ карточку и съ любопытствомъ сталъ разсматривать рисунки журнала.

— У васъ съ собой только одинъ номеръ? — спросилъ онъ.

— Завтра я пришлю вамъ хоть дюжину. Этотъ мнѣ надо будетъ сегодня показать товарищу Ческису, а потомъ товарищу Лилиной.

— Видите, — уже значительно любезнѣе сказалъ мальчикъ, — у него сегодня экстренное засѣданіе. Приходите завтра въ это же время. Я обѣщаю, что онъ васъ приметъ, — съ важностью добавилъ онъ.

На другой день, захвативъ съ собой обѣщанные номера, я снова явилась въ штабъ.

Мальчикъ взялъ „Новыя Искры", поблагодарилъ меня, но сказалъ:

— Онъ очень занятъ сегодня; вы бы, товарищъ, зашли лучше завтра въ это же время. А?

— Что вы, товарищъ, — возмутилась я. — Я сказала рабочимъ, что вы обѣщали мнѣ устроить свиданіе съ комендантомъ сегодня, и, положившись на ваше обѣщаніе, они просили меня передать вамъ ихъ благодарность и приступили къ печатанію номера. Какъ же я покажусь имъ теперь?

Мальчикъ сдался, понесъ карточку въ кабинетъ, и черезъ минуту я была принята.

Ческисъ, типичный латышъ, въ военной формѣ, стоялъ у окна и, окинувъ меня любопытнымъ взглядомъ, молча ждалъ изложенія моей просьбы.

Подавъ ему журналъ, я повторила все сказанное мальчику, и онъ, просмотрѣвъ номеръ и ничего не отвѣтивъ, взялся за телефонную трубку.

Это была очень непріятная для меня минута, такъ какъ я предположила, что онъ звонитъ въ Экспедицію, желая провѣрить мои слова.

Не зная моей выдумки, оттуда, конечно, отвѣтили бы, что никакого журнала они не печатаютъ, и обнаруженный обманъ могъ быть истолкованъ комендантомъ, въ это, тревожное для коммунистовъ, время, весьма для меня нежелательно.

Однако, и на этотъ разъ, все закончилось благополучно: Ческисъ отдалъ по телефону какое то распоряженіе и, набросавъ на штабномъ бланкѣ нѣсколько строкъ, протянулъ его мнѣ со словами:

— Вы предъявите это на станціи. Черезъ часъ вашъ телефонъ будетъ включенъ.

Излишне говорить, какъ были поражены въ Экспедиціи, когда, позвонивъ, я попросила передать восхвалявшему „твердую власть“ рабочему о включеніи моего телефона.

Какъ ни странно, но этотъ ничтожный случай даже больше, чѣмъ свиданіе съ Ленинымъ, упрочилъ мое положеніе на фабрикѣ, гдѣ стали говорить, что если понадобится провести какое нибудь „трудное“ дѣло — будутъ обращаться ко мнѣ.

XX

ВЪ ДНИ „НАЧАЛА КОНЦА“

На улицахъ Петрограда кипѣла жизнь. Въ его, наиболѣе уязвимыхъ, пунктахъ лихорадочно рылись окопы и ставились проволочныя загражденія, въ окнахъ нѣкоторыхъ домовъ, подъ прикрытіемъ мѣшковъ съ пескомъ, устанавливались пулеметы, и пасхальнымъ звономъ звучала для слуха населенія все приближавшаяся канонада.

Уличные мальчишки, эти вѣрные показатели обще-

ственныхъ настроенiй, въ Россiи, пренебрегая опасностью ареста*), увидавъ „буржуя“, напѣвали:

Я на бочкѣ сижу,
А подъ бочкой мышка,
Скоро бѣлые придутъ —
Коммунистамъ крышка.

Или:

Коли сыпется зерно
Отъ дыры въ твоемъ мѣшкѣ,
Ты заплатку наложи —
Дай Коммунѣ по башкѣ.

Въ одинъ изъ этихъ дней, когда возбужденные, опьяненные близкимъ освобожденiемъ, петроградцы, при встрѣчахъ говорили уже не о пайкахъ, а дѣлились слухами: „Занято Царское“... „Уже въ десяти верстахъ отъ Петрограда“, — ко мнѣ зашелъ поэтъ М-iй**).

Подѣлившись со мной послѣдними политическими новостями, онъ сказалъ:

— Почему вы перестали устраивать у себя литературные вечера? Вотъ теперь, напримѣръ, по случаю „начала конца“ Коммуны, отчего бы вамъ не порадовать своихъ сотрудниковъ такой вечеринкой? Всѣ мы находимся въ такихъ ужасныхъ условiяхъ, что собраться сейчасъ у васъ, въ обстановкѣ, заставляющей забыть дѣйствительность, — прiятнѣе чѣмъ когда либо. Послѣ будемъ вспоминать, какъ оборванные и голодные пировали на вулканѣ.

— Но, вѣдь, осадное положенiе запрещаетъ всякiя сборища и выходъ на улицу послѣ девяти часовъ вечера; кто же захочетъ рисковать арестомъ наканунѣ освобожденiя? Никто не явится.

— Всѣ пойдутъ. Ну, можетъ быть, старики побоятся,

---

*) И самые малолѣтнiе арестовывались за это иногда вмѣстѣ съ родителями. Лично мнѣ извѣстны три такихъ случая, причемъ, во всѣхъ трехъ, мальчики принадлежали къ семьямъ рабочихъ.

**) Сынъ извѣстнаго писателя-классика и нынѣ находящiйся въ Россiи, почему не называю его настоящаго имени.

а за остальныхъ — ручаюсь. Если разрѣшите, я лично увѣдомлю всѣхъ о назначенномъ днѣ.

Мы выработали планъ вечера, и, въ первыхъ числахъ октября, когда погруженный во мракъ городъ притихъ въ ожиданіи событій, театры и другія увеселительныя мѣста бездѣйствовали, — къ восьми часамъ у меня начали собираться приглашенные. Явилось девятнадцать писателей, четыре ученыхъ и три извѣстныхъ художника.

Изъ предосторожности окна комнатъ, въ которыхъ происходило собраніе, были завѣшаны не пропускающей свѣта тканью, а приходящіе гости входили въ квартиру по тремъ ходамъ, по одиночкѣ.

Настроеніе собравшихся, убѣжденныхъ, что коммунизмъ доживаетъ послѣдніе часы, было исключительно приподнятымъ и воодушевленнымъ, а когда послѣдній изъ пришедшихъ объявилъ, что, яко бы „бѣлые разъѣзды появились у Нарвскихъ воротъ“ — даже сѣдовласые профессора помолодѣли и приняли участіе въ писаніи коллективнаго романа и въ состязаніи экспромтами.

Привожу два, наиболѣе характерные:

Юденичъ!.. Сердцу это слово
Звучитъ какъ гимнъ освобожденья,
Чудесный символъ возвращенья
Къ тому, — что было въ насъ святого.
Все ближе, ближе канонада,
Уже Юденичъ у порога...
Гряди, гряди, посланецъ Бога,
Спасать твердыни Петрограда.

———

Тамъ, за Нарвскою заставой,
Рѣютъ бѣлыя знамена,
Тамъ паритъ орелъ двуглавый —
Символъ права и закона.
Здѣсь, въ партійныхъ высшихъ сферахъ,
Полны страха и тревоги:
Говорятъ объ „экстра мѣрахъ“ —
„Унести бъ отъ бѣлыхъ ноги!“

Къ послѣдней строфѣ сказаннаго мною экспромта:

... И если въ бою этомъ „завтра“
И намъ суждено будетъ пасть, —
Да здравствуетъ нынче „сегодня“,

Баранцевичъ добавилъ:

Да сгинетъ совѣтская власть!

„Вечеръ“ закончился въ девять часовъ утра и, за отсутствіемъ средствъ передвиженія, многимъ, въ томъ числѣ престарѣлому Вас. Ив. Немировичу-Данченко и одному обитавшему на окраинѣ професору, пришлось, послѣ безсонной ночи, итти черезъ весь городъ пѣшкомъ.

Спустя сутки, разбуженное въ четыре часа ночи, тревожными гудками путиловскаго завода, населеніе, поднялось, подумавъ, что въ городъ вступаютъ бѣлые.

Но это была послѣдняя радость. Началось отступленіе Юденича отъ Петрограда и пораженіе бѣлыхъ армій на Югѣ Россіи.

Трудно передать то душевное угнетеніе, которое пришлось пережить послѣ этого новаго разочарованія.

Вѣдь какъ легко было взять Петроградъ, при большевицкой разрухѣ и всемѣрномъ содѣйствіи населенія, указываетъ даже стремительность продвиженія бѣлыхъ. Прибывшіе утромъ, по Балтійской линіи, служащіе, уже не могли вернуться обратно, ибо къ вечеру Стрѣльна и прилегающія къ ней мѣстности были заняты арміей Юденича, а сообщеніе съ ними прервано.

Снова потянулась сѣрая безпросвѣтная жизнь, весь смыслъ которой сводился къ желудочнымъ интересамъ, когда честолюбіе людей было устремлено лишь на умѣніе изыскивать пути къ наибольшему полученію законныхъ пайковъ и безотвѣтственной кражѣ казенныхъ продуктовъ; послѣднимъ, встрѣчаясь, даже кичились другъ передъ другомъ: „отымаемъ свое у грабителей“.

Но и въ этой, засасывающей душу, тинѣ безпросвѣтнаго бытія можно было наблюдать проявленія, оставшагося безвѣстнымъ міру, героизма.

Когда армія Юденича покинула Царское Село, и его заняли красные, они обвинили мѣстное духовенство въ сигнализаціи бѣлымъ съ мѣстныхъ колоколенъ, дѣяніе — за которое обвиняемымъ грозилъ немедленный разстрѣлъ.

Тогда, рискуя раздѣлить участь священниковъ, къ военнымъ, революціоннымъ, властямъ, явилась, бывшая въ тѣ дни сестрой милосердія, дочь писателя Зарина-Несвицкаго*) и стала доказывать, что сигнализація, въ которой обвиняютъ арестованныхъ священнослужителей, технически невозможна.

— Если вы сумѣете опровергнуть мои слова, — сказала эта отважная дѣвушка, — арестуйте тогда и меня, какъ ихъ сообщницу.

Ей удалось уговорить комиссаровъ отправиться съ ней на колокольни и тамъ доказать, что она права.

Священниковъ освободили, а имя ихъ спасительницы, вскорѣ послѣ этого умершей отъ сыпного тифа, съ тѣхъ поръ поминается, при богослуженіяхъ, во всѣхъ царскосельскихъ храмахъ.

XXI
БѢЛЫЙ КОМИССАРЪ

Продолжая посѣщать балетную школу, весной двадцатаго года я рѣшила возобновить хлопоты о выходѣ журнала.

Замѣстившій въ эти дни, отправленнаго на фронтъ агитировать, брата Лилиной, комиссаръ Василевскій, былъ тогда также редакторомъ „Правды".

Я направилась къ нему въ надеждѣ, что онъ, — какъ говорили, бывшій бѣлый офицеръ, съ высшимъ образованіемъ, — если и не поможетъ мнѣ, то, можетъ быть, научитъ какъ дѣйствовать.

Василевскій принялъ меня уже не въ Смольномъ, а въ „Домѣ Печати", на Невскомъ, и произвелъ настолько благопріятное впечатлѣніе, что просто не вѣрилось,

*) И сейчасъ находящагося въ Царскомъ Селѣ.

чтобы этотъ человѣкъ могъ быть причастнымъ къ какимъ нибудь звѣрствамъ.

Онъ внимательно выслушалъ мое дѣло, очень заинтересовался „Новыми Искрами“ и сказалъ:

— Отвѣтить вамъ сейчасъ я ничего не могу, мнѣ надо будетъ раньше переговорить съ Зиновьевымъ, но чтобы обезпечить успѣхъ вашего ходатайства, я могу предложить вамъ слѣдующее: вы дадите мнѣ, для „Правды“, вашъ разсказъ или стихи, подписанные, какъ вы ихъ подписывали нѣкогда въ „Новомъ Времени“. Затѣмъ, у васъ вѣдь громадныя связи въ литературномъ мірѣ, — если вы посодѣйствуете тому, чтобы писатели съ громкими именами, желательнѣе также сотрудники бывшихъ правыхъ газетъ и журналовъ, приняли участіе въ нашихъ изданіяхъ, я обѣщаю вамъ, что Зиновьевъ не будетъ препятствовать выходу вашего журнала.

— Лично у меня не осталось уже ни одной строки, не бывшей въ печати, сейчасъ же я не пишу ничего. Притомъ никто изъ насъ просто не сумѣлъ бы писать на революціонныя темы, — отговорилась я, не зная какъ выйти изъ положенія.

— Саботажъ ни къ чему доброму не приведетъ, а темы не обязательно революціонныя. Можно писать о чемъ угодно, лишь бы, конечно, не противъ того, что мы проповѣдываемъ. *Намъ важно, чтобы Европа видѣла въ нашихъ изданіяхъ имена дореволюціонныхъ писателей.* Поэтому произведенія и должны быть подписаны полностью, а не только заглавными буквами именъ и фамилій, или новыми псевдонимами. Гонораръ — въ желательномъ авторамъ размѣрѣ — авансомъ.

Я вышла изъ комиссаріата очень удрученной неожиданнымъ осложненіемъ.

Я знала, что среди писателей найдется нѣсколько, настолько оголодавшихъ, что, вопреки своимъ взглядамъ, станутъ работать на большевиковъ, но передать имъ предложеніе комиссара, — значило бы стать самой въ ихъ ряды, чего сдѣлать я, принципіально, не могла.

Въ надеждѣ, что меня, можетъ быть, еще озаритъ какая нибудь удачная мысль, я изо дня въ день откладывала поѣздку къ Василевскому, но, недѣли черезъ двѣ послѣ нашего свиданія, получила отъ него записку съ напоминаніемъ о его просьбѣ.

Пришлось направиться въ комиссаріатъ.

— Ну, что же, говорили вы съ кѣмъ нибудь изъ писателей о моемъ предложеніи? — встрѣтилъ меня вопросомъ комиссаръ.

— Да. Всѣ отговариваются невозможностью писать при настоящихъ условіяхъ — нѣтъ настроенія и времени.

Василевскій недовѣрчиво взглянулъ на меня.

— Тѣмъ хуже для нихъ и для васъ, — сухо произнесъ онъ. — Вамъ, значитъ, придется отложить печатаніе „Новыхъ Искръ" до болѣе благопріятнаго времени.

— Но почему, комиссаръ, вы связываете этотъ вопросъ съ существованіемъ „Новыхъ Искръ"?

— Потому, что, если вы не хотите сдѣлать для насъ даже такого пустяка, значитъ стоите въ рядахъ нашихъ враговъ.

— Вашъ предшественникъ, — возразила я, — говорилъ мнѣ, однажды, что коммунистическая власть придаетъ значеніе врагамъ, поскольку они выступаютъ противъ нея активно. Я держусь въ сторонѣ отъ „политики" и хочу работать только въ области искусства. Думаю, что въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго даже съ партійной точки зрѣнія.

— Предосудительнаго, конечно, нѣтъ, но кто не съ нами, тотъ не можетъ представлять для насъ цѣнности какими бы способностями ни обладалъ.

Убѣдившись, что этотъ комиссаръ значительно несговорчивѣе предыдущаго, я рѣшила, согласно его совѣту, отложить хлопоты „до болѣе благопріятнаго времени".

XXII
ПЕРВАЯ МЫСЛЬ О БѢГСТВѢ

Лѣто этого года я проводила въ Павловскѣ.

Здѣсь на всемъ еще виднѣлись слѣды наступленія Юденича: разрушенная снарядами бѣлыхъ радіо-станція, близъ Царскаго Села, выбитыя на перронѣ вокзала стекла, разоренныя дачи и т. д.

Впрочемъ, на жилищахъ отразились больше грабежи и недостатокъ топлива, чѣмъ стрѣльба. Отсутствіе дровъ заставило мѣстныхъ жителей, по ночамъ, выламывать, въ пустующихъ помѣщеніяхъ, оконныя рамы и двери и даже рубить для этой цѣли драгоцѣнную старинную мебель екатерининскихъ и александровскихъ временъ*). Пострадали отъ этого, въ тѣ годы, Стрѣльнинскіе и Павловскій парки, гдѣ запрещеніе мѣстныхъ Совѣтовъ не мѣшало крестьянамъ безжалостно вырубать сотни вѣковыхъ деревьевъ.

Чтобы получить „безхозую" дачу**), я обратилась въ Павловскій Совѣтъ, но лучшія, болѣе или менѣе пригодныя для жилья, помѣщенія были уже разобраны коммунистами, а громадные барскіе особняки, въ которыхъ мѣстами еще сохранились остатки старинной стильной обстановки, требовали капитальнаго ремонта.

Никѣмъ не охраняемые и пустынные, съ настежь раскрытыми или выломанными дверьми, — они производили жуткое впечатлѣніе, рисуя воображенію картины поспѣшнаго бѣгства ихъ обитателей въ дни революціи и отступленія бѣлыхъ, съ которыми многіе ушли.

Помню, какъ проходя въ одномъ изъ такихъ домовъ анфиладой комнатъ, съ выбитыми въ окнахъ стеклами, но сохранившейся стѣнной живописью и шелковой обивкой мебели, я наткнулась на лежавшую на полу муж-

---

*) Это дѣлали и многіе петроградцы, не щадившіе своей, нерѣдко музейной, обстановки, чтобы отопить кухню, въ которой зимой ютилась вся семья.

**) Оставленныя бѣженцами, или погибшими во время гражданской войны владѣльцами, дачи эти предоставлялись желающимъ безплатно.

скую окровавленную сорочку, рядомъ съ которой валялся совершенно новый, разорванный цилиндръ.

Что могло означать это загадочное соединеніе?.. Свидѣтельницами какой драмы являлись эти вещи и стѣны?..

Не найдя ничего подходящаго безплатно, я наняла у одного изъ уцѣлѣвшихъ жителей, за два пуда хлѣба и пудъ муки, небольшой особнякъ.

Въ павловскомъ вокзалѣ въ этомъ году возобновились концерты, устраивались балетные, а иногда и литературные, вечера.

Но какой убогій видъ являлъ теперь этотъ, нѣкогда ослѣплявшій блескомъ мундировъ и туалетовъ, перевидавшій знаменитѣйшихъ исполнителей (включая Штрауса) залъ. Наполнявшіе его, по профсоюзнымъ билетамъ, рабочіе, красноармейцы и коммунистическое начальство въ кожаныхъ курткахъ и френчахъ, охотнѣе всего смотрѣли балетъ и слушали пѣніе. Къ музыкѣ — хотя репертуаръ сообразовался съ аудиторіей — относились много сдержаннѣе, а на литературныхъ вечерахъ откровенно дремали.

Въ общемъ — по сравненію съ 18—19-ымъ годами — жизнь стала какъ будто налаживаться, желѣзнодорожное движеніе нѣсколько улучшилось, влѣдствіе чего стало легче добывать у спекулянтовъ и продукты.

Спекулировали въ тѣ дни всѣ; ажіотажъ спекуляціи захватывалъ даже тѣхъ, кто не имѣлъ особенной надобности заниматься ею.

Въ Павловскѣ этимъ промышляли низшіе желѣзнодорожные служащіе, получавшіе, такъ называемыя, „провизіонки"*) и ѣздившіе за продуктами на, близкую къ Павловску, границу Латвіи.

Не посѣщая, вслѣдствіе каникулъ, балетной школы и Экспедиціи, гдѣ у меня не было дѣла, и не устраивая лѣтомъ литературныхъ собраній, такъ какъ никто изъ писателей не имѣлъ денегъ на проѣздъ въ Павловскъ, — я очень тосковала. Не разъ провожая взглядомъ

*) Безплатные казенные билеты, выдаваемые спеціально для поѣздокъ за продуктами.

идущіе мимо моей дачи поѣзда, я летѣла думами къ свободнымъ странамъ, представляя ихъ въ этотъ моментъ, въ связи съ творящимся вокругъ и за отсутствіемъ прессы, въ идеализированномъ видѣ.

Это привело къ тому, что, мелькавшая у меня до сихъ поръ отвлеченно, мысль покинуть Россію стала принимать реальныя формы.

Но какъ осуществить ее, когда границы для совѣтскихъ гражданъ закрыты, а смѣльчаки, отважившіеся въ эти дни просить разрѣшенія на выѣздъ изъ СССР, не заѣзжали дальше Гороховой 2*).

„Уѣхать можно, только принявъ иностранное подданство“ — говорили одни. Другіе совѣтовали лучше бѣжать при содѣйствіи контрабандистовъ, занимавшихся тогда переправой бѣглецовъ черезъ границу, или спеціализировавшихся на этомъ проводниковъ.

Но всѣ они, не гарантируя, конечно, благополучнаго исхода предпріятія, уже многимъ стоившаго жизни**), оцѣнивали свой рискъ въ такую высокую сумму, что я не могла даже и мечтать объ этомъ способѣ бѣгства.

Разговорившись, однажды, съ продававшимъ мнѣ продукты мѣстнымъ желѣзнодорожнымъ рабочимъ, я узнала, что онъ уроженецъ лежавшей на границѣ деревни, половина которой, послѣ революціи, перешла къ Латвійской республикѣ.

— Вотъ и вышло теперь, — сказалъ онъ смѣясь, — что на одномъ концѣ деревни, въ Россіи, остались замужнія, либо, женатыя дѣти, а на другомъ — въ Латвіи живутъ ихъ старики. Ну, конечно, каждый день, почитай, за границу шагаютъ къ своимъ.

— Развѣ граница тамъ не охраняется?

— Какъ не охраняется, — вездѣ кордоны стоятъ. Только какъ мы всѣ, еще ребятами, знали тамъ каждую тропиночку черезъ болота, каждый кусточекъ, такъ, первое, — за нами трудно углядѣть, а потомъ и кор-

*) Чека, ставшее для многихъ могилой.
**) Въ числѣ ихъ былъ извѣстный летчикъ Германъ, убитый при переходѣ финляндской границы.

донъ, этотъ самый, не очень то строгъ до насъ. Свой братъ тоже — понимаетъ.

„Шагай, говоритъ, да только насъ не подведи, чтобы намъ не отвѣтить за васъ, болотныхъ чертей"

Услыхавъ, что я съ мужемъ хотѣла бы перейти границу, онъ сказалъ, что охотно возьмется перевести насъ за сумму, которую мы сможемъ заплатить, но не осенью (разговоръ происходилъ въ началѣ сентября), когда дожди дѣлаютъ переходъ черезъ изобилующую болотами мѣстность, для людей непривычныхъ, небезопаснымъ.

— Зимой, какъ болото замерзнетъ, я переведу васъ; а теперь, я то гдѣ и провалюсь — выскочу, а вамъ будетъ трудно, увязнуть можете, и я не спасу — засосетъ.

XXIII
КОМИССАРЫ СОДѢЙСТВУЮТЪ МНѢ

По возвращенiи съ дачи, узнавъ, что прежнiй комиссаръ печати въ Петроградѣ, я рѣшила посредствомъ него добиться необходимаго мнѣ, для романа, интервью съ Зиновьевымъ.

Воспользовавшись разрѣшенiемъ, отъ времени до времени, справляться относительно бумаги, я позвонила въ Асторiю и просила назначить день, когда могла бы прiѣхать. Свиданiе было назначено въ Домѣ Совѣта, вечеромъ того же дня.

— Ну, что, убѣдились въ томъ, что я былъ правъ, что мы несокрушимы? — встрѣтилъ меня комиссаръ. — Достаточно было мнѣ явиться на фронтъ, какъ все было кончено для бѣлыхъ. Зарвались и получили должное.

Памятуя свою миссiю, я сдержалась и отвѣтила:

— Слишкомъ не равны силы; у васъ въ рукахъ цѣлая Россiя, а у нихъ — кромѣ любви къ ней — ничего. Но, я прiѣхала къ вамъ не затѣмъ, чтобы разговаривать объ этомъ. Меня больше интересуетъ, можно ли уже приступать къ выпуску „Новыхъ Искръ" и потомъ, у меня еще къ вамъ и другая просьба. Я уже говори-

ла съ Ленинымъ, съ Лилиной и съ вами о „Коммунѣ будущаго“, теперь мнѣ необходимо было бы услышать еще мнѣніе объ этомъ товарища Зиновьева. Онъ — глава Коминтерна, и, вы понимаете, какъ важно мнѣ, для романа, знать его взгляды на это. Устройте мнѣ свиданіе съ нимъ.

— Относительно „Новыхъ Искръ“ положеніе остается безъ перемѣнъ, такъ какъ въ бумагѣ у насъ все еще нехватка, а добиться свиданія съ Зиновьевымъ не такъ то просто, какъ вы думаете.

— Но я добилась его даже съ Ленинымъ.

— Съ Ленинымъ это было легче, — улыбаясь сказалъ комиссаръ.

— Но если вы захотите... Употребите все ваше вліяніе... Если вы считаете меня способной на какое нибудь террористическое выступленіе, пусть меня обыщутъ передъ этимъ, — добавила я, вспомнивъ преддверіе встрѣчи въ Кремлѣ.

— Способной на это я васъ, конечно, считаю, можетъ быть даже больше, чѣмъ кого нибудь другого, — отвѣтилъ комиссаръ, — но не въ данномъ случаѣ. Ужъ очень глупо было бы это. Смерть Зиновьева не измѣнила бы ничего, какъ не измѣнило убійство такихъ незамѣнимыхъ членовъ партіи, какъ Володарскій и Урицкій. Я не могу устроить вамъ этого свиданія просто потому, что недостаточно вліятеленъ въ партіи. Меня цѣнятъ за прежнія заслуги, за агитаторскій талантъ, но въ вопросахъ настоящаго мы во многомъ расходимся. Кромѣ того меня считаютъ способнымъ поддаваться постороннимъ вліяніямъ.

— И дѣйствовать сообразно съ ними?.. Но вѣдь это измѣна, а вы говорили...

— И теперь повторю, — перебилъ комиссаръ, — что мы никогда не совершаемъ ничего идущаго въ разрѣзъ съ директивами партіи, но во взглядахъ на эти директивы, иногда расходимся. Лично относительно меня это приписываютъ постороннимъ вліяніямъ.

— А если бы вы стали дѣйствовать согласно этимъ

„вліяніямъ“ и, чтобы избѣгнуть партійной кары, бѣжали бы заграницу?

— Ну, въ такомъ случаѣ, не помогла бы никакая „заграница“. На свѣтѣ не нашлось бы щелки, гдѣ я могъ бы укрыться отъ расправы за измѣну, — какъ мнѣ показалось, съ горечью, отвѣтилъ комиссаръ.

— Но неужели вы такъ и не поможете мнѣ добиться интервью съ Зиновьевымъ? — вернулась я къ своей просьбѣ.

— Постарайтесь сдѣлать это сами. Ваше желаніе создавать что нибудь и при новомъ строѣ, знаніе того, что вы не состоите въ какой либо враждебной намъ организаціи, и искренность, съ которой вы порицаете нѣкоторыя наши дѣйствія, можетъ быть помогутъ вамъ и въ этомъ случаѣ. Вы вѣдь тоже, хотя и въ миніатюрѣ, флибустьеръ, — улыбаясь закончилъ комиссаръ.

— Благодарю васъ за лестное мнѣніе, но едва ли заслуживаю его, если не могу добиться отъ васъ такого пустяка, какъ свиданіе съ Зиновьевымъ.

— Лилина могла бы вамъ устроить это.

— Тогда напишите ей, пояснивъ въ письмѣ, что цѣль моего желанія исключительно профессіональная, и что я готова подвергнуться какимъ угодно обыскамъ, передъ этимъ свиданіемъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія, письмо было вручено мнѣ, и черезъ нѣсколько дней я входила съ нимъ въ кабинетъ комиссара „Соцобеза“.

Принята я была на этотъ разъ довольно сухо.

— Вы просили меня, во время наступленія этой бѣлой банды, включить вашъ телефонъ, но я не могла этого сдѣлать, — сказала Лилина: — этимъ распоряжался комендантъ, въ дѣйствія котораго мы не вмѣшивались.

— Товарищъ Ческисъ включилъ мой телефонъ, тогда, по просьбѣ рабочихъ.

Лилина посмтрѣла на меня съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

— Что же, вы читаете теперь тамъ литературные доклады?

— Пока устроила только нѣсколько литературныхъ вечеровъ современной поэзіи.

Когда Лилина закончила чтеніе письма комиссара, я, опасаясь получить отказъ, поторопилась воздѣйствовать на нее.

— Вѣдь такіе фантастическіе романы, какимъ является мой, „Коммуна Земной Міръ“, имѣютъ, обычно, громадный тиражъ, переводятся на всѣ языки, а если будутъ знать, что онъ построенъ согласно взглядамъ творцовъ коммунизма, — ему обезпечена міровая извѣстность. Товарищъ Ленинъ и комиссаръ печати его очень одобряютъ.

Разсчетъ мой оказался вѣрнымъ: падкимъ на агитацію товарищамъ должна была показаться заманчивой мысль агитировать устами „классоваго врага“, сдѣлать рекламу коммунизму въ формѣ болѣе пріемлемой, чѣмъ сухія агитаціонныя листовки.

-- Хорошо, я поговорю съ нимъ. Позвоните мнѣ завтра до десяти.

На другой день я получила разрѣшеніе явиться въ Домъ Совѣта, въ семь часовъ вечера.

XXIV

ИНТЕРВЬЮ СЪ ЗИНОВЬЕВЫМЪ

Повелитель III Интернаціонала принялъ меня въ присутствіи двухъ секретарей, въ одномъ изъ лучшихъ номеровъ Асторіи, служившемъ ему, повидимому, кабинетомъ.

— Только я предупреждаю, — началъ онъ разговоръ, — что времени у меня для васъ немного, поэтому спрашивайте сразу что вамъ нужно.

— Мой романъ называется...

— Я все это уже знаю, — перебилъ меня Зиновьевъ. — Вы прямо задавайте вопросы, а я буду на нихъ отвѣчать.

— Что требуется для скорѣйшаго превращенія міра въ коммуну?

— Убрать изъ него всѣхъ враговъ коммунизма, къ какому бы они классу ни принадлежали, и какими бы способами ни пришлось дѣйствовать для этого.

— „Убрать"... т. е. уничтожить? Но развѣ это осуществимо?

— Хе! Это казалось утопіей, пока Россія не была въ нашихъ рукахъ. Теперь это только вопросъ времени, тѣмъ болѣе, что всѣ капиталистическія правительства работаютъ за осуществленіе этой идеи.

— А сколько, приблизительно, времени понадобится на эту „уборку"?

— Не болѣе двадцати пяти — тридцати лѣтъ, при такомъ ходѣ вещей какъ сейчасъ.

— А вы не думаете, что населеніе Россіи, при такомъ длительномъ революціонномъ періодѣ и, неизбѣжно связанныхъ съ нимъ, недостаткахъ питанія и другихъ бѣдствіяхъ, выродится?

— А что намъ до этого? На смѣну ему придетъ другое. Наши задачи шире, мы заботимся не о населеніи Россіи, а обо всемъ человѣчествѣ. Четверть вѣка вполнѣ достаточно, чтобы очистить міръ отъ паразитовъ и воспитать его по новому.

— Чѣмъ будетъ отличаться это новое человѣчество отъ прежняго?

— Тѣмъ, что оно будетъ жить дѣйствительностью, а не обманами, создаваемыми его воображеніемъ.

— Будутъ ли вожди у новаго человѣчества?

— Безъ вожака стадо можетъ заблудиться.

— Но, вѣдь, новое человѣчество уже не будетъ безсмысленнымъ стадомъ.

— И разумныя существа, когда они собраны въ массу, могутъ пойти по ложному пути.

— Но можетъ ли быть воспринята идея коммунизма въ странахъ, гдѣ каждый крестьянинъ и рабочій является собственникомъ? Захотятъ ли эти мелкіе буржуа разстаться съ нажитымъ ихъ трудомъ имуществомъ?

— Скорѣе, чѣмъ кто другой, потому что мелкій собственникъ захочетъ стать крупнымъ. Мы же скажемъ ему сперва то, что говоримъ здѣсь, т. е.: „бери". Когда

же уже нечего будетъ брать, тогда мы ему прикажемъ: „отдай". А если не отдастъ, возьмемъ сами, потому что къ тому времени будемъ уже достаточно сильны.

— При новыхъ формахъ жизни будетъ ли существовать индивидуальность?

— Поскольку она не будетъ помѣхой общему.

— Какова будетъ въ грядущемъ идеальная коммуна?

— Ну, отвѣтить на это кратко — трудно. Въ общемъ всѣмъ будетъ хорошо, у всѣхъ будетъ все необходимое для удовлетворенія своихъ потребностей.

— Физическихъ или духовныхъ?

— Духъ — душа, — понятія буржуазнаго міра. Мы знаемъ только физическія потребности организма: мозговыя, нервныя, желудочныя и половыя.

— Вашъ взглядъ на женщину?

— Когда она является для насъ товарищемъ или средствомъ освѣжающимъ нашъ организмъ, она выполняетъ свое назначеніе, но если женщина стремится стать для мужчины воздухомъ, безъ котораго нѣтъ дыханія и жизни, ее слѣдуетъ убить, какъ ядовитую гадюку. Однако, — спохватился онъ, поглядѣвъ на часы, — у меня сегодня нѣтъ больше времени. Въ другой разъ, когда кончите вашъ романъ, я еще поговорю съ вами объ этомъ. Если онъ подойдетъ намъ, мы издадимъ его на всѣхъ языкахъ, — повторилъ онъ мою, видимо переданную ему Лилиной, фразу.

Воспользовавшись такой благосклонностью, я только что хотѣла заговорить о „Новыхъ Искрахъ", какъ Зиновьевъ, вставая, добавилъ:

— А пока, вмѣсто того, чтобы учить рабочихъ Экспедиціи писать стихи, да пичкать ихъ буржуазными сочинительствами, поступайте лучше въ агитшколу. Это будетъ полезнѣе и для васъ и для нихъ. Такіе журналы, какъ „Новыя Искры", только вредны для рабочихъ.

— А я только что собиралась просить у васъ разрѣшенія печатать ихъ на обрѣзкахъ бумаги, которые остаются въ Экспедиціи отъ другихъ работъ. Товарищъ Ленинъ хотѣлъ прислать для журнала статью, а комиссаръ печати очень одобрилъ мой планъ — помѣщать

наряду съ прежними буржуазными авторами и такихъ, какъ Морозовъ Шлиссельбуржецъ.

— А, слушайте вы его! Онъ вамъ наговоритъ, — игнорируя упоминаніе о Ленинѣ, махнулъ рукой Зиновьевъ на слова о комиссарѣ печати. — Ему все кажется возможнымъ сліяніе краснаго съ бѣлымъ. Ну, скажите вы, писательница, — уже шутливо добавилъ онъ, — что станется съ краснымъ виномъ, если его разбавить бѣлымъ?

— Для этого не нужно быть и писательницей, чтобы отвѣтить, что оно побѣлѣетъ, — отвѣтила я.

— Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что оно, не получивъ качествъ бѣлаго, утратитъ свойства краснаго, т. е. станетъ никчемнымъ.

Дня черезъ два я заѣхала къ комиссару печати, чтобы поблагодарить его за устройство свиданія съ Зиновьевымъ и просить и въ дальнѣйшемъ содѣйствовать моимъ дѣламъ.

Когда я передала ему о совѣтѣ Зиновьева поступить въ агитшколу, онъ сказалъ:

— Я бы никогда не посовѣтовалъ вамъ этого, до тѣхъ поръ, пока наше положеніе не укрѣпится окончательно. Въ случаѣ какого нибудь новаго бѣлаго бунта, вы пострадали бы въ первую голову.

Я поблагодарила комиссара за такую заботливость обо мнѣ и отвѣтила, что не собираюсь ни теперь, ни по „укрѣпленіи“ коммунизма исполнить его совѣтъ, ибо политическая дѣятельность меня не интересуетъ.

Въ теченіе этого времени, вѣроятно, въ связи съ моими частыми посѣщеніями представителей власти, у насъ участились и обыски, происходившіе обычно глухой ночью.

— Послушайте, — встрѣтила я, послѣ одного изъ нихъ, комиссара печати — мнѣ наскучили эти безконечныя нашествія на мою квартиру по ночамъ. Если они исходятъ отъ васъ, нельзя ли устраивать ихъ днемъ и присылать однихъ и тѣхъ же людей. Они могли бы подтвердить вамъ, что въ домѣ, въ промежуткахъ между ихъ визитами, не появилось ничего новаго. Вѣдь лише-

ніе сна, это — китайская казнь. Или вы примѣняете и ее къ вашимъ идейнымъ врагамъ?

— Вы должны не жаловаться, а благодарить насъ за такую заботу о вашей свободѣ, — отвѣтилъ улыбаясь комиссаръ. — Вѣдь вы обязаны ею именно тому, что мы знаемъ все, что вы дѣлаете, что собираетесь дѣлать и даже что думаете.

XXV

Я СТАНОВЛЮСЬ „НЕЗАМѢНИМЫМЪ РАБОТНИКОМЪ"

Явившись, однажды, въ Экспедицію, я была встрѣчена пріятной новостью.

— Ну, вы все жалуетесь, что скучаете безъ настоящаго дѣла, — сказалъ мнѣ предсѣдатель, — такъ я вамъ придумалъ его.

И онъ предложилъ мнѣ организовать при фабрикѣ литературную студію, взявъ на себя одновременно руководство, уже существовавшей тамъ, драматической.

— Теперь большая мода на это пошла, почти всѣ фабрики завели у себя, такъ не отставать же намъ, — сказалъ онъ.

— Значитъ, на „Новыхъ Искрахъ" мы ставимъ крестъ? — спросила я.

— Зачѣмъ? Будете занимать три мѣста.

— Но, вѣдь, совмѣстительство разрѣшается декретомъ только для „незамѣнимыхъ работниковъ".

Предсѣдатель засмѣялся.

— Но вы и есть для насъ „незамѣнимый", а кого считать такимъ, намъ подаютъ примѣръ наши вожди. Зиновьевъ — предсѣдатель Коминтерна и въ то же время Петроградскаго Совѣта; его „незамѣнимый" братъ — Александръ Аароновичъ Радомысльскій, кстати, до революціи служившій конторщикомъ бандажной мастерской Маркуса Закса — занимаетъ мѣста: завѣдывающаго Экспортъ-хлѣбомъ, петроградскими конторами Мясохладобойни и управляющаго конторой „Транспортъ-Треста". Другой братъ — завѣдуетъ транспортнымъ отдѣломъ

дворца Труда. Дядя состоитъ тамъ же распорядителемъ госстоловки. Братъ жены Александра Аароновича — Нанкинъ, состоитъ инспекторомъ „Транспорта“ и, наконецъ, родоначальникъ этой царствующей фамиліи — Ааронъ Марковичъ, — предсѣдатель правленія ремонтностроительной мастерской „Меліорація“ и, въ то же время, завѣдующій молочной фермой Бенуа.

Жена Зиновьева, Лилина, какъ вамъ извѣстно, комиссаръ Соцобеза, ея братъ — Илья Іоновъ — завѣдуетъ Госиздатомъ, другой — Левинъ, иностраннымъ отдѣломъ того же издательства, третій — комиссаръ печати и агитаціи. Вотъ вамъ и декреты, запрещающіе не только „совмѣстительство службъ“, но и устройство на теплыя мѣстечки родни. Декреты пишутся только для „пушечнаго мяса“ или для того, чтобы ловкіе люди обходили ихъ. Такъ неужели же мы глупѣе другихъ и не сумѣемъ сдѣлать этого.

— Но почему вы думаете, что это родственники Зиновьева? Можетъ быть, это и есть ихъ настоящія фамиліи, и они ему совсѣмъ чужіе люди?

— Мудрено не знать, когда Зиновьевъ, отправляя имъ какія нибудь бумаги, часто говоритъ: „отвезете брату“, или „передадите отцу“, а тѣ въ свою очередь называютъ его братомъ, сыномъ или племянникомъ. Это всѣмъ извѣстно. А что фамиліи разныя, такъ это мода у нихъ осталась еще отъ царскаго времени, когда они были нелегальными.

Въ результатѣ этого разговора, я стала получать тройное жалованье и, такъ называемый, „красноармейскій“ паекъ, выдаваемый весьма немногимъ отвѣтственнымъ работникамъ, въ рядахъ которыхъ числилась, какъ „работающая для рабочихъ“.

Организація студій и посѣщеніе балетной школы заполняли теперь все мое время и вынудили, временно, прервать хлопоты о бѣгствѣ.

Составъ преподавателей мнѣ удалось подобрать исключительно блестящій: извѣстные писатели и драматурги, среди которыхъ былъ режиссеръ Императорскаго Александринскаго театра Евтихій Карповъ и Гнѣдичъ.

По началу я присутствовала при занятіяхъ рѣдко, но, потомъ, по просьбѣ учениковъ, послѣ уроковъ, проводила съ ними въ бесѣдѣ цѣлые часы. Учащіеся, въ большинствѣ рабочая молодежь отъ станка, 16-18 лѣтъ, или служащіе канцелярій Экспедиціи, со среднимъ образованіемъ, больше интересовались этими разговорами, чѣмъ ученіемъ.

Однажды пришелъ ко мнѣ пожилой рабочій.

— Слышалъ я, — сказалъ онъ, — что у васъ тутъ интересные разговоры идутъ, поучиться чему можно и отдохнуть. Такъ вотъ и мнѣ, старику, захотѣлось куда молодежь. Задумалъ я поступить въ драматическую студію къ вамъ, коли не осудите. Старъ вѣдь я, пятьдесятъ три мнѣ и восемь человѣкъ дѣтей у меня; старшему сынишкѣ уже пятнадцатый пошелъ. Боюсь только не засмѣяли бъ люди.

Я его, конечно, ободрила, и онъ сталъ усердно посѣщать обѣ студіи. Но хотя учениковъ въ обѣихъ набралось много, учились они, по ихъ словамъ, „больше отъ скуки".

Привлекала и обстановка, гдѣ происходили занятія. Уютный залъ, фойе, при театрѣ, съ центральнымъ отопленіемъ и яркимъ освѣщеніемъ, — блага, которыхъ не имѣлъ тогда никто, кромѣ комиссаровъ.

Одновременно, чтобы пріохотить учениковъ къ литературѣ и дать хотя небольшой заработокъ своимъ коллегамъ, я стала, ежемѣсячно, устраивать въ театрѣ Экспедиціи литературные вечера.

Первый такой вечеръ состоялся 11 октября 20-го года.

Вопреки существовавшему тогда, въ Петроградѣ, обычаю, выступать передъ рабочими въ пролетарскихъ одеждахъ, я, и большинство участвовавшихъ, уговорились одѣться какъ въ былое время.

Читали свои произведенія Гнѣдичъ, Карповъ, Ремизовъ, Гумилевъ и многіе другіе извѣстные писатели.

Но широковѣщательные анонсы не заполнили театра Экспедиціи и наполовину, а мои ученики и ученицы откровенно сознались, что явились не изъ интереса къ вечеру, а изъ желанія сдѣлать мнѣ пріятное.

— Почему же? Вѣдь вы такъ охотно посѣщаете спектакли?

— Театръ совсѣмъ дѣло иное, тамъ мы все понимаемъ, отдохнемъ, а стихи слушаешь, дуракъ дуракомъ, ни въ зубъ ничего, — отвѣчали они.

Однако „изъ вѣжливости", рабочіе принимали всѣхъ исполнителей сочувственно и только цитра, на которой Приваловъ*), такъ неподражаемо, исполнялъ русскія и итальянскія пѣсни, не была понята, вызвала въ публикѣ смѣхъ и желаніе, утрированно шумными аплодисментами, во время исполненія, заглушить нѣжный звукъ инструмента.

Приваловъ, принявъ аплодисменты за одобреніе, по окончаніи пьесы, приступилъ къ исполненію другой, послѣ чего, для ликвидаціи шума, понадобилось уже вмѣшательство распорядителей.

„Что жъ, надъ нами смѣются, что ли? — сказала, сидѣвшая рядомъ со мной, видимо недавно прибывшая изъ деревни, баба. — Онъ, можетъ, музыкантъ и ладный, а струментъ ему дали неподходящій — тренькаетъ, будто комаръ пищитъ. Ежели на фортепьянахъ не умѣетъ, гармошку ему въ самый разъ бы подошло".

По окончаніи программы, всѣ исполнители направились ко мнѣ ужинать и розошлись, какъ обычно, лишь въ восемь часовъ утра.

Такіе вечера, собиравшіе цвѣтъ петроградской литературы и науки, извѣстныхъ художниковъ и артистовъ, я устраивала у себя съ этого года уже до самаго выѣзда изъ Россіи. Нѣкоторые приглашенные приходили прямо съ общественныхъ работъ, въ валенкахъ и толстовкахъ, съ выступившей кровью на распухшихъ, непривычныхъ къ физическому труду, рукахъ и направлялись въ ванную, чтобы привести себя въ порядокъ. Не успѣвшіе еще „проѣсть" смокинги и крахмальные воротнички, появлялись, какъ и встарь, прилично одѣтыми, большинство дамъ — въ вечернихъ туалетахъ.

*) Извѣстный виртуозъ, не однажды игравшій при Государѣ.

За невозможностью достать табакъ, курили махорку, или, кому удавалось роздобыть, какъ деликатессъ, ужасныя папиросы „Флотскія".

И все же, озаренныя огнями духа, безконечныя сѣверныя ночи пролетали какъ мгновеніе, заставляя забывать, что на утро большинство собравшихся снова ждалъ непосильный трудъ и жадная погоня за полуфунтомъ хлѣба, керосина или сушоной воблой; что ни одинъ изъ присутствовавшихъ не гарантированъ отъ ареста или разстрѣла, какъ это было впослѣдствіи съ Гумилевымъ и нѣкоторыми профессорами.

А чѣмъ являлись эти собранія для посѣщавшихъ ихъ, теперь, когда всѣ, въ СССР, должны казаться такими, какъ имъ приказываетъ власть, — лучше всего скажутъ, занесенные въ мой альбомъ, экспромты профессора Юрія Верховскаго и поэта Всеволода Рождественскаго.

Юрій Верховскій):*

Гдѣ, изволеніемъ Зевеса,
Я быть могу собой самимъ,
Мнѣ такъ отрадно, баронесса,
Вамъ отвѣчать стихомъ моимъ
На слово милаго привѣта,
Какимъ почтили вы меня
И удержали до разсвѣта
Въ сіяньи вашего огня.

Всеволодъ Рождественскій:

Іюльскій дождь въ сосновой рощѣ
Мои стихи, пишу — для васъ,
И хочется, какъ можно проще,
Отмѣтить этотъ свѣтлый часъ:
Спасибо!

---

*) И сейчасъ состоитъ профессоромъ петроградскаго университета.

XXVI
ЛОВУШКА ИЛИ ЗАГОВОРЪ?

Въ теченіе зимы 20-го и 21-го г. г. культурно-просвѣтительный Отдѣлъ сталъ настоящимъ клубомъ, гдѣ собирались поболтать помимо „сахариновыхъ“ коммунистовъ, артисты фабричнаго театра и я, передъ началомъ уроковъ, съ моими лекторами.

За послѣднее время сталъ часто навѣщать Отдѣлъ и завѣдывавшій гаражемъ Экспедиціи, бывшій бѣлый офицеръ N. Обычно онъ подсаживался ко мнѣ, внимательно прислушивался къ „политическимъ“ разговорамъ, но самъ никогда не принималъ въ нихъ участія.

Однажды, явившись въ Отдѣлъ, я разсказала при немъ о разстрѣлѣ, якобы уличеннаго „въ сношеніяхъ съ англичанами“, знакомаго моряка К. жившаго въ одномъ домѣ со мной.

Всѣ отнеслись къ моему разсказу очень сочувственно, и лишь одинъ только N. промолчалъ.

— Знаете, — сказала я остальнымъ, когда онъ вышелъ изъ комнаты, — этотъ вашъ „завгаражъ“ мнѣ подозрителенъ. Онъ слушаетъ, но никогда не высказываетъ своего мнѣнія или возмущенія дѣйствіями большевиковъ. Замѣтили вы это? Не чекистъ ли онъ?

Надо мной посмѣялись, что „у страха глаза велики“, но я все же стала осторожнѣе въ присутствіи N.

Случилось какъ то, что мнѣ понадобилось ѣхать по дѣламъ студіи къ Гнѣдичу, но такъ какъ я не заявила объ этомъ, какъ полагалось, наканунѣ — всѣ автомобили и лошади были уже въ разгонѣ.

— Я васъ подвезу, — сказалъ присутствовавшій при переговорахъ объ этомъ N. — Я сейчасъ ѣду въ автогужъ.

Мы направились къ автомобилю, но, когда я хотѣла войти въ него, N. сказалъ:

— Если вамъ безразлично гдѣ сидѣть, прошу васъ занять мѣсто рядомъ со мной.

Очень удивленная, я согласилась и, вспомнивъ свои подозрѣнія, подумала:

„Навѣрно выпытывать что нибудь будетъ“.

Дѣйствительно, не успѣли мы выѣхать изъ воротъ фабрики, какъ, сильно замедливъ ходъ, N. спросилъ:

— Довольны вы своей службой въ Экспедиціи?

— Еще бы! Что бы со мной было, когда бы не эта служба.

— Главное пріятно, что вы имѣете такое вліяніе на рабочихъ, сумѣли завоевать ихъ симпатіи...

— Да, это пріятно.

„Чего онъ добивается“? — мелькнула у меня снова мысль. — Къ чему это предисловіе о „вліяніи“?

— Вотъ что, — сказалъ вдругъ N., — я вижу, что вы до сихъ поръ не догадываетесь, что я одинъ изъ вашихъ единомышленниковъ...

Я вопросительно взглянула на него.

— Что я такъ же ненавижу эту власть, какъ и вы...

— Но почему вы заговорили объ этомъ?

— Потому, что хочу привлечь васъ къ одному дѣлу... Дѣлу, въ которомъ принимаютъ участіе, уже и сейчасъ, лучшіе люди Россіи, многіе профессора, нѣкоторые изъ писателей. Если это удастся, — а мы убѣждены, что не можетъ не удасться — Россія спасена. Я давно приглядывался къ вамъ, прислушивался къ вашимъ рѣчамъ, а потомъ говорилъ о васъ съ участниками нашего дѣла, и мы рѣшили, что ваше участіе въ немъ можетъ способствовать успѣху, такъ какъ вы энтузіастка и имѣете большое вліяніе на рабочую молодежь Экспедиціи.

— Я не понимаю васъ. Какое дѣло, и при чемъ здѣсь мое вліяніе на рабочихъ?

— Если вы, принципіально, согласны принять участіе въ сверженіи большевицкой власти, я сейчасъ отвезу васъ туда, гдѣ вы узнаете всѣ детали нашего плана.

Теперь я уже не сомнѣвалась, что меня „испытываетъ“ чекистъ.

— Вы хотите сказать, что какая то группа устраиваетъ заговоръ противъ власти, и желаете вовлечь въ эту авантюру и меня? Но я, разъ навсегда, дала себѣ

обѣщаніе не принимать участія ни въ какихъ подпольныхъ выступленіяхъ, ибо знаю, что, если они не увѣнчаются успѣхомъ, за нихъ расплачусь жизнью не только я, но и тысячи ни въ чемъ неповинныхъ людей, какъ это было послѣ убійства Урицкаго, — рѣзко отвѣтила я, довольная, что чекистъ проигралъ игру.

N. посмотрѣлъ на меня внимательнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ и, не сказавъ больше ничего, далъ машинѣ полный ходъ.

Остановившись у подъѣзда, онъ обратился ко мнѣ:

— Я думаю, васъ не надо просить не передавать никому сказаннаго мной. Вы понимаете, чѣмъ грозило бы намъ это.

Тонъ былъ такъ искрененъ, что, на мгновеніе, меня охватило даже сомнѣніе, не ошиблась ли я, принявъ его за провокатора.

Но время было такое, что излишняя осторожность не могла привести къ послѣдствіямъ, возникающимъ изъ довѣрчивости, и я ограничилась тѣмъ, что, продолжая сомнѣваться въ N., просьбу его все же исполнила.

XXVII

„НЕ ЖЕЛАЕМЪ ЖИТЬ УТРОБОЮ"

Приближалась весна, какъ всегда несущая слухи о новыхъ выступленіяхъ, о возможности забастовокъ и т. д.

На одномъ изъ литературныхъ ужиновъ разговоръ зашелъ о появившейся, въ совѣтской газетѣ, замѣткѣ, поучающей, что „человѣкъ — животное и долженъ жить, сообразуясь съ этимъ, естественной для него жизнью".

Какъ всегда, злободневная тема увлекла.

— Если бы власть, трансформируя населеніе Россіи въ этомъ направленіи, была хотя послѣдовательной, она должна была бы питаться, какъ и мы, — картофельной шелухой. Однако, Зиновьевъ, подавая яркій примѣръ

животной жизни, имѣетъ четырехъ поваровъ и, по виду, напоминаетъ хорошо откормленную барскую Мимишку, — сказалъ, присутствовавшій на вечерѣ, морской врачъ*).

Онъ уже прошелъ весь „малый совѣтскій стажъ", т. є. не однажды сидѣлъ въ тюрьмахъ, и шутилъ, что подготовляется къ „большому" — къ разстрѣлу.

Указавъ на стоявшій на столѣ плакатъ**), я предложила, въ опроверженіе совѣтскаго мнѣнія о человѣкѣ, считать каждаго творца въ области науки или искусства, воплощающимъ частицу божества, высшимъ существомъ.

— А наши собранія, въ опроверженіе большевицкаго мнѣнія, называть „вечерами боговъ", — посовѣтовали, смѣясь, другіе.

На эту тему стали писать шуточное коллективное стихотвореніе.

С. Аничкова:

Мы — боги, намъ доступно то,
Что жалкимъ смертнымъ недоступно,
И что понятно въ божествѣ,
То въ смертномъ — можетъ быть преступно.
Пусть наши чувства стѣснены
Земною, бренной оболочкой...

В. Пястъ:

Мы, по желанью, до луны
Достигнуть можемъ звучной строчкой.

Н. Гумилевъ:

И пусть грозятъ намъ смерть и червь,
И пусть минутны дни блаженства, —

*) Объ излишествахъ жизни главы Коминтерна было извѣстно всѣмъ.

**) Чтобы избѣжать на вечерахъ обычно возникающихъ при встрѣчахъ разговоровъ о политикѣ и пайкахъ, на столъ ставилась карточка съ просьбой не упоминать объ этомъ.

В.:

Достигъ я, ставъ какъ дикій звѣрь,
Въ глазахъ коммуны совершенства.

Н.:

И далъ РФСР урокъ
„Всѣмъ, всѣмъ“ грабителямъ Европы —

Р.:

Что, съѣвъ голодный свой паекъ,
Воруетъ „богъ“, какъ всѣ холопы.

Такъ какъ коллективное стихотвореніе снова заговорило о наболѣвшихъ вопросахъ, я предложила писать, на эту же тему, индивидуальныя.

М-ій:

Что жъ, и я, старикъ, попробую:
Богъ, такъ богъ, — куда ни шло!
Не желаю жить утробою,
Хоть бы вовсе подвело.
Позабуду жизнь постылую,
Осовѣченную Русь,
Профсобогъ зарегистрирую,
И въ нирвану погружусь*).

З.:

Не говорите „боги“ о богахъ
Затѣмъ, что боги въ ССР въ опалѣ,
И нынче лишь о красныхъ „совчертяхъ“
Гласятъ исторіи безстрастныя скрижали.
Кишитъ кровавыми бѣсами вся страна
„Отъ финскихъ странъ до пламенной Колхиды“,
Но близокъ часъ, и дерзкій сатана
Познаетъ мечъ тяжелый Немезиды.
Не говорите боги о богахъ,
Они теперь въ СССР не въ модѣ,
Кричите міру больше о чертяхъ,
Что выжечь духъ хотятъ въ живомъ народѣ.

---

*) Передъ этимъ разговоръ шелъ о буддизмѣ и о разгромленномъ въ Петроградѣ буддійскомъ храмѣ, гдѣ красноармейцы, въ поискахъ драгоцѣнностей, разбили идоловъ.

— Нѣтъ, — сказала я послѣ чтенія экспромтовъ, — повидимому за злободневныя темы придется налагать на авторовъ штрафъ.

Одинъ изъ поэтовъ отвѣтилъ на это:

Было бы жестоко, баронесса,
Обрывать изъ устъ летящій стонъ;
У „боговъ" должна быть вольной пресса,
Ибо духъ не долженъ знать препонъ.

XXVIII
„ПОДЪ ГИПНОЗОМЪ"

Когда въ Петроградъ долетѣли первыя вѣсти о возставшемъ Кронштадтѣ, и отъ орудійнаго залпа броненосца „Петропавловскъ" содрогнулись зданія, когда, въ знакъ солидарности съ возставшими, забастовали и петроградскіе рабочіе, — въ городѣ не оставалось уже ни одного человѣка, сомнѣвавшагося въ успѣшности возстанія.

Коммунисты на этотъ разъ совсѣмъ потеряли головы.

Мнѣ разсказывалъ состоявшій при штабѣ петроградскаго округа, знакомый врачъ, о царившей тамъ въ тѣ дни, паникѣ.

„Бѣгаютъ, какъ помѣшанные, не зная, что предпринять, и шопоткомъ спрашиваютъ другъ у друга куда скрыться".

Жизнь остановилась. Каждую минуту ждали обстрѣла города орудіями, что, вопреки логикѣ, вызывало у населенія не страхъ, а радость.

Передъ газетчиками, обычно уныло и одиноко стоявшими на углахъ улицъ съ „революціонными" изданіями, теперь выстраивались безконечныя очереди ожидавшихъ вѣстей объ освобожденіи или имѣвшихъ основанія желать своевременнаго бѣгства изъ Петрограда.

Забастовала также Экспедиція и, во избѣжаніе порчи машинъ злоумышленниками, у воротъ ея были поставлены часовые, не пропускавшіе на фабрику постороннихъ.

Въ моихъ студіяхъ занятія также пріостановились, потому что собираться группами, даже въ нѣсколько человѣкъ, было, какъ и всюду, запрещено. Приходя въ Отдѣлъ, я подзывала къ себѣ, по очереди, моихъ учениковъ, дѣлившихся со мной впечатлѣніями и новостями.

Удивляло меня, что въ этотъ разъ здѣсь не было того подъема, который наблюдался во время наступленія Юденича. Ученики пояснили мнѣ причину.

„Разбаловались мы. Теперь, вотъ по студіямъ болтаемся да съ вами пріятные разговоры разговариваемъ, а другая власть, можетъ, работать заставитъ по настоящему; трудно будетъ, да и неохота уже".

Даже ненавидѣвшіе и проклинавшіе большевиковъ рабочіе говорили:

„Человѣкъ и къ тюрьмѣ привыкаетъ, а насъ за эти годы такъ замытарили, сперва царской войной, потомъ гражданскими, а сейчасъ голодомъ, очередями, да разными тамъ собраніями и засѣданіями, что только о покоѣ и думаешь. Да и еще покуда новая власть установится, при старой либо въ тюрьмѣ сгніешь либо къ стѣнкѣ угодишь, а если и вывернешься какимъ чудомъ, бѣлые не простятъ, что при коммунистахъ работалъ".

И большевики ловко пользовались этимъ опасеніемъ репрессій, со стороны бѣлыхъ, и этой апатіей „замытаренныхъ" людей для своей агитаціи — внушенія.

Послѣднее необычайно ярко сказалось на психикѣ рабочихъ одной изъ крупнѣйшихъ фабрикъ Петрограда, гдѣ забастовщики были особенно злобно настроены противъ коммунистовъ и собирались „гнать", направленныхъ къ нимъ, какъ и на другіе заводы, агитаторовъ.

Но агитировать здѣсь явился „самъ" Зиновьевъ, со своими приближенными. Ничуть не смутившись встрѣтившими его свистками и злобными выкриками: — „Довольно голода"... „Столько время мучаемся"... и т. п., онъ, не покидая автомобиля, сталъ убѣждать „не отдавать завоеванныхъ революціей свободъ", говорить о близости всемірной революціи, которая „разомъ сдѣлаетъ жизнь пролетаріата богатой и счастливой", о ре-

прессіяхъ, которымъ подвергнутся рабочіе въ случаѣ побѣды возставшихъ.

Не прошло и получаса, какъ враждебные возгласы утихли, а по окончаніи рѣчи раздалось дружное пѣніе интернаціонала, и Зиновьеву было дано обѣщаніе немедленно стать на работы.

Если бы случайно мнѣ не пришлось присутствовать при этомъ лично*), я никогда бы не повѣрила, что не подтверждаемыя фактами слова могутъ произвести на толпу такое магическое дѣйствіе.

Интересно мнѣніе объ этомъ извѣстнаго псхіатра, профессора Бехтерева**), которому я разсказала о поразившей меня сценѣ.

„Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, это типичный массовый гипнозъ, — отвѣтилъ онъ. — Нынѣшняя власть пользуется для своихъ цѣлей внушеніемъ, конечно, безсознательно, но очень широко, и, какъ и можно было ожидать, съ научной точки зрѣнія, успѣшно. Вѣдь даже Ленинъ, не подозрѣвая, что говоритъ о внушеніи, сказалъ:

„Намъ нужна могучая красная армія, хотя *наше главное орудіе — слово*“.

И онъ правъ: мозгъ каждаго изъ насъ — чувствительная пластинка, и чѣмъ онъ темнѣе, чѣмъ меньше воспринятое имъ регулируется сознаніемъ и моралью, тѣмъ глубже запечатлѣвается въ немъ все ему желательное. Коммунистическія агитъ-школы слѣдовало бы называть институтами внушенія“.

Мнѣніе это блестяще подтвердили и другіе петроградскіе рабочіе, вскорѣ послѣ посѣщенія заводовъ агитаторами, прекратившіе забастовку.

Жившій, въ эти дни, не столько газетными, проходившими большевицкую цензуру, извѣстіями, какъ пере-

---

*) Въ этотъ день я была на этой фабрикѣ у знакомыхъ и съ ними вышла послушать рѣчь Зиновьева.

**) Онъ зналъ меня съ дѣтства и, впослѣдствіи, примкнувъ къ коммунистамъ и пользуясь у нихъ большимъ престижемъ, содѣйствовалъ нашему выѣзду изъ Россіи „на мѣсяцъ для леченія въ курортахъ Чехословакіи“.

дававшимися изъ устъ въ уста слухами, Петроградъ ликовалъ, при вѣсти:

„Красноармейцы не хотятъ итти на Кронштадтъ, потому что у нихъ рваные сапоги“.

„Для Зиновьева, на случай бѣгства, день и ночь дежуритъ аэропланъ“.

И вдругъ слухи эти, съ каждой минутой становившіеся для коммунистовъ все грознѣе и грознѣй, точно по волшебству, измѣнились.

„Черниговскіе холодильники въ Петроградѣ опустошены для красной арміи, которую сейчасъ угощаютъ гусями, осетриной, икрой и т. п. деликатесами“, — разсказывалъ мнѣ служившій тамъ инженеръ.

„Красная армія идетъ на Кронштадтъ, имѣя позади себя, на случай перемѣны ея настроеній, пулеметы“.

Я не стану говорить о дальнѣйшемъ ходѣ и концѣ, уже описанной многими, кронштадтской трагедіи, подчеркну лишь, что, за все время существованія большевицкой власти, это возстаніе, по мнѣнію лицъ хорошо знакомыхъ со средствами и обстановкой борющихся сторонъ, являлось наиболѣе опаснымъ для коммунистовъ.

Предательство ставшихъ на работы петроградскихъ рабочихъ, нарушившихъ данное кронштадцамъ обѣщаніе поддержать ихъ забастовкой до побѣднаго конца, снова обрекло на разстрѣлы и пытки тысячи людей.

Вопреки ожиданіямъ самой власти — какъ говорилъ мнѣ объ этомъ позже комиссаръ печати — возстаніе было ликвидировано, и теперь даже неисправимые оптимисты, переставъ вѣрить въ возможность ея сверженія, стали приспособляться къ окружающему, полагая, что это дастъ имъ возможность устроиться прочнѣй.

XXIX

„СУДЬБА“

Лѣтомъ, послѣ ликвидаціи кронштадтскаго мятежа жизнь, наружно, стала еще больше походить на „мирную“ (какъ говорятъ рабочіе о дореволюціонной).

Продолжавшіеся аресты и разстрѣлы, все учащавшіеся грабежи и убійства, стали явленіемъ столь обыденнымъ, что къ возможности, въ любой моментъ, стать ихъ жертвой привыкли, какъ привыкаютъ къ опасности поселившіеся у подножія вулкана.

Жизнь, обратившаяся въ вѣчную войну, со всѣми ея невзгодами и ужасами, заставляла однихъ черпать силы для борьбы въ забвеніи низменного порядка, другихъ — въ проявленіяхъ духа, въ шуткѣ надъ своимъ же истомленнымъ, замученнымъ, тѣломъ и злобами дня, хотя притупленные безконечными бѣдствіями нервы уже не реагировали на окружающее, такъ остро, какъ поначалу. Но примириться съ творящимся вокругъ, большинство все же не могло, и количество желающихъ покинуть, въ эти дни, СССР было коллоссально.

Эстонское, Литовское и Латвійское консульства, гдѣ одно время было легко получить подданство, осаждались имѣющими на это хотя какія нибудь права; помѣщенія не вмѣщали просителей, подававшихъ заявленія объ этомъ, и очереди ожидавшихъ тянулись изъ подъѣздовъ по улицамъ безконечной лентой.

Свои каникулы въ этомъ году я также посвятила поискамъ возможности легально покинуть Россію.

Но въ то время, когда я стала хлопотать о перемѣнѣ подданства, наплывъ оптантовъ вынудилъ Эстонію ограничить его требованіемъ удостовѣренія о рожденіи на ея территоріи или пребываніи тамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до революціи — препятствія, преодолѣть которыя я не могла.

Въ Латвійскомъ консульствѣ мнѣ предложили предъявить документы, находящіеся въ рижскихъ архивахъ, что также являлось невозможнымъ.

Пришлось снова ждать, хотя мнѣ и совѣтовали воспользоваться распространеннымъ, въ тѣ дни, способомъ бѣгства — фиктивнымъ гражданскимъ бракомъ съ иностранцемъ — союзъ, который, для православныхъ, по переѣздѣ границы, являлся, конечно, недѣйствительнымъ.

Я не хотѣла уѣзжать безъ мужа, и „бракъ“, съ рекомендованнымъ намъ эстонцемъ, не состоялся.

Въ концѣ лѣта, я рѣшила устроить литературный вечеръ и тогда только вспомнила, что Гумилевъ, при послѣдней встрѣчѣ, очень таинственно, просилъ меня удѣлить ему время для свиданія „наединѣ по важному дѣлу“. Я обѣщала позвонить, какъ только выберется свободная минута, но, не предполагая, чтобы „дѣло“ было дѣйствительно „важнымъ“, скоро забыла о просьбѣ. Теперь, чувствуя себя виноватой, я телефонировала ему, просила простить мою забывчивость и вновь принять участіе въ предстоящемъ вечерѣ.

— Пусть васъ не безпокоитъ это, — отвѣтилъ Гумилевъ, — я ничуть не обидѣлся и всегда съ удовольствіемъ буду выступать тамъ, гдѣ вы, но — не сейчасъ. Вы вспомнили обо мнѣ слишкомъ поздно... Можетъ быть, впрочемъ, это судьба... Во всякомъ случаѣ, не сердитесь, что въ этотъ разъ не исполню вашего желанія, и не телефонируйте мнѣ... пока. Я позвоню вамъ скоро самъ. До лучшаго будущаго.

„Повидимому, обидѣлся серьезно“ — подумала я, объяснивъ даже безсвязность его рѣчи этой обиженностью, и въ свою очередь покоробленная просьбой „не телефонировать“.

Но, нѣсколько дней спустя, Петроградъ облетѣла вѣсть, что Гумилевъ арестованъ вмѣстѣ съ другими участниками таганцевскаго заговора, а еще черезъ нѣкоторое время, что онъ, такъ же какъ и они, разстрѣлянъ.

И тогда только у меня впервые мелькнула мысль, что, можетъ быть, Гумилевъ, зная мой престижъ на фабрикѣ, хотѣлъ, чтобы и я приняла участіе въ „важномъ дѣлѣ“, т. е. въ заговорѣ. Но почему, въ такомъ случаѣ, въ моментъ нашего послѣдняго разговора, это было уже „поздно“?..

Разсказывая объ этомъ въ Отдѣлѣ, я между прочимъ, высказала убѣжденіе, что Гумилевъ явился жертвой предательства провокатора, изъ окружавшей его среды. Вспомнивъ при этомъ также свои подозрѣнія относительно „завгаража“ N. я поинтересовалась, почему его послѣднее время не видно въ Отдѣлѣ.

— Развѣ вы не знаете еще?.. Ваши догадки, что онъ не тотъ, чѣмъ казался, оправдались, только, такъ сказать, въ обратную сторону. Онъ и, — мнѣ назвали еще нѣсколькихъ, бывавшихъ въ Отдѣлѣ лицъ, — разстрѣляны по тому же дѣлу*).

Мнѣ стало мучительно стыдно за свою, уже непоправимую, ошибку, и я подумала, что „судьба", о которой упоминалъ Гумилевъ, отнеслась ко мнѣ милостиво и на этотъ разъ, ибо, позвони я ему своевременно, все могло бы закончиться иначе и для меня.

XXX
ЗА ТРИ ФУНТА ХЛѢБА

Съ 22-го года, я впервые начала устраивать вечера не только въ Экспедиціи, но и на другихъ фабрикахъ и заводахъ, одновременно продолжая читать литературныя лекціи въ красноармейскихъ клубахъ.

Зная уже по опыту, что одной литературой пролетарскую публику не привлечь, я стала включать въ программу танцы и пѣніе, приглашая выступать знакомыхъ балетныхъ и оперныхъ знаменитостей и... появляясь на эстрадахъ сама, уже не только съ чтеніемъ своихъ стиховъ, но и въ качествѣ исполнительницы характерныхъ и легкихъ, классическихъ, танцевъ.

Какъ я уже говорила, большинство извѣстнѣйшихъ артистовъ охотно принимало предложеніе выступать даже за три фунта чернаго хлѣба.

Но особенно радовала возможность его полученія все больше и больше голодавшихъ писателей. Даже, сравнительно обезпеченные продуктами Гнѣдичъ и Карповъ, не взирая на свой преклонный возрастъ, охотно принимали ангажементы за такое вознагражденіе.

Памятно мнѣ одно изъ нашихъ выступленій (въ 25-омъ году) на коммунальной мельницѣ, въ Петрогра-

*) N. долженъ былъ, въ назначенный для возстанія часъ, подать заговорщикамъ фабричные автомобили.

дѣ, гдѣ, помимо поэтовъ, я пригласила участвовать и мою учительницу балерину Н.

Былъ 26-ти градусный морозъ. Въ неприспособленномъ для подобныхъ вечеровъ помѣщеніи не было уборныхъ для артистовъ, и намъ пришлось переодѣваться въ трико и газъ, на какомъ то чердакѣ, при нѣсколькихъ градусахъ ниже нуля.

Полузамерзшая Н. утѣшала меня тѣмъ, что теперь всѣмъ артистамъ приходится мириться съ подобными условіями и что разгоряченныя танцами балетныя зачастую расплачиваются потомъ тяжкими болѣзнями.

Возвращались съ мельницы на предложенныхъ администрацiей дровняхъ.

Приблизительно такія же условія выступленій были и на другихъ заводахъ, съ тою только разницей, что оттуда насъ развозили по домамъ, обычно, на грузовикахъ.

Однажды группа врачей предложила мнѣ устроить вечеръ въ пользу петроградскихъ диспансеровъ, на Путиловскомъ заводѣ, рабочіе котораго, какъ извѣстно, считались авангардомъ революціи и славились непримиримой ненавистью къ „буржуямъ".

Это очень затруднило мнѣ выборъ репертуара, но, въ концѣ концовъ, я рѣшила оставить его въ прежнемъ видѣ.

Я выступила съ моими стихами, темой которыхъ являлась легенда, что Петроградъ не можетъ стать добычей врага, пока въ немъ находится статуя Петра Великаго (Фальконета).

Когда, закончивъ чтеніе, я пояснила это, кто то изъ публики заднихъ рядовъ крикнулъ:

— „Врагъ и не взялъ, а жидъ заползъ да источилъ".

Всѣ обернулись, но былъ ли обнаруженъ сказавшій это, мнѣ узнать не удалось.

Выступленія въ провинціи и въ деревняхъ сопровождались такими колоссальными неудобствами въ передвиженіяхъ, а зимой, изъ за отсутствія топлива, и рискомъ простуды, что, невзирая на возможность полученія тамъ множества характерныхъ, для переживаема-

го времени, пѣсенокъ, частушекъ, а иногда даже безграмотныхъ, но остроумныхъ, народныхъ поэмъ, я вынуждена была скоро прекратить эти поѣздки.

Выступая въ одну изъ нихъ, въ деревенской школѣ, подъ Псковомъ, мы ограничились чтеніемъ отрывковъ изъ произведеній классиковъ, ихъ біографіями и самыми примитивными изъ своихъ стиховъ.

Заполнившіе все школьное помѣщеніе крестьяне, среди которыхъ преобладала молодежь, слушали насъ внимательно, но судить объ ихъ истинномъ отношеніи къ слышанному было трудно. Аплодисменты казались имъ, вѣроятно, недостаточно серьезными для литературы, потому что ихъ не было, и только разъ, послѣ чтенія юмористическаго монолога, какой то парень крикнулъ: „Здорово! Валяй еще такой стихъ".

По окончаніи программы и знакомства съ вмѣшавшимися въ толпу исполнителями, стало непринужденнѣе, и мнѣ, послѣ разговоровъ, повидимому внушившихъ къ намъ довѣріе, удалось записать нѣсколько злободневныхъ, ходившихъ по деревнѣ, стишковъ.

Какъ у прежнихъ господъ подъ кожухомъ
Было полнымъ полнешенько брюхо;
А у насъ то, не то что кожуха —
Не осталось и самаго брюха.

—

Ой Рассея, ой Рассея,
Маменька родима,
Стала мачехою дѣтямъ,
Повелась съ чужима.

Плачутъ дѣтки, слезно просятъ
Хлѣбушка да воли —
Мамка стала коммунисткой
Насъ не слышитъ болѣ.

—

Намъ режима нонѣшняя
Очренно по сердцу:
Насыпали коммунисты
Подъ хвосты намъ перцу.

XXXI
СРЕДИ КРАСНОАРМЕЙЦЕВЪ

Съ чтеніемъ, въ красноармейскихъ клубахъ, рефератовъ на литературныя и популярно-научныя темы выступали только тѣ изъ насъ, кто имѣлъ знакомства среди военныхъ, бывшихъ офицеровъ царской арміи или коммунистовъ.

Но проникнуть непартійнымъ въ военные клубы, даже такимъ путемъ, а тѣмъ болѣе вести послѣ чтенія разговоры со слушателями, можно было, приблизительно, только до 24-го года, — пока власть не укрѣпилась настолько, что перестала считаться не только съ интеллигенціей, но и съ желаніями народа.

Съ этого времени армія стала еще тщательнѣе, чѣмъ доселѣ, оберегаться отъ постороннихъ вліяній, и подойти къ ней близко, въ ея казарменномъ быту, стало возможно только коммунистамъ, да и то „провѣреннымъ".

Такъ какъ у меня еще оставались былыя связи въ штабѣ, и особенно въ морскихъ учрежденіяхъ, близкихъ мнѣ не только по профессіи мужа, но и потому, что, до революціи, я состояла „поставщицей на флотъ портретовъ Высочайшихъ Особъ", мнѣ, до указаннаго времени, удавалось это легко. Позже стало невозможнымъ и для меня, хотя къ этому времени я имѣла уже новыя знакомства среди коммунистическихъ военныхъ круговъ какъ команднаго состава, такъ и рядовыхъ членовъ арміи, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться у знакомыхъ, главнымъ образомъ, въ артистическомъ мірѣ и среди рабочихъ.

Впечатлѣнія, вынесенныя мной изъ этихъ встрѣчъ, разговоровъ и нѣкоторыхъ фактовъ, сводились къ тому, что красноармейцы хорошо дисциплинированы; что оставшіеся отъ прежняго времени, даже революціонно настроенные, солдаты, въ случаѣ возстанія противъ власти или войны, — ненадежны, а молодежь, напротивъ, въ коммунистическомъ смыслѣ, идейна, и что армія въ СССР, болѣе, чѣмъ кто либо, является узницей.

Читаемые мной въ военныхъ клубахъ рефераты на

литературныя темы встрѣчались красноармейцами сочувственно, но не пробуждали такого жгучаго интереса, какой вызвалъ, напримѣръ, рефератъ „о буддизмѣ“.

Послѣ чтенія послѣдняго, меня засыпали вопросами, относящимися непосредственно къ темѣ, тогда какъ въ иныхъ случаяхъ они были немногочисленны и имѣли, хотя косвенное, отношеніе къ злобамъ дня.

Такъ, однажды, послѣ чтенія о корифеяхъ русской литературы, ко мнѣ подошла группа молодыхъ красноармейцевъ и спросила:

— А какъ отнесся бы Толстой къ тому, что происходитъ сейчасъ въ нашей республикѣ?

Вопросъ былъ рискованный, и я отвѣтила, что объ этомъ трудно сказать.

Обучающіеся въ бывшихъ юнкерскихъ училищахъ молодые пролетаріи стараются въ одеждѣ и манерахъ подражать былымъ юнкерамъ-франтамъ, и воспитанники, наиболѣе фешенебельнаго изъ нихъ, Николаевскаго кавалерійскаго, какъ было принято и встарь, носятъ утрированно длинныя шинели, усиленно перетягиваютъ таліи кушаками и, здороваясь, молодцевато щелкаютъ шпорами.

Но, не тренируемые съ дѣтскихъ лѣтъ воспитаніемъ, они все же, зачастую, имѣютъ довольно неуклюжій видъ.

Я встрѣчалась съ группой такихъ молодыхъ людей въ домѣ, гдѣ можно было свободно высказывать мнѣніе о коммунизмѣ, ибо хозяева — въ прошломъ мелкіе торговцы, — не особенно благоволили къ новому строю.

— Не собираетесь воевать противъ коммуны? — спросила я, однажды, ихъ племянника, юнкера.

— Если бы и хотѣли, такъ невозможно, — отвѣтилъ онъ. — Что можно сдѣлать безъ арміи? А не только наши училища, но и казармы кишатъ, кромѣ явныхъ, еще и тайными чекистами, наблюдающими за каждымъ словомъ и движеніемъ. Даже сговориться бы не дали.

Въ другой разъ я заговорила на ту же тему съ занимавшимъ крупное мѣсто, краснымъ, но имѣвшимъ „бѣлые“ взгляды, офицеромъ.

Разговоръ происходилъ уже въ 25-омъ году, мы были одни, и поэтому говорили не опасаясь предательства.

— Правда это, — спросила я, — что, въ случаѣ войны, красноармейцы побѣгутъ при первомъ орудійномъ выстрѣлѣ?

— Все будетъ зависѣть отъ условій, — отвѣтилъ офицеръ. — Это мнѣніе, распространенное среди непричастныхъ къ арміи, не знающихъ ея настроеній, петроградцевъ, не основано ни на чемъ. Конечно, если у солдатъ не будетъ сапогъ и продовольствія, воевать они не станутъ. Какъ поступятъ они въ иномъ случаѣ, это еще большой вопросъ. Вѣдь молодые красноармейцы, получившіе военное воспитаніе уже при новомъ строѣ, убѣждены агитаторами, что всѣ бѣдствія, которыя приходится переносить совѣтской республикѣ, происходятъ лишь изъ за козней, а вѣрнѣе изъ за существованія въ мірѣ, капиталистовъ. Стоитъ ихъ перебить и обратить міръ въ коммуну, — какъ все измѣнится мгновенно: не будетъ ни войнъ, ни голода, ни всего того, отъ чего теперь страдаютъ Совѣты. Это подносится солдатамъ вмѣстѣ съ подтасованными о жизни другихъ странъ, свѣдѣніями, провѣрить которыя за отсутствіемъ свободной прессы, они конечно не могутъ, но которыя рождаютъ въ нихъ звѣриную ненависть къ иностранцамъ. Послушайте, что сказалъ мнѣ по этому поводу даже не особенно ярый коммунистъ, красноармеецъ:

„Тамъ коммуна, либо что другое, намъ все одно, а только коли бы нашимъ тамъ капиталисты препятствій не дѣлали, такъ и у насъ бы иное было“.

Впрочемъ долженъ оговориться, что сказанное мной относится къ частямъ, составленнымъ изъ коренного русскаго населенія. Окраины, особенно Украина и Кавказъ, представятъ для совѣтской власти, въ военное время, грозную опасность. Мнѣ не разъ приходилось бесѣдовать, по этому поводу, съ начальниками мѣстныхъ воинскихъ частей, и они убѣждены, что, при первомъ удобномъ случаѣ, красные штыки обратятся противъ ихъ правительства. Ненависть къ нему тамъ непередаваемая,

неописуемая: у мусульманъ — поддерживаемая религіознымъ фанатизмомъ, у украинцевъ — жаждой мести евреямъ, которыми заселяютъ Украину. Что касается остального населенія Россіи, то оно, какъ это извѣстно и вамъ, почти поголовно будетъ содѣйствовать паденію власти и саботажемъ, и предательствомъ, и всяческими иными способами. Учитывая это, понимая, что, чѣмъ бы грядушая война не закончилась *для Россіи*, для нихъ — она будетъ катастрофичной, большевики и разыгрываютъ роль миротворцевъ.

Подобныя этому мнѣнія мнѣ приходилось слышать и отъ другихъ военныхъ, не только командного состава, но и рядовыхъ, причемъ въ вопросѣ объ опасности войны для совѣтской власти сходились даже искренніе коммунисты.

И эта зависимость отъ настроеній „красныхъ штыковъ" вынуждаетъ большевиковъ всячески заискивать передъ ними, баловать ихъ развлеченіями и т. п.

Непріятная „неувязка" произошла только съ подвергавшимися кремаціи тѣлами умиравшихъ въ госпиталяхъ красноармейцевъ.

Устройство крематорія позволило близкимъ наблюдать за процессомъ сгоранія, во время котораго трупы, подъ дѣйствіемъ жара, приподымались и корчились, давая полную иллюзію движеній живыхъ людей.

Результатомъ этого явились слухи, распространяемые по Петрограду наблюдавшими за кремаціей, въ большинствѣ темными, людьми, будто больныхъ красноармейцевъ, „чтобы не кормить долго на совѣтскій счетъ, усыпляютъ, а потомъ, когда ихъ обожжетъ въ печкѣ, они просыпаются и сгораютъ живыми".

XXXII
КОМИССАРЪ БАЛТФЛОТА ЛАРИССА РЕЙСНЕРЪ

Присутствуя, однажды, на „Вечерѣ Сергѣя Городецкаго", гдѣ должна была выступить съ рѣчью, помимо другихъ, комиссаръ балтійскаго флота, Ларисса Рейснеръ, я невольно вспомнила ходившіе о ней слухи.

Ея мужъ, Раскольниковъ, въ прошломъ, судимый за революціонную пропаганду, юнкеръ флота, — въ эти годы былъ командующимъ морскими силами Россіи.

Ларису и ея отца, профессора, нѣкогда также высланнаго изъ Россіи, революціонера, занявшаго при большевикахъ мѣсто директора Соціальной Академіи, въ Москвѣ, — я знала давно.

Она являлась ко мнѣ, нѣкогда, въ редакцію, съ просьбой напечатать ея стихи, въ издававшемся мною журналѣ „Сказки Жизни", а ея отецъ пріѣзжалъ, якобы желая ознакомиться съ уставомъ моего Этическаго Общества. Въ дѣйствительности оказалось, что профессора интересовала не этика, а нѣкое дѣло, которое онъ разсчитывалъ провести съ помощью кузена моего мужа, профессора М. А. Таубе, занимавшаго въ то время постъ товарища министра Народнаго Просвѣщенія.

Въ содѣйствіи этому дѣлу я Рейснеру отказала, и онъ интересоваться этикой пересталъ.

Лариса обладала очень красивой внѣшностью: типъ Мадонны, съ громадными синими глазами и нѣжнымъ очертаніемъ рта, изъ котораго, на митингахъ, вырывались циничные призывы матросовъ къ убійствамъ и къ „удержанію завоеванныхъ революціей благъ".

А послѣдними, не только матросы, но и Лариса пользовалась весьма широко, заставляя говорить о себѣ во всѣхъ россійскихъ городахъ и весяхъ, гдѣ появлялась.

Лукулловскіе пиры въ Адмиралтействѣ и Кронштадтѣ, роскошные дорогіе туалеты, мѣха, брилліанты, всевозможныя эксцентричности и, наряду съ этимъ, чарующая простота съ подчиненными пролетаріями, — все дѣйствовало на воображеніе послѣднихъ, ошеломляло и плѣняло ихъ. Хуже было положеніе состоявшихъ при ней прежнихъ морскихъ офицеровъ, среди которыхъ объ этомъ комиссарѣ ходили недобрые слухи. Говорили, что, вызывая ихъ на откровенность, въ обстановкѣ, располагавшей къ искренности, она пользовалась довѣрчивостью оплошавшихъ, предавала ихъ Чека и присутствовала при разстрѣлахъ.

Какъ на примѣръ, мнѣ указывали на офицера К. (о

которомъ я говорила выше), разстрѣляннаго будто бы за сношенія съ англичанами“, а въ дѣйствительности, за нѣсколько, неосторожно сказанныхъ Рейснеръ, словъ.

Въ этотъ вечеръ, передъ чтеніемъ стиховъ Городецкаго, согласно его экспромту — „вспыхнувшаго кровавыми огнями“, — Рейснеръ произнесла рѣчь, въ которой, упомянувъ о матросахъ балтфлота, „продолжающихъ героически поддерживать революцію“, добавила:

— Какъ истинный поэтъ, Городецкій, конечно, не могъ не понять красоты новой жизни, и сегодня я посвящаю его въ коммунисты.

Но „посвященный“ чувствовалъ себя, повидимому, не очень ловко подъ укоризненными взглядами присутствовавшихъ въ залѣ „буржуазныхъ“ поэтовъ, ибо имѣлъ весьма сконфуженный, неподходящій торжеству, видъ.

XXXIII

„У ИЩЕЕКЪ ОТЪ ХОЛОДА ПРОПАЛО ЧУТЬЕ“

Уѣзжая на дачу, я обычно оставляла городскую квартиру безъ присмотра, хотя съ каждымъ годомъ увеличивавшіеся грабежи и убійства такъ терроризовали петроградцевъ, что уходя изъ дому, даже на четверть часа, они не покидали своихъ жилищъ безпризорными.

Остававшіеся въ квартирахъ, въ одиночествѣ, обычно на звонки и стуки въ дверь не отзывались, ибо убійства совершались почти всегда по трафарету: убійца, назвавшись водопроводчикомъ, агентомъ электрическаго общества или кѣмъ либо подобнымъ, оглушалъ ударомъ открывшаго дверь и врывался въ квартиру.

Невзирая на примѣняемыя къ налетчикамъ въ случаѣ поимки, драконовскія мѣры, — каждый имѣлъ право убивать преступниковъ на мѣстѣ, — дерзость ихъ не знала границъ. Такъ, на одной изъ наиболѣе людныхъ улицъ Петрограда — Красноармейскомъ проспектѣ (б. Измайловскій), грабители, среди дня, ворвались

въ квартиру рабочаго-водопроводчика, убили девять человѣкъ и благополучно скрылись.

Читая ежедневно газеты, пестрѣвшія сообщеніями о подобныхъ случаяхъ, и уже неоднократно пострадавъ отъ ограбленій на дачѣ, я какъ то не допускала мысли о возможности этого въ моей городской квартирѣ, расположенной слишкомъ на виду. Однако, лѣтомъ 24-го года, пріѣхавъ изъ Павловска, я нашла ее разгромленной.

Всѣ хранилища и двери изъ комнаты въ комнату, которыя, уѣзжая, мы закрывали на ключъ, были открыты, даже безъ поврежденія замковъ.

Я отправилась въ „Угрозу"*), гдѣ, на мою просьбу прислать собакъ-ищеекъ, развалившійся въ креслѣ красноармеецъ-начальникъ небрежно отвѣтилъ:

— Собаки почти всѣ подохли отъ голода, а у тѣхъ, что остались, отъ холода пропало чутье.

— Но, вѣдь, посылали же вы ихъ, товарищъ, на дняхъ, въ Экспедицію, къ рабочему, у котораго украли пальто и самоваръ, и онѣ нашли вора.

— Собаки тамъ были ни при чемъ: его нашли бы и безъ нихъ, потому воръ неопытный, слѣдовъ не замелъ, польстился на хламъ, — а у васъ поди было чѣмъ поживиться, такъ навѣрно, ученые грабители орудовали. Посыпаны чѣмъ полы?

— Не знаю, я не обратила вниманія. Всѣ комнаты такъ завалены вещами, что я ходила по нимъ, какъ по коврамъ.

— Ну, видите, еще и вы походили по нимъ. Какая же собака теперь пойметъ? Она на васъ и бросится какъ на вора. Лучше бросьте это дѣло, товарищъ, а то, первое, на судѣ могутъ сказать, что вы этотъ грабежъ сами подстроили — вещи куда увезли, а потомъ на кого указать хотѣли, будто виноватъ.

— Но зачѣмъ же? Какая мнѣ отъ этого была бы польза?

---

*) Уголовный Ровыскъ.

— Коли человѣкъ ловкій подкинетъ кому изъ товарищей свои вещи тотъ значитъ и попался съ поличнымъ — краденое.

— Но зачѣмъ же это?

— А чтобъ тотъ откупился. Ну и откупаются, потому никому неохота по судамъ таскаться да къ стѣнкѣ становиться. А то еще нѣкорые въ отместку такъ дѣйствуютъ, чтобы угробить человѣка.

— Я никому не подкидывала своихъ вещей и грабителей искать, конечно, буду, — рѣшительно отвѣтила я.

— А я вамъ скажу, товарищъ что вы это дѣло бросьте. Васъ жалѣючи говорю, потому, ежели грабители были настоящіе, такъ, раньше чѣмъ ихъ розыщутъ, они васъ могутъ кокнуть гдѣ на улицѣ со злобы. Сами знаете, что на грабежъ идетъ народъ отчаянный, пропащій, ему лишняго человѣка жизни рѣшить все одно, что плюнуть.

Теперь мнѣ пришлось уже на опытѣ убѣдиться, что ходившіе среди населенія слухи, будто начальники „Угрозы" состоятъ въ тѣсномъ контактѣ съ грабителями, взимая съ нихъ проценты за безнаказанность и покровительство крупнымъ налетамъ, — вѣрны. Воръ, ограбившій рабочаго, былъ пойманъ, потому что мелкая кража не могла принести начальству дохода, а въ данномъ случаѣ, оно не постѣснялось прибѣгнуть и къ недвусмысленной угрозѣ.

Я направилась изъ Уголовнаго Розыска къ служившему, въ тѣ дни, въ совѣтскомъ судѣ, знакомому прокурору, чтобы посовѣтоваться, какъ дѣйствовать, и была удивлена его словами:

— Я бы посовѣтовалъ вамъ то же, что и начальникъ Угрозы. Его слова указываютъ, что вещей вы все равно не найдете, а себя, дѣйствительно, будете подвергать серьезному риску. Подайте ему заявленіе о грабежѣ и ждите.

Я послушалась совѣта и, какъ и можно было думать, не дождалась ничего.

XXXIV

Я ПОЛУЧАЮ ПРЕДЛОЖЕНІЕ ВОЙТИ ВЪ ПАРТІЮ

Однажды, мнѣ доложили, что въ мое отсутствіе звонилъ комиссаръ печати и просилъ заѣхать къ нему, на домъ, въ семь часовъ вечера.

Я только два дня назадъ сдала ему еженедѣльный отчетъ о занятіяхъ въ моей литературной студіи и недоумѣвала, что могло отъ меня понадобиться.

— Что случилось? — спросила я, входя въ комнату комиссара. — Надумали закрыть нашу студію?..

— За контрреволюціонную дѣятельность, — добавилъ улыбаясь комиссаръ. — Давно бы слѣдовало это сдѣлать, потому что все у васъ тамъ идетъ по старинкѣ. Но сейчасъ дѣло не въ этомъ. Я хотѣлъ предложить вамъ кое что, что васъ должно заинтересовать. Вы знаете, что въ то время, когда на насъ, чуть ли не ежемѣсячно, наступали царскіе генералы, и положеніе наше было неопредѣленнымъ, я ни разу не предлагалъ вамъ примѣнить вашу энергію и силы къ новому строительству. Теперь положеніе измѣнилось. Мы укрѣпились уже настолько, что вы можете войти въ партію, безъ риска быть разстрѣлянной въ одинъ изъ очередныхъ бѣлыхъ налетовъ. Какъ партійной, вамъ будетъ открыта дорога къ самой широкой и разнообразной дѣятельности.

Я съ недоумѣніемъ взглянула на комиссара.

— Вы шутите, конечно?..

— Ничуть. Я говорю совершенно серьезно. Вы не разъ говорили, что васъ не удовлетворяетъ ваша дѣятельность въ Экспедиціи, что вамъ не къ чему примѣнить свои силы: большей арены для примѣненія энергіи, чѣмъ у насъ сейчасъ, трудно представить.

— Да вѣдь я примѣняю ее и безъ партійнаго билета... насколько, конечно, вы допускаете это.

— Такое примѣненіе интересовать насъ не можетъ. Вы идете по узкой старой дорогѣ; пора повернуть на широкій новый путь.

— Но на этомъ новомъ пути я неизбѣжно должна

буду заняться политической дѣятельностью, а это, какъ я вамъ говорила, претитъ мнѣ.

— Претитъ по началу; потомъ привыкнете, и она васъ даже увлечетъ.

— Но почему вамъ вздумалось вдругъ предложить мнѣ это? Чѣмъ заслужила я такія заботы о себѣ?..

— Да я забочусь вовсе не о васъ. Намъ нужны люди не только энергичные, но и искренніе. Вы обладаете этими качествами и можете быть намъ полезны.

— Благодарю васъ, комиссаръ, за аттестацію, но для того, чтобы и впредь эти качества остались таковыми, я должна работать въ области, которая меня привлекаетъ. Политическая работа засушила бы мою душу, убила бы мою энергію...

— Политическая работа?.. — изумился комиссаръ — Да поработавъ съ нами въ этой области, вы скоро станете однимъ изъ идейнѣйшихъ работниковъ партіи. Я въ этомъ убѣжденъ.

— Никогда! — вырвалось у меня такъ искренно, что комиссаръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня. — Никогда, не только принципіально, не только потому, что, какъ вы же указывали мнѣ, партійность исключаетъ личную инициативу въ работѣ, — во всѣхъ поступкахъ и даже въ чувствахъ, но и оттого, что вы то неискренни, что слова идутъ у васъ въ разрѣзъ съ дѣломъ. Не вы ли говорили мнѣ, что зачастую подчиняетесь директивамъ партіи вопреки своимъ взглядамъ на эти директивы. Я бы этого не могла, я бы стала противиться проведенію ихъ въ жизнь, и поэтому работа въ области политики не по мнѣ.

Свиданіе закончилось тѣмъ, что комиссаръ посовѣтовалъ мнѣ „все же подумать“ надъ его предложеніемъ.

XXXV

„МЕРТВОЕ ДВИЖЕНІЕ“

Смерть Ленина, въ 24-мъ году, съ которой многіе еще связывали надежды на перемѣны, въ дѣйствитель-

ности не измѣнила ничего. Только по Петрограду стала ходить пѣсенка:

Ты гори, гори свѣча
У могилы Ильича,
Всей Россіи палача,
Чтобъ работалъ и въ гробу
Онъ на пользу ГПУ.

да рабочіе варьировали это произведеніе, невѣдомаго автора, въ несовсѣмъ цензурныхъ и почтительныхъ для „вождя міроваго пролетаріата“ выраженіяхъ.

Въ концѣ 25-го и началѣ 26-го — послѣдніе годы Нэпа, — въ праздники, петроградскія улицы напоминали ярмарку пережившаго какое нибудь стихійное бѣдствіе села, съ нищенски одѣтыми бабами и мужиками, и утрированно „по модному“ фабричными, среди которыхъ виднѣлись и „наѣхавшіе изъ города господа“.

Развалившіеся, въ ставшихъ уже рѣдкостью автомобиляхъ, коммунисты, одѣтые въ щегольскія шинели и френчи красноармейцы (зачастую имѣвшіе носовые платки только „для виду“), комиссарши, „содкомши“, „спекульки“ въ парижскихъ туалетахъ и агенты ГПУ — являлись новой аристократіей, свысока взиравшей на сѣрую „замытаренную“ толпу.

Все чаще стали встрѣчаться на улицахъ парочки съ „интернаціональными“ — какъ называютъ ихъ петроградцы — дѣтьми, т. е. одинъ изъ родителей которыхъ китайской или иной, нерусской, національности. Совершенно исчезнувшіе съ улицъ, въ 19—20 годахъ, пьяные появились теперь, невзирая на безпощадную борьбу съ ними, въ еще небываломъ никогда количествѣ. Пивоваренные заводы не успѣвали удовлетворять спроса, — пивныя были переполнены до отказа, а у дверей ихъ стояли безконечныя очереди жаждущихъ получить забвеніе „на выносъ“.

Пили всѣ никогда раньше не пившіе, курили всѣ, кому до революціи не могла притти и мысль о куреніи.
Забавно было видѣть старуху бабу въ платочкѣ, но

съ папиросой во рту, и грустно глядѣть на ребенка 7-8 лѣтъ съ гримасой отвращенія затягивавшагося горькимъ дымомъ.

По сравненію съ двадцатыми годами, Петроградъ также принялъ болѣе приличный видъ, и хотя на улицахъ кое гдѣ, еще совсѣмъ по деревенски, зеленѣла травка, — огороды, разведенные голоднымъ населеніемъ на мѣстахъ разрушенныхъ, во время революціи, домовъ, уже исчезли. Рынки были завалены первоклассными, но по цѣнамъ доступными немногимъ, продуктами, и, если иногда случалось исчезновеніе съ нихъ, своевременно недоставленнаго изъ заграницы, сахара, — то это было уже исключеніемъ*). Даже въ Перинной линіи Гостинаго двора, отдавая долгъ духу времени, вмѣсто виднѣвшихся нѣкогда въ витринахъ кружевъ и лентъ, висѣли мясныя туши.

И все же, это, искусственно создаваемое *возможностью быть сытымъ*, оживленіе было лишь видимымъ, необычайно мѣткое опредѣленіе чему мнѣ пришлось, однажды, услышать на улицѣ изъ устъ двухъ молодыхъ, щегольски одѣтыхъ, евреевъ.

Это было въ пять часовъ вечера — время наибольшаго оживленія „Проспекта 25-го Октября".

Указывая на снующую по тротуарамъ толпу, прохожій сказалъ:

„Вѣдь, какъ будто и настоящая жизнь, а въ дѣйствительности *мертвое движеніе*".

Придумать лучшаго опредѣленія для омеханизированнаго совѣтскаго муравейника было бы невозможно.

Но была одна область, въ которой, по интенсивности, разнообразію и количеству ощущеній, большевицкія „достиженія", къ этому времени, дѣйствительно побили міровой рекордъ. Этой областью являлись — страданія.

---

*) Нынче, т. е. на девятнадцатомъ году революціи, его можно достать, какъ пишутъ мнѣ изъ Петрограда, въ госторгахъ съ величайшимъ трудомъ и въ маломъ количествѣ, а у спекулянтовъ за большія деньги.

Вслѣдствіе все увеличивавшагося въ учрежденіяхъ и на фабрикахъ сокращенія штатовъ, наряду съ нарядными „содкомшами“ и элегантными „френчистами“ улицы кишѣли оборванными, голодными, безработными, получавшими ежемѣсячное пособіе въ количествѣ шести рублей. Три отъ Профсоюза и три отъ биржи труда*).

Потрясающее впечатлѣніе произвела на меня эта биржа, гдѣ въ 26-мъ году мнѣ пришлось свидѣтельствовать свои документы.

Сотни стоящихъ и сидящихъ на полу людей, среди которыхъ интеллигенты всевозможныхъ профессій**), съ лицами безмолвно говорящими о голодѣ и отчаяніи, въ одеждѣ кричащей о безысходной нуждѣ.

Глядя на нихъ становились понятными все прогрессирующія въ СССР самоубійства, помѣщать свѣдѣнія о которыхъ совѣтской прессѣ строго запрещено***).

Среди бросающихся въ Неву, выбрасывающихся изъ оконъ шестыхъ этажей, или другими способами добровольно покидающихъ сотворенный коммунистами рай, есть люди всѣхъ возрастовъ — старики и старухи, семидесяти и восьмидесяти лѣтъ, дѣти девяти-двѣнадцати, но больше всего людей средняго возраста.

И не только голодъ и другія матеріальныя лишенія приводятъ ихъ къ такому концу.

Мнѣ разсказывалъ врачъ, завѣдывающій психіатрическимъ отдѣленіемъ Николаевскаго Военнаго госпиталя, что нервныя заболѣванія въ Петроградѣ прогрессируютъ съ ужасающей быстротой, и борьба съ ними становится для науки все болѣе и болѣе непосильной.

„Раньше мы старались найти въ душѣ больного какую нибудь, удобную для воздѣйствія, успокаивающую его, точку — любовь къ Богу, къ близкимъ и т. п. — нынче пользоваться этимъ уже невозможно, ибо души

---

*) При цѣнѣ чернаго хлѣба 7-8 коп. за фунтъ.

**) Извѣстный инженеръ, строитель Троицкаго моста, получалъ, въ видѣ исключенія, 8 руб.

***) Мнѣ говорилъ объ этомъ постоянный сотрудникъ „Красной Газеты“ А. Селивановъ.

людей опустошены матеріализмомъ, а новые идеалы, говорящіе о безконечной борьбѣ, призывающіе къ ненависти и убійствамъ, — дѣйствовать благотворно на потрясенные нервы, конечно, не могутъ. Доказательствомъ можетъ служить то, что наибольшій процентъ нашихъ паціентовъ падаетъ на людей сравнительно молодыхъ, зачастую обезпеченныхъ матеріально коммунистовъ, отбросившихъ всѣ былые „предразсудки". Очень много среди нихъ евреевъ также порвавшихъ съ религіей и вѣковыми устоями еврейскаго быта".

Необычайно ярко сказалась эта духовная опустошенность въ слышанной мною отъ многихъ, и въ томъ числѣ отъ Сергѣя Есенина, фразѣ: „чего то не хватаетъ".

Незадолго до своего отъѣзда заграницу, я встрѣтила его, проходя по Моховой. Познакомились мы давно, когда еще безвѣстнымъ міру, неуклюжимъ, деревенскимъ, парнемъ, въ шубѣ съ отцовскаго плеча, онъ приносилъ мнѣ свои стихи для напечатанія во „Всемъ Мірѣ".

Противъ обыкновенія, въ день встрѣчи, онъ былъ элегантно одѣтъ и совершенно трезвъ.

— Какая тощища! — сказалъ онъ здороваясь.

— Вамъ то ужъ грѣшно жаловаться на тоску, — возразила я: — Чего вамъ еще не хватаетъ?

— То то и бѣда, что все есть, а чего то не хватаетъ. Надоѣло!

— У васъ расшатаны нервы, — сказала я; — бросьте пить.

Есенинъ вмѣсто отвѣта только свистнулъ.

— Это я то брошу пить? Да съ чего же ради? Что же тогда останется? Коли у пьянаго земля подъ ногами качается — не страшно, а вотъ ежели подъ тверезымъ заходитъ — крышка.

Какъ извѣстно, будущее показало, что земля „заходила" подъ нимъ и подъ „тверезымъ" именно въ тѣ дни, когда онъ былъ въ зенитѣ своей славы и не зналъ матеріальныхъ лишеній.

XXXVI
СОВѢТСКІЯ КАРТИНКИ

Какъ я уже говорила, петроградскія улицы къ 26-му году приняли болѣе или менѣе приличный видъ. О революціонномъ разгромѣ напоминали главнымъ образомъ разрушенныя зданія — Литовскій замокъ, Окружной Судъ, полицейскія части и т. п.

За послѣднее время такія развалины служили удобнымъ мѣстомъ не только для совершенія въ нихъ преступленій, но и для подбрасыванія туда труповъ убитыхъ.

За этотъ „обычай“ едва не поплатился мой знакомый, врачъ, жившій на Захарьевской, противъ одной изъ такихъ руинъ.

Однажды вечеромъ, задумавъ выбросить туда — какъ это практикуется теперь среди обывателей — мусоръ, онъ увидѣлъ, вышедшихъ изъ разрушеннаго зданія и побѣжавшихъ по улицѣ, двухъ оборванцевъ. Зайдя въ развалины и оставивъ тамъ свертокъ, онъ направился обратно, но у выхода встрѣтился съ агентами „Угрозы“.

— Что вы здѣсь дѣлали?

— Выбрасывалъ мусоръ.

— Мусоръ? — многозначительно переглянулись агенты. — Покажите его.

Ничего не подозрѣвавшій врачъ направился обратно и, при свѣтѣ карманныхъ фонарей, увидѣлъ, что рядомъ съ его сверткомъ лежитъ большой мѣшокъ.

— Это и есть „мусоръ“? — иронически спросили агенты, развязывая мѣшокъ, изъ котораго выпала отрубленная голова молодой дѣвушки.

Только поимка, въ тотъ же день, преступниковъ помогла врачу избѣгнуть скораго и праваго суда ГПУ.

Знакомый инженеръ получилъ изъ уголовнаго розыска повѣстку, предлагавшую ему явиться къ слѣдователю въ качествѣ „обвиняемаго въ кражѣ изъ турецкаго посольства большой цѣнной вазы“.

Не имѣвшій никакого отношенія ни къ турецкому посольству, ни къ возведенному на него обвиненію, инже-

неръ былъ предъявленъ, у слѣдователя, неизвѣстной ему бабѣ — свидѣтельницѣ, „опознавшей" въ немъ вора.

Къ счастью, и въ этомъ случаѣ, обвиняемому удалось быстро доказать свое alibi, такъ какъ воръ былъ задержанъ съ вазой на Александровскомъ рынкѣ и сознался въ кражѣ.

Болѣе серьезно поплатился одинъ, бывшій прокуроръ.

Тщетно прождавъ его возвращенія со службы, жена направилась на розыски.

Однако, ни учрежденіе, гдѣ онъ служилъ, ни знакомые никакихъ свѣдѣній о немъ сообщить не могли, и ей пришлось обратиться за помощью къ жившему у нихъ въ квартирѣ коммунисту.

Только послѣ трехнедѣльныхъ поисковъ послѣднему удалось найти арестованнаго въ одной изъ петроградскихъ тюремъ. Исхудалый, голодный, весь въ насѣкомыхъ, онъ при содѣйствіи того же коммуниста былъ освобожденъ, ибо, какъ оказалось, его арестовали потому, что „когда былъ прокуроромъ, могъ обвинять и подсудимыхъ пролетарскаго происхожденія".

А сколько въ СССР людей, у которыхъ нѣтъ знакомыхъ коммунистовъ, и которые исчезаютъ изъ жизни въ подобныхъ случаяхъ навсегда!

Такихъ „мелочей" совѣтскаго быта хватило бы на тысячи томовъ, и въ той, или иной формѣ, рѣдко кому изъ совѣтскихъ гражданъ не приходилось ихъ испытать.

Но, нагляднѣе, чѣмъ въ какой либо другой области, духъ времени отразился на домашней прислугѣ.

Постоянно возникающіе, по жалобамъ послѣднихъ, судебные процессы, при разрѣшеніи которыхъ красные судьи, для оправданія или снисхожденія, принимаютъ во вниманіе пролетарское происхожденіе, а для обвиненія не пролетарское, отбиваютъ охоту пользоваться наемными услугами даже у тѣхъ, кому это доступно.

Взятая мной „отлично рекомендованная" шестидесятилѣтняя старуха, на замѣчаніе о нерадивости, отвѣтила:

— Видно васъ не научили еще девять лѣтъ револю-

ціи!.. Я вамъ не прислуга, а такой же человѣкъ, какъ и вы.

И тотчасъ же, будто желая демонстрировать какая путаница понятій получилась въ ея головѣ отъ всего происходящаго, вдругъ добавила:

— Я въ молодости не у капитана, а у настоящаго генерала служила, да и то довольны мной были.

Та же хаотичность понятій сказалась въ процессѣ сорокалѣтней работницы, содѣйствовавшей своему другу въ убійствѣ ея мужа.

Всѣ трое были вселены въ одну изъ опустѣвшихъ барскихъ квартиръ, и когда мужъ (чернорабочій) принималъ ванну, подкравшійся сзади убійца размозжилъ ему топоромъ голову.

Черезъ двѣ недѣли преступленіе было раскрыто, и подъ подушками постели, на которой спала жена, нашли полуразложившуюся голову убитаго съ прикрѣпленнымъ къ его волосамъ образкомъ.

На вопросъ слѣдователя о находкѣ, убійца отвѣтила:

— Жалко было разставаться съ имъ. А образокъ надѣла, потому безъ покаянія померъ, такъ чтобъ душенька его поближе ко Господу была.

XXXVII
РАЗВЛЕЧЕНІЯ

Развлеченія, которыми большевики, по началу, непомѣрно баловали народъ, уже съ 22-го года, вслѣдствіе дороговизны, стали доступны не каждому.

Присылаемыхъ въ учрежденія и на фабрики „профсоюзныхъ“ билетовъ не хватало для всѣхъ желающихъ пользоваться ими, да и распредѣлялись они коммунистическимъ начальствомъ „по личному усмотрѣнію“, т. е. по кумовству.

Переполненные, въ первые годы революціи, когда были безплатными, театры, стали приносить дефицитъ, и даже сборы въ сравнительно недорогихъ кино понивились.

Зато раскинувшіеся по всему Петрограду государственные игорные дома, доходъ съ которыхъ поступалъ въ пользу учрежденій „охраны младенчества и материнства“, привлекали къ себѣ людей всѣхъ категорій, но больше всего рабочихъ.

Въ безпросвѣтно тусклой „новой“ жизни, они являлялись наркотиками, и опьяненія ими искали и ищутъ и сейчасъ многіе.

Прокуренный, но теплый, залитый свѣтомъ, залъ объединялъ рабочихъ съ извѣстными профессорами, артистами, судебными дѣятелями и пр.

Наиболѣе фешенебельнымъ являлся клубъ Европейской гостиницы, входъ въ который былъ нѣсколько огражденъ, отъ наплыва сѣрой публики, слишкомъ крупной игрой, и гдѣ играли иностранцы и нэпманы.

Иностранцы, расплачивавшіеся долларами и франками, въ то время, когда офиціально покупка и продажа валюты была запрещена, являлись приманкой для скупщиковъ, и скоро этотъ клубъ, служившій ареной спекуляціи, былъ закрытъ.

Часть игроковъ перекочевала въ Казино и Владимірскій*), за, такъ называемые, „золотые“ столы, гдѣ, по сравненію съ другими, имѣвшими банкъ отъ рубля, шла крупная игра.

Не мало способствовали такіе клубы пополненію хроники самоубійствъ, являвшихся слѣдствіемъ растраты на игру казенныхъ денегъ.

Крупье набирались изъ людей бывшаго „свѣта“, и петроградцы шутили, что желающимъ увидѣть хорошія манеры и поговорить на иностранныхъ языкахъ слѣдуетъ посѣщать клубы. Игра въ „желѣзку“ (chemin de fer), баккара, двадцать одно, макао, булль и рулетку шла круглыя сутки, но совѣтскій режимъ внесъ характерную для него черту и въ эти учрежденія: во всѣхъ клубахъ дежурили агенты ГПУ, тайно слѣдившіе за игроками.

Если играющій велъ крупную игру, ему грозилъ арестъ, до разслѣдованія, откуда онъ черпалъ для этого сред-

---

*) Бывшіе Купеческій и Приказчичій.

ства. Случалось, что страсть къ игрѣ служила поводомъ къ увольненію со службы, „дабы, въ будущемъ, игрокъ не растратилъ казенныхъ денегъ“.

XXXVIII
РЕЛИГІЯ ВЪ СССР

Въ первые годы революціи, въ Россіи, подъ вліяніемъ всего происходившаго, наблюдался значительный подъемъ религіозности, и когда власть, приступивъ къ расправѣ съ религіей, стала обращать, особо чтимыя населеніемъ, часовни въ кооперативныя лавочки, въ храмахъ устраивать клубы и реквизировать образа въ цѣнныхъ ризахъ — на окраинахъ наблюдались даже случаи проявленія религіознаго фанатизма. Такъ близъ Кутаиса, иноки, узнавъ о приближеніи къ монастырю красноармейцевъ, наполнили храмъ снопами соломы, подожгли ее и, съ пѣніемъ псалмовъ сгорѣли вмѣстѣ съ церковью. Такой же случай самосожженія былъ на Уралѣ въ глухомъ Варваринскомъ скиту, гдѣ сгорѣло 8 монахинь*).

Въ Петроградѣ, одна изъ послѣднихъ попытокъ отстоять церковь была сдѣлана женами рабочихъ путиловскаго завода.

Когда красноармейцы явились „реквизировать“ мѣстный храмъ, женщины, съ пѣніемъ молитвъ, заняли церковь и вступили съ пришедшими въ настоящій бой. Отрядъ, не рискнувшій пустить въ ходъ оружіе, вынужденъ былъ по началу отступить, но черезъ нѣсколько дней сопротивленіе ослабѣло, будничныя занятія и заботы вынудили упорствующихъ сдаться, и церковь постигла общая для всѣхъ другихъ участь. А послѣдніе годы, путиловцы идутъ первыми по „сознательной антирелигіозной кампаніи“, считаются одними изъ „заслуженныхъ безбожниковъ“.

Вытекавшія изъ окружающихъ условій „колебанія“ и

---

*) Эти факты приводились газетой „Правда“.

„исканія“, уже въ половинѣ двадцатыхъ годовъ, закончились рѣзкимъ паденіемъ религіознаго чувства. Причиной этого была не одна лишь антирелигіозная пропаганда большевиковъ. Послѣдняя дѣйствовала только на молодежь и на распропагандированныхъ марксизмомъ рабочихъ; люди зрѣлаго возраста, и особенно интеллигенція, не реагировали на эту пропаганду. Причины упадка религіи коренились значительно глубже, вытекали изъ той невидимой духовной революціи, которая явилась слѣдствіемъ лично пережитыхъ, или зрѣлища чужихъ, страданій, конца которымъ уже не предвидѣлось, а главное инертнаго отношенія къ нимъ человѣчества. Люди стали задумываться надъ „лицемѣріемъ“ проповѣдниковъ христіанской морали и надъ многимъ другимъ, о чемъ ранѣе не думали; стали анализировать и критиковать и самую мораль, авторитетъ которой былъ подорванъ лицемѣрами. Въ результатѣ и явились колебанія и исканія, привлекавшія, на происходившіе, въ тѣ годы, въ Петроградѣ, религіозные диспуты, множество самой разнообразной публики, включая и завѣдомыхъ атеистовъ.

Пренія на этихъ диспутахъ отличались всегда необычайной страстностью, и такъ какъ на нихъ присутствовали „наблюдающіе за порядкомъ“ агенты ГПУ, — зачастую заканчивались арестомъ лицъ, не умѣвшихъ приспособить вѣру въ Бога къ ученію Маркса.

Здѣсь же я была свидѣтельницей того негодованія, какое вызывали, тогда еще непривычно-кощунственныя, рѣчи, вознесеннаго большевиками въ митрополиты, А. Введенскаго, причемъ дѣйствія этого пастыря вѣрующіе объясняли его нерусскимъ происхожденіемъ.

Въ тѣ дни, въ рядахъ „колеблющихся и ищущихъ“ очутилась и я, начавъ свои исканія съ изученія религій, прежде всего — Ислама. Чтобы подойти къ вопросу ближе и жизненнѣе, я направилась къ главѣ петроградской мечети, муллѣ N. Онъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, охотно отвѣчалъ на мои вопросы, до тѣхъ поръ, пока не заподозрилъ, что мой интересъ къ Исламу вызванъ практическими соображеніями.

— Только я васъ предупреждаю, что переходомъ въ магометанство вы бы не облегчили себѣ выѣзда изъ Россіи, — сказалъ онъ вдругъ. — Мнѣ извѣстно, что многіе, не имѣя возможности покинуть Россію иными способами, готовы прибѣгнуть и къ этому; но это безцѣльно, такъ какъ не даетъ правъ на выѣздъ.

Съ большимъ трудомъ, мнѣ удалось убѣдить муллу, что исканія мои отвлеченны, и я далека отъ мысли о перемѣнѣ религіи.

Но, наряду со всѣми этими исканіями, колебаніями и отрицаніями, рѣзко бросалась въ глаза жажда опустошенной души „создать", если не Бога, то хотя бы кумира. Въ домовыхъ „Комитетахъ бѣдноты" появились, такъ называемые, „Уголки Ленина" — подобіе читальни или клуба, гдѣ собирались, особенно въ дни революціонныхъ торжествъ, обитающіе въ домѣ коммунисты.

Прилично, или даже нарядно, обставленная комната, въ углу которой, обтянутое красной матеріей, подобіе алтарнаго престола, на немъ, украшенный искусственными цвѣтами и алыми лентами, портретъ Ленина. Надъ портретомъ — красная звѣзда изъ электрическихъ лампочекъ, подъ нимъ — книги „Ильича".

Подобные „жертвенники" я видѣла въ нѣсколькихъ Комитетахъ; въ другихъ убранство варьируется, но портретъ Ленина и красный столъ въ углу фигурируютъ всюду.

Разсказывая комиссару печати о, порожденномъ коммунизмомъ, новомъ „божествѣ", я замѣтила, что если цѣлью коммунистической власти является созданіе интернаціональной религіи, то лучше было бы, вмѣсто культа Ильича, поступить какъ древніе римляне, т. е. воздвигнуть всюду алтари „Невѣдомому Богу".

— Алтари эти — явленіе временное, знаменіе переходной эпохи. Новое, воспитанное нами поколѣніе не будетъ знать уже никакихъ боговъ, никакихъ религій, — отвѣтилъ онъ.

XXXIX
ПАСХА 25-го ГОДА ВЪ СССР*)

Чтобы дать живую картину новаго, но еще связаннаго съ религіозными обрядами, быта совѣтской Россіи, въ предпасхальные дни, и вѣрнѣе передать ихъ настроенія, я приведу видѣнное мной, какъ записала непосредственно еще въ Петроградѣ, въ послѣднемъ году Нэпа.

Пятница Страстной недѣли. На улицахъ Петрограда предпраздничная суета, на рынкахъ, въ магазинахъ Пищевого треста и въ мануфактурныхъ — не протолпиться.

Въ первыхъ не хватаетъ необходимыхъ для пасхальнаго стола продуктовъ, у вторыхъ — даже наканунѣ праздника, стоятъ безконечныя очереди долготерпѣливыхъ совѣтскихъ гражданъ и гражданокъ, жаждущихъ получить по карточкамъ хотя бы 2-3 аршина ситцу.

Въ заново и очень безвкусно окрашенныхъ, красной и зеленой краской, корпусахъ Сѣнного рынка, толпятся хозяйки, какъ и въ былыя времена, именующія продавцовъ „живодерами", или, что по ихъ мнѣнію однозначуще, — „большевиками".

На Фонтанкѣ, между Обуховскимъ и Измайловскимъ мостами, — сплошная толпа. Здѣсь, на толкучкѣ, вы можете купить все: драгоцѣнную картину великаго мастера, и подозрительнаго вида котлеты, которыя, тутъ же, на керосинкѣ, жаритъ „гражданка-торговка", и старенькія, штопаныя перчатки и чудесныя старинныя кружева.

Боязливо оглядываясь, чтобы не „замели" за безпатентную торговлю, „бывшіе люди" продаютъ здѣсь одежду.

Драгоцѣнности и обстановка давно реквизированы или прожиты, и теперь утилизируется послѣднее, безъ чего нельзя обойтись, не принявъ, даже съ точки зрѣнія гражданъ СССР, неприличнаго вида.

---

*) Эта глава была напечатана въ парижскомъ „Возрожденіи" и, на чешскомъ языкѣ, въ газетѣ „Národní Politika".

Много безработныхъ.

Вотъ рабочій, съ характернымъ для хронически голодающаго землистымъ цвѣтомъ лица, продаетъ старенькую ситцевую косоворотку.

Вотъ древняя старушка протягиваетъ проходящимъ женщинамъ стеклярусную мантилью — нѣмую свидѣтельницу ея бывшаго благосостоянія и, вѣроятно, въ теченіе полувѣка, предметъ гордости своей хозяйки.

Тамъ, сохранивъ еще военную выправку, какимъ то чудомъ уцѣлѣвшій генералъ предлагаетъ нѣсколько фарфоровыхъ бездѣлушекъ и пару заграничныхъ дамскихъ чулокъ.

Среди этихъ „купцовъ поневолѣ", вертятся продавцы и скупщики краденаго.

При мнѣ какой то оборванецъ продавалъ „спеціалисту" великолѣпную акварель на слоновой кости, рѣдкую китайскую вазу и расшитый золотомъ придворный шлейфъ.

Отдаютъ такія вещи за безцѣнокъ, лишь бы скорѣе избавиться отъ опаснаго товара, а скупщики, дающіе милиціи крупныя взятки, непріятныхъ послѣдствій не опасаются.

Рядами выстроились имѣющіе патентъ торговцы разнымъ хламомъ, и здѣсь же группа красноармейцевъ и какихъ то, явно уголовныхъ, товарищей играетъ въ „наперстокъ", причемъ азартъ, судя по всему, грозитъ закончиться кровавымъ побоищемъ.

Въ Страстную субботу на улицахъ уже незамѣтно вчерашняго оживленія. Большинство населенія запаслось на праздничные дни всѣмъ необходимымъ, и „красныя гражданки", наряду съ „несознательными", занялись приготовленіемъ традиціонныхъ бабъ.

Въ окнахъ дорогихъ кондитерскихъ, бывшихъ Иванова и Гурме и модной нынче „Лоръ", красуются куличи и пасхи, — на которыхъ, вмѣсто Х. В., изображены серпъ и молотъ или буква Л., — но цѣны на нихъ среднему обывателю мало доступны.

Выпеченные по всѣмъ правиламъ искусства, они попадаютъ, изъ перечисленныхъ кондитерскихъ, на пасхальные столы „невѣрующихъ" нэпмановъ и коммунистовъ.

Къ вечеру движеніе стихаетъ окончательно, магазины закрываются, и теплая беззвѣздная ночь, съ моросящимъ дождикомъ, окутываетъ городъ.

Прохожихъ мало, встрѣчаются только женщины и дѣти, несущія для освященія куличи и пасхи, да пьяные, начавшіе праздновать еще наканунѣ.

Отъ тускло освѣщенныхъ улицъ — вѣетъ грустью. Нѣтъ впечатлѣнія великаго праздника, нѣтъ приподнятаго настроенія, которое являлось при видѣ кипящаго жизнью, иллюминованнаго Петербурга, съ горящимъ на темномъ фонѣ неба крестомъ Троицкаго собора и пылающими факелами въ рукахъ ангеловъ, украшающихъ Исаакіевскій соборъ.

Уже около одиннадцати часовъ, а этотъ храмъ, гдѣ нѣкогда къ заутренѣ собирался Дворъ и всѣ официальныя лица Петербурга, наполовину пустъ.

Вокругъ и на проспектѣ 25 октября, много гуляющей фабричной молодежи, не мало нарядныхъ или „опростившихся“ службистокъ, пристроившихся къ какому нибудь коммунистическому начальству, еще больше — возвысившихся до званія „пишмашинки“*) пролетарокъ съ ихъ кавалерами.

„Опростившіяся“ донынѣ еще не могутъ отрѣшиться отъ былыхъ „предразсудковъ“ и, оставивъ на улицѣ своихъ покровителей, которымъ входъ въ церковь грозитъ немедленнымъ удаленіемъ изъ партіи, а то чѣмъ нибудь и похуже, — заходятъ въ храмъ.

Изъ посѣщенныхъ мною въ эту ночь многихъ церквей, только двѣ-три переполнены молящимися, среди которыхъ преобладаютъ женщины, и въ которыхъ совершенно отсутствуетъ молодежь.

Въ храмѣ „Спаса на Сѣнной“, гдѣ прихожане, преимущественно, мѣстное купечество, среди глубокихъ стариковъ много и молодежи всѣхъ возрастовъ; здѣсь чувствуется прежняя Россія съ ея вѣковыми устоями, съ ея горячей вѣрой. Не хочется уходить отсюда, но начинается перезвонъ колоколовъ, и я тороплюсь къ

---

*) Дактилографистки.

„Николѣ Морскому“, у котораго въ теченіе многихъ лѣтъ привыкла встрѣчать праздникъ.

Помню какимъ сказочнымъ рисовался, сквозь вѣтви окружающихъ его деревьевъ, сіяющій огнями соборъ, позади котораго, на длинныхъ столахъ, выстраивались, освѣщенные восковыми свѣчами, куличи.

Нынѣ высокіе, электрическіе фонари, у храма, печально глядятъ незажженными, мутными глазами на десятокъ ожидающихъ освященія женщинъ.

Въ церкви, гдѣ въ былыя времена, въ пасхальную ночь, невозможно было протолпиться, — совсѣмъ свободно. Въ толпѣ много женщинъ, въ негармонирующихъ съ праздникомъ черныхъ одеждахъ, видна интеллигентная молодежь.

Передъ образомъ Николая Чудотворца, рядомъ съ двумя моряками, горячо молится прилично одѣтый молодой человѣкъ и блѣдная старушка въ глубокомъ трауръ.

Полночь!..

Въ сыромъ воздухѣ мягко гудятъ колокола, изъ раскрытыхъ дверей храма, къ могиламъ, похороненныхъ въ церковномъ садикѣ, „героевъ революціи“, — несется радостное „Христосъ Воскресе“, а изъ глазъ старушки, неподвижно устремленныхъ на ликъ Чудотворца, медленно катятся слезы.

Церковь наполняется для меня призраками, нѣкогда встрѣчавшихъ здѣсь заутреню, нынѣ замученныхъ, моряковъ, и я тороплюсь уйти...

XL
СЕКТАНТСТВО ВЪ СССР

За послѣдніе годы, въ Павловскѣ, общее вниманіе привлекалъ не молодой уже человѣкъ, не только лѣтомъ, но, по словамъ мѣстныхъ жителей, даже и въ самые лютые морозы, ходившій съ обнаженными до колѣнъ ногами, непокрытой головой и въ легкой одеждѣ.

Крестьяне называли его странникомъ, добавляя, что молва говоритъ, будто онъ „хлыстъ“*), но кто онъ и откуда появился, въ дѣйствительности не зналъ никто.

Однажды, лѣтомъ, я встрѣтилась съ нимъ въ паркѣ, и увидавъ въ моихъ рукахъ корзину съ грибами, онъ подошелъ ко мнѣ, сталъ разспрашивать, гдѣ я ихъ нашла, предложилъ показать „грибныя мѣста“ и т. д.

Съ этого завязалось наше знакомство, и, гуляя, я стала часто встрѣчаться съ нимъ.

Не называя своего имени, странникъ разсказалъ мнѣ, что онъ бывшій учитель древнихъ языковъ гимназіи, одной изъ прибалтійскихъ губерній, что, лишившись мѣста еще въ началѣ революціи, сталъ странствовать по Россіи, и теперь очень доволенъ судьбой, приведшей его въ Павловскъ.

На вопросъ, что ему здѣсь такъ нравится, онъ отвѣтилъ:

— Въ этихъ мѣстахъ я познаӆъ свѣтъ истины.

Однако, мои дальнѣйшіе разспросы, въ этотъ разъ, не пояснили ничего, ибо онъ быстро и явственно перевелъ разговоръ на другія темы.

Ничего ненормальнаго въ своемъ случайномъ знакомомъ я не замѣчала. Онъ былъ очень образованнымъ, интереснымъ собесѣдникомъ, хорошо зналъ и новые языки, былъ свѣдущъ въ вопросахъ религіи и этики.

Какъ то, уже въ концѣ лѣта, мы шли съ нимъ по парку подъ проливнымъ дождемъ.

— Неужели вы не зябнете? — спросила я у него, бодро шагавшаго рядомъ со мной, босыми ногами, по лужамъ и грязи.

— Къ холоду мое тѣло нечувствительно, — отвѣтилъ странникъ, — еще силенъ въ немъ дьяволъ.

— Вы вѣрите въ него?

— Какъ не вѣрить!.. Большинство людей не замѣча-

*) Исповѣдываемая сектой хлыстовъ идея, что „духъ есть добро, а тѣло — зло, почему его необходимо умерщвлять всяческими способами“, какъ извѣстно, не исключаетъ изъ послѣднихъ и слѣдуемыхъ, по ритуалу радѣній, эротическихъ оргій.

етъ его присутствія, потому что мирится съ его владычествомъ надъ собой.

— А вы?

— Я позналъ истину и, какъ другіе Божьи люди, ищу освобожденія отъ власти плоти.

Я была немного знакома, изъ книгъ, съ сектантствомъ, и характерное для хлыстовъ выраженіе — „Божьи люди", какъ называютъ они себя, — заставило меня вспомнить ходившіе о моемъ спутникѣ слухи.

— А какими способами добиваетесь вы этого освобожденія? — спросила я.

— Почему вы интересуетесь этимъ? Изъ простого любопытства или изъ желанія испытать дѣйствія этихъ способовъ на себѣ?

— Я всегда, во всемъ, искала истину, и въ этихъ поискахъ мною никогда не руководило любопытство, — отвѣтила я уклончиво.

Тогда странникъ сталъ съ воодушевленіемъ разсказывать, какъ, явившись въ Павловскъ, случайно встрѣтился съ однимъ изъ руководителей тайнаго религіознаго „сообщества", преслѣдуемаго большевицкой властью еще болѣе, чѣмъ оно преслѣдовалось нѣкогда царской, и какъ, съ помощью Божьихъ людей, „пришелъ къ истинѣ".

— Можетъ быть, фанатизмъ ихъ и можно поставить имъ въ вину, — закончилъ онъ свою рѣчь, — но онъ вызванъ непоколебимой убѣжденностью въ истинности исповѣдываемой ими идеи, преслѣдованіемъ ихъ сообщества и, отчасти, тѣмъ, что большинство его членовъ составляютъ крестьяне, т. е. люди недостаточно культурные. Эти условія и повели къ тому, что когда одинъ, заинтересовавшійся нашимъ ученіемъ, селянинъ, посѣтивъ впервые собраніе, сталъ разглашать о видѣнномъ, на другой же день его нашли убитымъ на дорогѣ близъ Павловска. Убійца обнаруженъ властями не былъ, но на ближайшемъ, послѣ этого, собраніи одинъ изъ нашихъ сочленовъ покаялся въ совершенномъ преступленіи.

— И вы, называющіе себя Божьими людьми, допускаете убійства?..

— Нѣтъ, мы противники ихъ, и убійца былъ строго покаранъ сообществомъ, хотя на убійство его толкнулъ не страхъ передъ могущей возникнуть изъ болтливости убитаго отвѣтственности, а то, что гоненіями на сообщество временно оборвалась бы борьба съ сѣющимся дьяволомъ зломъ. Увѣренность въ томъ, что большевицкая власть состоитъ изъ воплотившихся дьяволовъ настолько сильна у насъ, что даже я, пользующійся въ сообществѣ, въ силу нѣкоторыхъ условій, особымъ авторитетомъ и довѣріемъ, не могу поколебать этой вѣры.

— Но какъ можетъ сейчасъ существовать въ Россіи, да еще у самаго Петрограда, организація, невѣдомая Чека? — усомнилась я. — Вѣдь обрядности ея, вѣроятно, сопровождаются пѣніемъ и другими проявленіями, которыя не такъ просто скрыть.

— Исключительно потому, что всюду, среди мѣстныхъ коммунистовъ и даже чекистовъ, имѣются послѣдователи нашего ученія. Они вошли въ партію и Чека, какъ ходили въ прежнее время въ церкви, — для отвода глазъ. Тайныя религіозныя общества распространены сейчасъ въ Россіи больше, чѣмъ когда нибудь, о чемъ можно судить и по тому, на что указали вы, т. е. что подъ самымъ Петроградомъ, такъ сказать, у самой волчьей пасти, окрестныя деревни переполнены ими.

— А какъ называется ваше сообщество?

На мгновеніе мой собесѣдникъ, какъ будто, смутился, но, быстро оправившись, отвѣтилъ:

— Преслѣдователи называютъ его хлыстовщиной, мы — именуемъ себя Божьими людьми.

— Скажите откровенно, — спросила я, — это правда, что радѣнія*) заканчиваются...

— Да, правда, — перебилъ меня странникъ. — Но надо понимать, что единственной цѣлью происходящаго послѣ нихъ является не наслажденіе, какъ думаютъ наши пре-

*) Ритуальныя собранія хлыстовъ.

слѣдователи, а выжиганіе похоти. Отъ нея идетъ все зло міра, а невыгорѣвшая до тла, она подобна тлѣющей искрѣ, каждую минуту могущей выбросить пламя.

— Въ такомъ случаѣ, наиболѣе развращенные люди, прожигающіе жизнь эпикурейцы идутъ прямой дорогой къ истинѣ? — подивилась я софизму.

— Какъ можно! Богъ не проявляется въ нихъ сознательной борьбой съ дьяволомъ, ихъ цѣлью не является истина, и они только тѣшатъ создавшаго ихъ бѣса. Поэтому, износивъ похоть, они остаются безжизненными, неодухотворенными трупами и часто кончаютъ самоубійствомъ, тогда какъ мы дѣлаемся все радостнѣе. Впрочемъ, сейчасъ, когда преслѣдованіе властью духа приводитъ къ намъ все больше и больше интеллигенціи, — она пытается внести въ наше ученіе нѣкоторыя измѣненія, проповѣдуя, что убивать похоть надо не выжиганіемъ ея, а бичеваніемъ тѣла. Я не согласенъ съ этимъ, и до сихъ поръ только въ одномъ пригородномъ кораблѣ*) это новшество имѣло успѣхъ.

— Все это меня необычайно интересуетъ, тѣмъ болѣе что идея вашего сообщества является такой же свѣтлой, какъ и большинство религіозныхъ ученій, — сказала я. — Я уже бывала на собраніяхъ пашковцевъ**), а теперь мнѣ бы хотѣлось побывать и на вашихъ, чтобы лучше ознакомиться съ ея проведеніемъ въ жизнь и, — покривила я душой, — если это меня удовлетворитъ, стать членомъ вашего корабля.

Странникъ, казалось, только и ждалъ отъ меня такого заявленія.

— Я могу проводить васъ на одно изъ нашихъ ближайшихъ собраній, — отвѣтилъ онъ съ готовностью, — но, конечно, при условіи, что вы никому, даже своимъ близкимъ, не станете разглашать о видѣнномъ и слы-

---

*) Отдѣльныя хлыстовскія общины.

**) Тамъ мнѣ удалось побывать еще задолго до революціи, послѣ которой этой, преимущественно городской, сектѣ, пришлось укрываться отъ преслѣдованій въ подпольѣ — еще больше, чѣмъ хлыстамъ.

шанномъ. Если наше сообщество дастъ вашей душѣ то, что вы ищете, вы заявите объ этомъ мнѣ, тамъ же, на собраніи, чтобы принять активное участіе въ радѣніи до конца, — если захотите остаться только зрительницей, чтобы потомъ обдумать ваше рѣшеніе, вамъ придется покинуть насъ тотчасъ же послѣ „верченій".

Я, конечно, дала клятвенное обѣщаніе, какое бы впечатлѣніе ни произвело на меня видѣнное, не выдавать организаціи и, заявивъ, что въ первый свой визитъ ограничусь лишь ознакомленіемъ съ обрядностями сообщества, не принимая „активнаго участія" въ его таинствахъ, — черезъ два дня уже шла съ моимъ провожатымъ къ расположенной въ семи верстахъ отъ Павловска деревнѣ.

Погода была ужасная: проливной дождь сопровождался рѣзкимъ сѣвернымъ вѣтромъ, ноги тонули въ непролазной грязи немощеныхъ сельскихъ дорогъ, что не мѣшало, однако, моему спутнику, въ пути, знакомить меня съ главными дѣйствующими лицами „сообщества" и поучать какъ слѣдовало мнѣ держаться, дабы не уронить себя въ ихъ глазахъ.

Изъ разсказа я узнала, что, послѣ недавно умершаго „кормщика"*), онъ былъ избранъ его замѣстителемъ, и сейчасъ является въ сообществѣ лицомъ, которому безпрекословно повинуются всѣ его члены; что радѣнія происходятъ въ помѣщеніяхъ наиболѣе гарантированныхъ условіями отъ какихъ либо инцидентовъ, что „богородица"**) стала послѣднее время хворать, и ей подыскивается замѣстительница, и что было бы крайне желательно добыть таковую изъ интеллигентной среды...

---

*) Мѣстный начальникъ „корабля".
**) Главное дѣйствующее лицо „корабля".

XLI
ВЪ ГОСТЯХЪ У ХЛЫСТОВЪ

Когда мы явились на собраніе, большая чистая изба была уже полна народа. И женщины и мужчины, одѣтые въ бѣлыя, похожія на саваны, одежды, скромно стояли по сторонамъ комнаты, отдѣленные другъ отъ друга узкимъ проходомъ.

При входѣ мы были встрѣчены хозяиномъ, пожилымъ благообразнымъ мужикомъ, привѣтствовавшимъ насъ глубокимъ поклономъ и, на наши слова: „миръ дому сему", отвѣтившимъ, вмѣстѣ съ наполнявшимъ комнату обществомъ: „съ миромъ путешествуемъ"*).

Послѣ этого намъ дали такіе же бѣлые саваны, какъ на другихъ, и, когда я заняла мѣсто среди женщинъ, а мой спутникъ сталъ между радѣльщиками, начался ритуалъ.

По началу онъ состоялъ изъ произносимыхъ нараспѣвъ, совмѣстно съ „кормщикомъ", нескладныхъ стиховъ, въ которыхъ мелькало имя Іисуса, „Христосика", и которыхъ я не имѣла возможности записать, дабы не смутить этимъ присутствовавшихъ. Запомнилось мнѣ лишь нѣсколько отрывочныхъ строкъ, выкрикиваемыхъ смѣнившей кормщика „богородицей".

Это была довольно миловидная женщина лѣтъ 35-ти съ очень блѣднымъ изможденнымъ лицомъ, черными блестящими глазами и распущенными черными волосами, одѣтая такъ же, какъ и всѣ, въ длинную бѣлую сорочку и бѣлые чулки. Она медленно вышла изъ дверей и, постоявъ мгновеніе передъ радѣльщиками, стала вертѣться на одномъ мѣстѣ, сперва негромко, а затѣмъ все изступленнѣе, напѣвая на какой то плясовой мотивъ:

Бѣсы, бѣсы, бѣсенята, изыдите изъ меня,
Я горю, горю, сгораю, отъ бѣсовскаго огня.
Іcусикъ... Іcусикъ... гони, гони.
Жгутъ, ой жгутъ меня ихъ... огни.

---

*) Обычный у хлыстовъ отвѣтъ на привѣтствіе.

И потомъ, уже въ концѣ:

Скорѣй, скорѣй... Горю, горю...
Ой, изыди... изыди, горю, горю...
Тебѣ, Іусикъ, молитву творю.

Двѣ послѣднія строки подхватывались и остальными присутствовавшими.

Я смотрѣла на вертѣвшуюся на правой ногѣ вокругъ себя, все болѣе и болѣе учащавшимся темпомъ, „богородицу“ до тѣхъ поръ, пока головокруженіе не вынудило меня отвести отъ нея глаза.

А „богородица“, выкрикнувъ, уже съ какимъ то визгомъ, еще нѣсколько фразъ, упала, и ее унесли.

Послѣ этого началось общее „верченіе“. Одинъ за другимъ отходили къ срединѣ избы мужчины и женщины и, смѣшавшись въ одну толпу, кружились такъ же, какъ и „богородица“, сопровождая свои движенія такими же изступленными выкриками и хлопаньемъ себя по ногамъ.

Однако, я уже не могла больше смотрѣть на эту вакхическую пляску: мнѣ казалось, что подъ ногами моими кружится полъ, передъ глазами не только люди, но и стѣны.

Это дѣйствительно былъ „корабль“ во время килевой качки; я чувствовала, что ноги мои подкашиваются, сознаніе меркнетъ, и закрыла глаза...

— Пойдемте, сейчасъ начнется главное радѣніе. Вѣдь вы останетесь? — раздался въ эту минуту, у моего уха, шопотъ кормщика, до этого кружившагося вмѣстѣ съ другими.

— Нѣтъ, нѣтъ. Ради Бога выведите меня на воздухъ... мнѣ дурно. Въ другой разъ.

Онъ подхватилъ меня подъ руку и, шатаясь какъ пьяная, я направилась съ нимъ, вдоль стѣны, къ дверямъ.

Только очутившись во дворѣ, я немного пришла въ себя.

Еще наканунѣ мы уговорились съ моимъ провожатымъ, что, въ случаѣ я не стану „радѣть“, онъ устроитъ меня на ночлегъ въ сосѣдней избѣ, и теперь я направи-

лась туда, въ сопровожденіи ожидавшей у выхода женщины.

Но ни ужинать, ни лечь въ приготовленную мнѣ постель я не могла, ибо въ глазахъ моихъ и головѣ все еще продолжалось „верченіе“, и я чувствовала себя совершенно опьяненной.

— Ну, какое же впечатлѣніе произвело на васъ сообщество? Думаете вы стать послѣдовательницей нашего ученія? — спросилъ меня странникъ на другой день, когда мы возвращались въ Павловскъ.

— Меня поражаетъ, — не отвѣчая на вопросъ, сказала я, — какъ можно не умереть отъ разрыва сердца во время этихъ круженій и быть послѣ нихъ такимъ бодрымъ, какъ вы. Вѣроятно члены вашего сообщества отличаются завиднымъ здоровьемъ?

— Нисколько. Это побѣда духа надъ тѣломъ. Я вамъ говорилъ: послѣ радѣній въ насъ воскресаетъ Богъ, поправшій дьявольскую власть.

Убѣжденный тонъ моего спутника заставилъ меня, невольно, вглядѣться въ него пристальнѣе и подумать, что и здѣсь дѣйствуетъ „гипнозъ“, разъ такой интеллигентный человѣкъ можетъ говорить это серьезно.

Къ сожалѣнію, въ дальнѣйшемъ, мнѣ не пришлось больше присутствовать на собраніяхъ хлыстовъ. Какъ ни добивалась я возможности посѣтить еще радѣніе того сообщества, гдѣ „выжиганіе“ страстей смѣнилось самоистязаніемъ — мнѣ это не удалось. Оскорбленный моимъ промедленіемъ странникъ заявилъ:

— До тѣхъ поръ, пока вы не сдѣлаетесь членомъ нашего сообщества и не примете активнаго участія въ радѣніи, мнѣ уже неудобно будетъ приводить васъ на собранія. Съ тѣмъ же кораблемъ, гдѣ радѣнія измѣнены, я не имѣю связей.

Наступившая осень окончательно оборвала наше знакомство, а на слѣдующее лѣто странникъ, завидѣвъ меня, еще издали, демонстративно сворачивалъ съ дороги, очевидно не желая со мной встрѣчаться.

XLII
„ИНСТИТУТЪ ВИСѢЛЬНИКОВЪ"

Въ началѣ 26-го года, т. е. на десятый послѣ переворота, воскреснымъ днемъ, мнѣ пришлось побывать у знакомаго рабочаго, живущаго на одной изъ окраинъ Петрограда.

Послѣ обѣда, зная, что я интересуюсь совѣтскимъ бытомъ, онъ предложилъ мнѣ выйти на улицу „посидѣть".

Всюду — обычныя для свободнаго дня картины: у воротъ — импровизированные клубы, съ возрожденными Нэпомъ и продолжившими существованіе и послѣ него дворниками и населяющей домъ бѣднотой, среди которой видны и мѣстные „диктаторы" — Управдомъ и секретарь жилтоварищества.

Но не слышно смѣха, не видно улыбокъ на озабоченныхъ, сумрачныхъ лицахъ.

За „лусканьемъ сѣмечекъ" степенно и дѣловито обсуждаются вопросы объ исчезновеніи и вздорожаніи продуктовъ, о голодѣ, объ отсутствіи одежды и обуви; попутно сообщаются новости.

Послѣ ухода коммуниста-Управдома, языки развязываются.

— Колька то Ереминъ, слышь, въ партію вошелъ... — прибавляется не принятое въ обществѣ выраженіе.

— Чего лаешься? Самъ, рази, подъ краснымъ знаменемъ не ходишь?

— Пойдешь, коли заставятъ.

— И партійцемъ задѣлаешься, коли съ голоду подыхаешь.

— Тамъ дѣло иное. Всетаки въ родѣ, какъ присягу имъ пріймаешь, подъ одну крышу съ ими становишься.

Въ разговоръ вмѣшивается пожилая баба.

— Скажи, какой преподобный выискался! Видно еще брюхо мало подвело, настоящаго голоду не видалъ. Погоди, дойдетъ и до тебя чередъ, другое запоешь.

Посреди улицы и во дворѣ играютъ дѣти.

Дѣтей, въ прежнемъ смыслѣ слова, въ СССР не су-

ществуетъ ни въ какомъ кругу, а ихъ игры и понятія уравнены бытомъ и воспитаніемъ.

Это — или „сознательные“ — піонеры и комсомольцы, головы которыхъ перегружены специфически коммунистической мудростью, или хулиганствующіе, рѣзвости и восклицаніямъ которыхъ дивятся даже проѣзжающіе мимо извозчики, какъ извѣстно, въ выраженіяхъ не стѣсняющіеся.

Съ блѣдными лицами, съ папиросками въ зубахъ, эти „совѣтскіе граждане“ въ возрастѣ 7-16 лѣтъ, какъ бы гордятся своимъ озорствомъ и возмущеніемъ, которое они вызываютъ у прохожихъ.

Способы развлеченій зависятъ отъ степени культурности играющихъ, но, во всѣхъ случаяхъ, излюбленными играми являются „въ грабители“ и „въ войну красныхъ съ бѣлыми“ или „съ англичанами“.

Если играютъ во дворѣ, то „налетчики“ врываются въ квартиру, которую изображаетъ черная лѣстница, и „грабитель“ убиваетъ всѣхъ жильцовъ, если ареной дѣйствія служитъ ему улица, онъ нападаетъ на прохожаго и, раньше чѣмъ „убить“, раздѣваетъ его.

За „убійцей“ образуется погоня и, настигнувъ, расправляется самосудомъ.

Въ „войнѣ бѣлыхъ съ красными“ видную роль играютъ шпіоны, къ которымъ, при поимкѣ, примѣняются пытки.

Какое воспитательное значеніе имѣютъ подобныя игры, такъ ярко отражающіе совѣтскій бытъ и нравы — говорить конечно излишне.

Разбой въ почетѣ; возведенный въ идеалъ, образъ разбойника Стеньки Разина плѣняетъ дѣтское и юношеское воображеніе, ему, какъ народному герою, воздвигаются памятники, его именемъ называются заводы и улицы*), невѣдомыми авторами сочиняются, а дѣтьми на улицахъ распѣваются пѣсенки въ родѣ:

*) Бывшій пивоваренный заводъ Калинкина, Эстляндская улица и т. п.

Былъ великій Стенька Разинъ,
Какъ и мы, душою красенъ;
Къ бѣднякамъ горѣлъ любовью,
Упился кулацкой кровью.

Или:

Военная пѣсенка

Свѣтитъ красная звѣзда
На деревни, города,
Тра-та, тра-та, тра-та, та,
Свѣтитъ красная звѣзда.
Украшаютъ намъ знамена
Ни святые, ни корона,
Тра-та, тра-та, тра-та, та.
И т. д.
Не спасетъ и аллилуйя
Евопейскаго буржуя,
Тра-та, и т. д.
Міръ покроемъ мы тѣлами
Что пурпурными коврами,
Тра-та, и т. д.
Мы своихъ ужъ перебили,
Въ царскихъ тюрьмахъ ихъ сгноили,
Тра-та, и т. д.
Кто идетъ не съ нами въ ногу,
Всѣхъ отправимъ въ рай мы, къ Богу,
Тра-та, и т. д.

Зачѣмъ учиться и работать, когда можно жить привольной, полной приключеній, жизнью, убивая и грабя „буржуевъ“ и „кулаковъ“, и даже удѣляя часть награбленнаго пролетаріату.

Вотъ слышанный мною лично разговоръ двухъ піонеровъ, сыновей рабочихъ Экспедиціи, у одного изъ которыхъ въ рукахъ книжка о Стенькѣ Разинѣ.

— Послѣ, когда выросту, Стенькой Разинымъ задѣлаюсь.

— Какъ?...

На лицѣ товарища, услышавшаго о такихъ блестящихъ перспективахъ, изумленіе и восторгъ.

— Да такъ: кулаковъ убивать буду, а наберу у ихъ добра, ероπланъ куплю, Добролету пожертвую и самъ на емъ летать буду.

Я вмѣшалась въ разговоръ, указавъ, что Стенька убивалъ не только кулаковъ, но и ни въ чемъ неповинныхъ людей, на что мальчикъ, съ сознаніемъ своего превосходства, надъ непонимающей простыхъ истинъ, отвѣтилъ:

— Эка важность, однимъ поменьше, однимъ побольше на свѣтѣ будетъ. Не попадайся подъ руку.

Въ другой разъ, въ Отдѣлъ зашла со своимъ десятилѣтнимъ мальчикомъ мѣстная агитаторша, изъ работчихъ, молодая красивая женщина, очень симпатичная и веселая.

— Ну чѣмъ же ты будешь, Петя, когда вырастешь? — спросилъ мальчика завѣдывающій.

— Кончу ученіе, пойду въ агитшколу, а потомъ заграницу, агитировать въ капиталистическихъ арміяхъ и на фабрикахъ, — серьезно и не безъ важности, отвѣтилъ мальчикъ.

— Развѣ это такъ интересно? — спросила я. — Можетъ быть, когда вырастешь, ты захочешь быть художникомъ или музыкантомъ, будешь играть здѣсь въ оркестрѣ, какъ товарищъ Степановъ (предсѣдатель Фабкома), или въ государственномъ театрѣ.

— Ну-у, музыкантомъ!.. Чего мнѣ въ емъ хорошаго, — пренебрежительно отвѣтилъ мальчикъ. — Тамъ переодѣваться придется постоянно въ разную одёжу, бороду и усы наклеивать, — уже съ дѣтскимъ оживленіемъ сталъ описывать онъ перспективы своей будущей дѣятельности. — Револьверы тоже настоящіе будутъ, въ каждомъ карманѣ по штукѣ. Форму надѣну ихнихъ солдатъ, будто ихній братъ французъ, либо англичанинъ, либо нѣмецъ.

Авантюристическій характеръ дѣятельности большевицкихъ агентовъ захватываетъ дѣтское воображеніе еще больше, чѣмъ разбойничьи похожденія, а „новая“ мораль прививается не только въ школѣ и въ комсомолѣ, вступленіе въ который обязательно для желаю-

щихъ попасть въ Вузы, но ею пропитанъ весь окружающій бытъ.

Если присоединить къ этому тѣ „познанія“, которыя, за пятачокъ, въ изобиліи преподаются совѣтской прессой всѣмъ грамотнымъ, не исключая и зачитывающихся газетами дѣтей, — то картина получится заслуживающей вниманія.

— А вотъ Сѣчинскій въ банкѣ, — выкрикиваетъ, на вербномъ торгу, худенькій мальчикъ, лѣтъ девяти, протягивая прохожимъ стеклянную колбочку съ фигуркой „чортика“.

— Кто это Сѣчинскій? — спрашиваю я, изумленная слышаннымъ.

— Не знаете развѣ? Садистъ Гурвичъ, что судили недавно и прозвали Сѣчинскимъ.

И маленькій продавецъ обстоятельно разсказываетъ мнѣ, болѣе чѣмъ пикантныя, подробности сенсаціоннаго процесса о притонахъ разврата.

Неблагопріятно вліяющее на тиражъ однообразіе совѣтскихъ газетъ заставляетъ государство прибѣгать, для привлеченія читателей, къ печатанію безчисленныхъ, изобилующихъ нецензурными деталями, процессовъ, поучительныхъ не только для молодежи и дѣтей, но, иногда, и для взрослыхъ.

Зато, въ такіе дни, газеты нарасхватъ, народъ „просвѣщается“, а мимоходомъ читаетъ прискучившія ему до отвращенія, „гипнотическія“ статьи о міровой революціи и гибели капитализма и громкіе посулы грядущихъ благъ, въ полученіи которыхъ онъ уже давно извѣрился, но къ которымъ, конечно, продолжаетъ неустанно стремиться.

Школьники, школьницы и піонеры декламируютъ „о буржуйномъ родителѣ“:

Себѣ удовольствіе дѣлалъ
И тѣмъ насъ на свѣтъ породилъ,
А потомъ, граждане и гражданочки,
Посадивши насъ въ эти саночки,
Сталъ еще измываться:

„Вы — говоритъ — гляди у меня, братцы...
„Я — отецъ и надъ вами воленъ,
„Мое слово для васъ законъ,
„Что захочу
„Изъ васъ скручу.
„Аминь“.

—

Маменька и папенька
Также есть у насъ,
Только нынче они стали
Намъ враждебный классъ.

Физическое воздѣйствіе на дѣтей строго преслѣдуется, и не разъ, прибѣгавшіе къ нему родители отвѣчали „за жестокость“.

Заглянулъ какъ то въ Отдѣлъ рабочій, котораго я раньше тамъ не встрѣчала.

— Ну что, закончилось твое дѣло съ сыномъ? — спросилъ завѣдывающій.

— Да. Отъ роду не судился, а теперь сыночекъ потягалъ по судамъ.

— Къ чему присудили?

— На первый разъ вынесли „порицаніе“, а въ другой, ежели опять что выйдетъ, обѣщали въ тюрьму на три мѣсяца посадить.

— Вотъ, какія нынче дѣла творятся у насъ, — обратился ко мнѣ завѣдывающій; — девятилѣтній сынишка его, — указалъ онъ на рабочаго, — сталъ бранить мать нехорошими словами...

— Ну, а я его маленько поучилъ за это, — продолжалъ рабочій; — три такихъ шлепка далъ, что онъ, поганецъ, даже голоса не подалъ. Такъ, что жъ вы думаете, слыхамши про свое право, возьми, шельмецъ, да и побѣги въ комиссаріатъ жалиться. Ну, и поволокли въ судъ. Ну, да ничего, — добавилъ онъ уже со злобой, — пущай отсижу и въ тюрьмѣ, а я его еще взгрѣю, да такъ, что помиравши будетъ помнить какъ родителей обижать.

На лицѣ „наказаннаго" отца появилось выраженіе, заставившее предполагать, что „взгрѣваніе" можетъ закончиться не тремя мѣсяцами тюрьмы, а чѣмъ нибудь и посерьезнѣе.

И такіе случаи и такія дѣти, какъ указанные, не единичны и не являются принадлежностью исключительно рабочихъ семей.

Въ домѣ моихъ знакомыхъ, гдѣ еще и донынѣ поддерживаются старыя традиціи и культивируются прежнія понятія о морали, три мальчика — 9, 12 и 15 лѣтъ. Всѣ, конечно, волей-неволей, вынуждены учиться въ совѣтскихъ школахъ.

Какъ то разговоръ съ ихъ родителями зашелъ о томъ, что приходится претерпѣвать матери въ погонѣ за продуктами.

— Я все здоровье расшатала съ этими поѣздками по деревнямъ въ морозы, но не оставлять же мнѣ ихъ голодными, — указала она на дѣтей.

— Заботиться о дѣтяхъ должна каждая мать, — отозвался вдругъ старшій мальчикъ. — А что здоровье расшатала, такъ что жъ тутъ особеннаго? Умирать когда нибудь надо, а ты уже не молоденькая, довольно пожила. Вы, старики, только мѣшаете намъ строить новую жизнь.

Въ другой семьѣ, мать, бывшая институтка, жаловалась мнѣ, что ея девятилѣтній мальчикъ:

„Разсердившись — бранитъ меня словами, которыхъ я даже не понимаю".

Въ третьемъ случаѣ, когда я, въ присутствіи четырнадцатилѣтняго сына моей знакомой стала рѣзко отзываться о большевицкой власти, она вдругъ оборвала разговоръ, а по уходѣ мальчика сказала:

— Ради Бога не говорите такъ о большевикахъ при Кокѣ, я не ручаюсь, что онъ не донесетъ на васъ. Я сама очень осторожна при немъ.

Были и такія дѣти: десятилѣтній сынъ артиста Александринскаго театра Мгеброва*), какъ разсказывалъ

---

*) Сынъ генерала Мгеброва, нынѣ коммунистъ.

мнѣ его отецъ, „былъ идейнымъ коммунистомъ, участвовалъ въ гражданской войнѣ и, убитый на фронтѣ, удостоился погребенія на плошади жертвъ революціи въ Петроградѣ“.

„Наше будущее“ — именовала дѣтей, въ данной мнѣ для „Новыхъ Искръ“ статьѣ, Лилина, но кто встрѣчался близко, въ повседневной жизни, съ этимъ „будущимъ“, тому дѣлается жутко не только за него и его родину, но и ва все человѣчество.

„Первый въ мірѣ легальный Институтъ Висѣльниковъ“ — именуютъ СССР родители, не могущіе примириться съ мыслью, что бѣгство изъ дому ихъ дѣтей въ совѣтскія учрежденія (нынѣ, особенно, въ „дѣтколхозы“) не преслѣдуется, а всячески поощряется властью пріемомъ „бѣглецовъ“ на казенное иждивеніе, что сыновей ихъ увлекаютъ не подвиги героевъ, а карьера шпіоновъ и разбойниковъ, притомъ не романтическихъ, почти всегда привнававшихъ душу, и Бога, а тѣхъ висѣльниковъ, единственной святыней которыхъ являются матеріальныя блага.

XLIII

ЕЩЕ СРЕДИ ПИСАТЕЛЕЙ

Необычайно гордящаяся созданными ею „Домами Ученыхъ“, совѣтская власть, въ дѣйствительности, подарила этимъ значительно меньше, чѣмъ взяла. Притомъ попасть въ такой „Домъ“ можно лишь по очереди, зависящей отъ соображеній коммунистическаго начальства, и, зачастую, извѣстные ученые и писатели ждутъ отдыха мѣсяцами, а родственный или знакомый, тому же начальству, дантистъ, аптекарь и другіе „работники умственнаго труда“ попадаютъ въ санаторію мгновенно.

Порядки одного изъ такихъ учрежденій описалъ, гостившій тамъ, (нынѣ находящійся въ Берлинѣ) профессоръ С.

Ты знаешь край, гдѣ властвуетъ Державинъ*),
Но не Мурза, и не царей пѣвецъ,
А кто кричитъ, что каждый будетъ равенъ,
Что прошлому неравенству конецъ.
Для избранныхъ тамъ столъ стоитъ отдѣльный,
Гдѣ потчуютъ ихъ семгою, икрой; —
Томись, мой другъ тоскою безпредѣльной:
Коль нѣтъ „руки“ ты будешь тамъ чужой.

И все же и эти избранники — также, конечно, пользовавшіеся пайками КУБУ, не получали даже приблизительно того, чѣмъ владѣли раньше, безъ затраты энергіи и времени, требовавшихся теперь на дежурства въ очередяхъ и доставку на домъ, на собственныхъ плечахъ, мѣшковъ съ мукой, сахаромъ и др. примитивными продуктами.

Но такъ какъ семейнымъ все же не хватало выдаваемаго, приходилось еще подрабатывать спекуляціей или пускаться на самыя фантастическія предпріятія.

Получавшій академическій паекъ, состоявшій лекторомъ созданнаго большевиками „Института Живого Слова“, пользовавшійся комнатой въ созданномъ ими же „Домѣ Искусствъ“**), Вл. Пястъ***) устроился было агентомъ на проценты со сдѣлокъ въ „Госпосредникѣ“. Для начала ему поручили продать корову — дѣло, по тѣмъ временамъ, выгодное, но за неопытностью продавца сорвавшееся и закончившееся, послѣ всѣхъ его хлопотъ, только тѣмъ, что надъ нимъ подсмѣивались:

---

*) Державинъ — ректоръ петроградскаго университета, коммунистъ, гостившій въ Царскосельскомъ Домѣ Отдыха одновременно съ авторомъ экспромта, обѣдалъ за отдѣльнымъ отъ другихъ столомъ и пользовался, на ихъ глазахъ, не предлагаемыми имъ деликатесами.

**) Неотапливаемый и въ лютые сѣверные морозы, и не ремонтируемый этотъ домъ принялъ такой видъ, что жить тамъ могли только тѣ, у кого не было иныхъ возможностей.

***) Повѣсился въ 1933 г.

Корова и — поэтъ... Что общаго межъ ними?
Однако же СР скрестила ихъ пути,
И много свѣтлыхъ думъ и радужныхъ мечтанiй
Будила „Машка“ въ немъ до вѣчнаго „прости“.

Объ этомъ, всегда оборванномъ и голодномъ лекторѣ совѣтскаго учрежденiя, со столь пышнымъ наименованiемъ, какой то шутникъ сказалъ:

Коммунальный Пяста видъ
Говоритъ о многомъ:
Часто ль онъ бываетъ сытъ
Въ самомъ смыслѣ строгомъ?

Иногда, „чтобы отогрѣться“ Пястъ гостилъ у насъ. Являясь по вечерамъ, когда подъѣздъ былъ уже закрытъ, онъ, по уговору со мной, стучалъ въ водосточную трубу. Зачастую стукъ этотъ улавливался не сразу, и запоздалому гостю приходилось раньше, чѣмъ „отогрѣться“, долго стоять на морозѣ.

Эту картину совѣтскаго быта я описала въ стихахъ:

Здѣсь уютно, свѣтло, печка курится,
Опьянилъ здѣсь забвенiя хмѣль,
А за окнами — темная улица,
И слѣпитъ и кружится мятель.
Бѣдный Пястъ! онъ въ трубу водосточную
Тщетно бьетъ посинѣвшей рукой,
За прогулку свою полуночную
Справедливой наказанъ судьбой.
Мирно спятъ милицейскiе красные
(Не увидѣть и днемъ ихъ нигдѣ),
Но не дремлютъ налетчики властные
И на „бумъ“ отзовутся вездѣ.
Прорубь близко... въ подводное плаванье
Пястъ уйдетъ этой ночью глухой,
И покроетъ серебрянымъ саваномъ
Вьюга гробикъ его ледяной*).

*) Самой обычной въ СССР расправой ночныхъ грабителей съ прохожими является раздѣванiе ихъ до нага и спускъ въ прорубь.

Другой голодающій поэтъ пытался издавать сборники, въ которыхъ даже малограмотные могли помѣщать свои произведенія, уплативъ ему предварительно 25 рублей, многіе кабинетные ученые давали дѣтямъ младшаго возраста уроки и т. п.*).

Неудивительно поэтому, что получаемые, за послѣдніе годы, въ подарокъ, отъ американскихъ писателей и польскихъ ученыхъ, продукты, особенно шоколадъ, радовали насъ какъ дѣтей, а погоня за лишнимъ пайкомъ приняла уже характеръ настоящей эпидеміи. Изъ за пары селедокъ, изъ за фунта крупы или сахара, пускались на всевозможныя хитрости, въ числѣ которыхъ наиболѣе распространенной являлось добываніе у знакомыхъ врачей свидѣтельства о „необходимости усиленнаго питанія". Послѣднее представлялось въ районную медицинскую комиссію, откуда выдавались жалкіе продукты — полъ фунта муки, четверть фунта леденцовъ и т. п.

Но эта необходимость быть вѣчно прикованнымъ къ низменному, физическому, въ связи со свойственными русскимъ духовными порывами „въ высь", также вліяла на психику, заставляла переоцѣнивать цѣнности и толкала, — не въ сторону коммунизма или сочувствія власти, противниками которой являлись даже самые идейные русскіе коммунисты, — а къ какому то новому, еще не выяснившемуся міровоззрѣнію. Объ этомъ можно судить по сказаннымъ на моихъ вечерахъ экспромтамъ послѣднихъ лѣтъ:

Я не синь**) и я не красенъ,
Но теперь, какъ и всегда,
Я съ обоими согласенъ,
Господа.

—

*) Въ настоящее время, какъ пишутъ мнѣ изъ Петрограда, „положеніе безъ перемѣнъ, но съ продуктами еще хуже, чѣмъ было нѣсколько лѣтъ назадъ".

**) „Бѣлъ" — авторъ не рѣшился написать даже въ своемъ кругу, гдѣ за послѣднее время, какъ и всюду, предполагалось присутствіе провокаторовъ.

Мы, словно, яблоко съ червинкою —
Не исцѣлить его врачамъ:
Сталъ коммунизмъ намъ паутинкою —
Не „здѣсь“ мы нынче и не „тамъ“.

На предложеніе писать коллективную поэму, одинъ изъ поэтовъ отвѣтилъ:

Что тутъ писать, когда чувства изъяты,
Духъ изнемогъ отъ напрасной борьбы;
Были поэты „богами“ когда то —
Нынче совѣтскіе стали рабы.

Злата я жажду, но если бы боги
Вздумали жажду мою утолить, —
Въ нашемъ совѣтскомъ раю всѣ дороги
Сводятся къ счастью: поѣсть и попить.

Конкурсную тему „Добровольный рабъ“ начали со слѣдующаго:

О рабствѣ, даже добровольномъ,
Не мало можно бы сказать,
Рабовъ и вольныхъ и невольныхъ,
Въ СССР несмѣтна рать,

Но тянетъ вольный духъ и нынѣ,
Какъ встарь, къ запретному плоду, —
А потому то о свободѣ
Въ Коммунѣ рѣчи я веду.

Вызвавшій горячіе споры, разговоръ о переходящихъ въ красный лагерь писателяхъ былъ законченъ моимъ экспромтомъ:

Было въ Красной: „по декрету,
Каждый, созданный двуногимъ,
Подчинясь вождя завѣту,
Долженъ стать четвероногимъ“.

Вольнымъ нѣтъ преградъ идеямъ —
Отросли хвосты, „что надо“,
И завились чернымъ змѣемъ
По проспектамъ Ленинграда.

Появились прибавленья
И у страждущихъ поэтовъ
И иные, въ озвѣреньи,
Стали пѣть... дѣла Совѣтовъ.

Стыдно! можно стать хвостатымъ,
Но, душою не виляя,
И въ аду, СР проклятомъ,
Жить мечтой о царствѣ рая.

А насколько мысль каждаго была прикована къ окружающему быту, насколько пронизаны имъ — какъ говорилъ мнѣ нѣкогда Воровскій — всѣ области жизни, можно судить изъ того, что даже въ экспромтахъ, вызванныхъ флиртомъ, упоминались — Коммуна, Коминтернъ и т. п.

Девять лѣтъ уже Коммуна
Ждетъ паденья капитала,
Цѣлый годъ, отъ нѣкой дамы,
Ждетъ того же дерзкій Вала*).

Но взамѣнъ побѣдъ желанныхъ
Имъ судьба дала уроки,
Покаравъ, какъ подобаетъ,
Непристойные пороки.

Стойче крѣпостей и танковъ
Осаждаемая дама:
Не берутъ ее атаки,
Нипочемъ ей волчья яма.

Нѣтъ солиднаго успѣха,
Въ темномъ дѣльцѣ, и Коммунѣ,
И попытки міръ ограбить,
До сихъ поръ, остались втуне.

И покуда Коминтерну
Снится сдача капитала,
О паденьи нѣкой дамы
Такъ же тщетно грезитъ Вала.

---

*) Валентинъ N... извѣстный драматургъ.

Рѣзкій отпоръ встрѣтило предложеніе взять темой конкурса „Le roi est mort — vive le roi!"

— Что вы, что вы! Такая тема, теперь... Прямо къ стѣнкѣ угодишь, если прослышатъ.

Да, попробуй крикнуть „vive"
Новому владыкѣ:
Вмигъ закончишь бытіе
Ты на этомъ кликѣ.

И эта связанность въ поступкахъ, въ мысляхъ, въ темахъ произведеній, боязнь провокаціи, повели къ тому, о чемъ необычайно мѣтко сказалъ на послѣднемъ, передъ моимъ отбытіемъ заграницу, вечерѣ, поэтъ Н.

Памятка о вечерѣ 6-го марта.

Къ намъ заглянула Мельпомена
И Терпсихорочка, съ огнемъ,
И ужинъ былъ въ три перемѣны,
А „богъ"... отсутствовалъ на немъ.

Его мы ждали до разсвѣта,
Уже смыкалъ намъ очи сонъ..
Но по Фонтанкѣ, ночью этой,
Промчался мимо Аполлонъ.

Въ сердцахъ смятенье и заминка...
Скажу вамъ то, что на умѣ:
Была поэтовъ вечеринка
Спектаклемъ въ каторжной тюрьмѣ.

Зато рабочіе, въ теченіе этихъ лѣтъ, настолько „окультурились", что перестали уже писать о розахъ. Въ эти дни, молодой веселый парень принесъ мнѣ „стишокъ писаный подъ Пушкина, хоть и о другомъ, чѣмъ у него. Можетъ, прочтете гдѣ на вечерѣ".

Товарищи пишутъ,
Что нынче въ Европѣ
Жизнь много хужѣе,
Чѣмъ въ царскомъ окопѣ,

Что лютый тамъ голодъ
И нѣту свободы,
Что бѣдствія терпятъ
Всесвѣтно народы.

И впрямь хоть буржуи
Толкуютъ намъ, всуе,
Что нѣтъ недохватки,
Что все тамъ въ порядкѣ,
А насъ не обманешь —
Какъ въ фильмахъ проглянешь
Ты дамочекъ*) ихнихъ,
Такъ въ разъ и увидишь,
Что все тутъ обманы —
У всѣхъ въ естествѣ ихъ
Большіе изъяны.
Хоть, правда, въ одежѣ
Не видно нехватки,
И обуви даже
Въ отличномъ порядкѣ,
А дѣвки худѣй
Мертвецовъ на погостѣ —
Подъ юбкой да светромъ
Скелетныя кости.
А ежли дѣвченки
Въ естественномъ тощи —
Что были въ старинку
Угодниковъ мощи, —
Такъ знать, что въ Европѣ
И впрямь уже гладъ,
И нынче и кости
Буржуй будетъ радъ.

Но помимо серьезныхъ причинъ вліявшихъ на психику и дѣйствія людей — были и чисто бытовыя: такъ, характеръ моихъ литературныхъ собраній не мало измѣнило присутствіе на нихъ „новой аристократіи“. Одинъ извѣстный поэтъ и не менѣе прославленный художникъ**) всегда противившіеся появленію на нашихъ вечерахъ лицъ непричастныхъ къ искусству или наукѣ, стали приводить на нихъ, въ качествѣ гостьи, жену завѣдывавшаго хлѣбозаводомъ, пролетарку, объясняя свой поступокъ тѣмъ, что она... снабжаетъ ихъ хлѣбомъ.

— Не протестуйте противъ ея появленія на нашихъ вечерахъ, вѣдь это живой совѣтскій анекдотъ, — говорили другіе.

Дѣйствительно, „аристократка“, поверхностно нахватавшись нѣкоторыхъ свѣдѣній, еще не выучилась произносить правильно не только иностранныхъ но и многихъ русскихъ словъ, и когда, въ разговорѣ объ Эпикурѣ, ей задали коварный вопросъ, согласна ли она съ его ученіемъ, отвѣтила:

*) „Дамочка“ и „что надо“ — излюбленныя выраженія петроградскихъ матросовъ и рабочихъ, послѣ революціи.

**) Въ тѣ дни очень бѣдствовавшій, а нынче хорошо обезпеченный, ибо пишетъ, для Кремля, портреты „вождей“.

— Очень даже интересное. Мнѣ одинъ нашъ заводскій инженеръ разсказывалъ объ чемъ оно. Веселый, должно быть, ученый былъ. Я, какъ узнала что въ его книгахъ написано, такъ и сама стала эпикурицей.

На это задавшій вопросъ поэтъ отвѣтилъ:

Не все намъ въ жизни хмуриться,
Огонь вѣдь не потухъ;
Вы если — эпикурица,
То я — эпипѣтухъ.

XLIV
АНТИСЕМИТИЗМЪ ВЪ СССР

Но если въ сердцахъ и умахъ царили „смятенье и заминка", а въ политическихъ вопросахъ — разногласія, была одна точка, тѣсно объединявшая всѣхъ: и обездоленные революціей и вознесенные ею, и противники коммунизма и его искренніе послѣдователи — всѣ стали, въ большей или меньшей степени, антисемитами.

„Будь я евреемъ, я ненавидѣлъ бы совѣтскую власть больше, чѣмъ всѣ ея вмѣстѣ взятые враги, — сказалъ мнѣ когда то Гумилевъ. — Продвигая ихъ, во всѣхъ областяхъ жизни, впередъ, въ ущербъ русскому населенію, она создаетъ имъ враговъ даже среди тѣхъ, для кого раньше не существовало «ни Эллина ни Іудея»".

„Только бы скорѣе обезпечить сына и потомъ бѣжать отсюда безъ оглядки, — говорилъ, занявшій, при Совѣтахъ, очень крупное мѣсто, инженеръ-еврей. — Рано или поздно, царствованіе совѣтской власти закончится, для евреевъ, погромомъ, небывалымъ еще въ лѣтописяхъ Россіи".

И такое мнѣніе высказываютъ многіе, главнымъ образомъ, евреи.

Фанатичная ненависть къ еврейству, ненависть обиды за преимущества, легкомысленно предоставляемыя евреямъ властью, какъ говорилъ Гумилевъ, „въ ущербъ русскимъ", все разрастается, и не столько даже среди

интеллигенціи, какъ въ народѣ и среди самыхъ рьяныхъ коммунистовъ.

„Ничего, — сказалъ мнѣ одинъ рабочій, по поводу того, что въ учрежденіяхъ Петрограда восемьдесятъ, а въ „Красной Газетѣ“ девяносто, процентовъ мѣстъ занято евреями, въ очередяхъ за хлѣбомъ и на биржѣ труда ихъ нѣтъ вовсе, — ничего, придетъ время, ни одного изъ Россіи живымъ не выпустимъ“.

Но краснорѣчивѣе всего говорятъ о созданныхъ совѣтской властью антисемитскихъ настроеніяхъ безчисленные частушки, загадки, анекдоты и пр.

Приведу сперва нѣсколько послѣднихъ настолько распространенныхъ въ СССР, что они дошли даже до чужбины*).

Если за столомъ сидятъ три совѣтскихъ комиссара, что будетъ подъ столомъ?

— Шесть колѣнъ израилевыхъ.

—

— Скажите пожалуйста, сколько въ коммунистической партіи евреевъ?

— Немного: такъ процентовъ 60.

— А кто остальные?

— Еврейки.

—

— Почему на бумажныхъ совѣтскихъ деньгахъ надписи на всѣхъ языкахъ, кромѣ еврейскаго?

— Это авторская скромность.

—

Старый еврей ѣдетъ въ Москву. Сосѣди пассажиры спрашиваютъ его:

— Ѣдете по коммерческому дѣлу?

— Нѣтъ, какія теперь коммерческія дѣла...

— Значитъ, хотите искать работы?

— Богъ съ вами! Мнѣ уже больше восьмидесяти лѣтъ.

---

*) Очень интересная, вышедшая въ Прагѣ, на чешскомъ языкѣ, и ярко рисующая развитіе въ Россіи антисемитизма при Совѣтахъ, книга г-жи Н. Мельниковой-Папоушекъ „СССР въ сатирѣ и юморѣ“.

— Такъ зачѣмъ же вы ѣдете?
— Хочу умереть въ обѣтованной землѣ.

—

Въ одномъ совѣтскомъ учрежденіи комиссаромъ состоитъ еврей, скрывающій свою національность изъ боязни все возрастающаго, за послѣдніе годы, въ СССР, антисемитизма. Однажды одинъ изъ подчиненныхъ обратился къ нему, назвавъ его по имени — „Исаакъ Абрамовичъ".

— Ну и что вы со мной говорите официально, когда всѣ мы здѣсь товарищи, — похлопавъ его по плечу, сказалъ комиссаръ, — называйте меня просто: „Петя".

—

Въ переполненный трамвай вошелъ инвалидъ съ больной ногой. На остановкѣ въ вагонѣ появляется комиссаръ еврей, безцеремонно толкающій публику и наступившій инвалиду на больную ногу. Тотъ вскрикнулъ и грубо оттолкнулъ его. Видѣвшій сцену, какой то рабочій подошелъ и ударилъ комиссара. Начался переполохъ, вагонъ остановили, позвали милицейскаго, и тотъ отвелъ всѣхъ въ комиссаріатъ.

— Почему вы толкнули комиссара? — спросили тамъ инвалида.

— Я — инвалидъ гражданской войны, проливалъ кровь за пролетарскую революцію, а какой то негодяй наступаетъ мнѣ на раненую ногу.

— Ну хорошо, идите домой, мы это разберемъ. А вы, гражданинъ, — обратился милицейскій къ рабочему, — почему вы ударили товарища комиссара?

— Извиняюсь, товарищъ, какъ они будутъ жиды, я думалъ, что уже начинается...

—

На каждомъ съѣздѣ, по организаціи міровой революціи, должны были присутствовать представители всевозможныхъ дикихъ народностей,

и тогда въ кулуарахъ можно было слышать такіе разговоры:

— Иди сюда, Исаакъ, я долженъ выкрасить тебя, такъ какъ сегодня ты будешь представителемъ негритянскихъ племенъ.

Одновременно кто то задалъ коварный вопросъ: почему на первомъ съѣздѣ Коммунистическаго интернаціонала не было представителя каннибаловъ.

— Потому что ни одинъ еврей не позволилъ бы проткнуть себѣ носъ и вдѣть въ него кольцо, — отвѣтили простаку товарищи.

Еще ярче, чѣмъ анекдоты, говорятъ объ антисемитизмѣ частушки и стихи:

Дали русскіе россійскому народу
Долгожданную, желанную свободу,
А пришли на Русь іудушки-жиды
И пожали той свободушки плоды.

—

Ой какъ на русской землѣ да посѣяли Гершка и Хаечка сѣмя,
А и только придетъ еще лютое, страшное время,
Будутъ дѣтки ихъ, съ сѣянцевъ красныхъ, цвѣточки сбирать,
Лютой смертью за Хайки и Гершки грѣхи помирать.

—

Сокрушался правый встарь:
„Полукровка русскій царь“,
Слѣва также несся стонъ:
„Живъ нагайкой русскій тронъ,
„Смоемъ кровью имперьялъ
„И проклятый капиталъ“.
Эти русскіе балды,
Не знававшіе бѣды,
Нынче могутъ быть горды:
Правятъ Русью не кнутомъ,
А веревкой, да ружьемъ,
Стопроцентные жиды.

—

Сколь вѣковъ землицы чаяли
Отъ Царя, отъ батюшки;
Не дождалися землицы —
Не дождались матушки.
Намъ землицу Ленинъ дали,
Задарма, за ничего,
А жиды ее отняли...
Ой и какъ бы изъ того
Да не вышло бы чего.

Мальчишки на улицѣ:

Жиды жиденки,
Красные чертенки,
Намъ на шею сѣли
Чтобъ вы околѣли.

Пародія на „Касьяна“, изъ которой мнѣ запомнились двѣ первыя строки:

Жидъ пришелъ къ намъ и не прошенъ и не званъ,
Нашей кровью русской нынче сытъ и пьянъ.

Съ Украины, гдѣ я имѣла много знакомыхъ — буквально погибавшихъ отъ голода и отсутствія обуви — мнѣ привезли „Новыя украинскія пѣсни“:

Ненько рідна Украïна
Що з тобой зробили,
По твоïм степям безмежним
Тільки й є — могили.
Де твоï отари буйні?..
Де ви рідни хати?..
Їх в твоєй руді святоï
Утопили каті.
Стогне Мати Украïна,
Гине під жидами...
Ой, ратуйте нашу Неньку
Хто за Неï з нами.

—

О ще прийде, ще прийде і наша година,
І за муки, за смерть своїх вірних синів
Призове ще на грізний свій суд Україна
І червоних і білих жидів.
Ті, хто бачив, як пухнуть од голоду діти
Та старенького батька ведуть на розстріл,
Як над ними кричала та плакала мати —
Не забудуть жидівських тих діл.
І коли вона прийде, та, наша, година,
Їх згадають і наші червоні пани
І що скаже тоді їм на те Україна,
То від Неї пізнають вони.

Я поинтересовалась нынѣшнимъ отношеніемъ украинцевъ къ „москалямъ“.

— О прошломъ вспоминаютъ безъ злобы, но не могутъ простить русскому народу, что своей пассивностью допустилъ овладѣть евреямъ Россіей и Украиной. Говорятъ:

„Як би у нас було тоді своє регулярне військо, не бачить би жидам ни Росії ни України. Самі попали до жидівського тягла й нас у нього запрягли“.

Съ комиссаромъ мнѣ никогда не приходилось говорить о евреяхъ, отчасти потому, что вопросомъ этимъ я не интересовалась, а также изъ опасенія, чтобы онъ, какъ еврей, не усмотрѣлъ въ моихъ словахъ какого либо намека.

Но однажды, пріобрѣвъ на толкучкѣ брошюру съ біографіей Ленина, въ которой указывалось, что, со стороны матери, въ „Ильичѣ“ еврейская кровь, я рѣшила спросить комиссара такъ ли это.

— Съ какихъ это поръ вы стали антисемиткой? — вдругъ вспыхнувъ спросилъ онъ. — Мнѣ извѣстно, что до революціи вы, наряду съ другими, приглашали работать въ свои изданія и евреевъ, что и сейчасъ на вашихъ литературныхъ вечерахъ помимо русскихъ, бываютъ писатели евреи, отчего же вы стали вдругъ придавать такое значеніе національности? Что, разговаривая со мной, вы думаете: „этотъ плебей“ — я въ

этомъ не сомнѣвался никогда, но съ этимъ женщины вашего класса еще могутъ мириться изъ любопытства къ такому звѣрю, а что вы, съ брезгливостью, прибавляете къ этому еще и „этотъ жидъ“, — нервно выкрикнулъ комиссаръ, вскакивая, — этого я не думалъ!

— Но изъ чего вы могли заключить все это? — удивленная неожиданной вспышкой, спросила я. — Просто мнѣ показалось неправдоподобнымъ, что Ленинъ изъ евреевъ, и я хотѣла узнать правда ли это.

— Допустимъ, что правда, такъ что же изъ этого?.. Развѣ это порокъ?.. Развѣ нѣсколько капель еврейской крови помѣшали ему родиться геніальнымъ или уменьшили его заслуги передъ человѣчествомъ? Если бы вы прочли въ этой брошюрѣ, что мать его была француженкой или нѣмкой, вы, конечно, не стали бы спрашивать меня объ этомъ.

— Ошибаетесь: спросила бы такъ же, какъ и теперь, потому что меня интересуетъ чистокровный ли онъ русскій или нѣтъ.

— Опять національность!.. Не все ли равно какой народъ далъ такого генія, важно, что онъ — геній.

Я промолчала, и комиссаръ продолжалъ.

— Вы, конечно, придаете значеніе и тому, что совѣтское правительство состоитъ, главнымъ образомъ, изъ евреевъ, не принимая во вниманіе, что это вполнѣ естественно, такъ какъ это все люди, которымъ Россія обязана своимъ освобожденіемъ отъ цѣпей прежняго режима. Не ставить же намъ, во главѣ Союза, да еще сейчасъ, когда мы окружены врагами, людей не закаленныхъ въ борьбѣ только потому, что они не евреи. Мы должны думать о революціи.

— Не знаю какъ отразилось бы это на революціи, но для евреевъ, въ ихъ массѣ, несомнѣнно, это было бы полезнѣе, такъ какъ не порождало бы въ народѣ антисемитизма, — замѣтила я.

Комиссаръ съ удивленіемъ и благосклонно взглянулъ на меня.

— Какъ вы додумались до этого?.. Удивительно! Вопросъ объ этомъ обсуждался на дняхъ на нашемъ со-

вѣтѣ и привелъ къ рѣшенію поставить во главѣ совѣтскаго правительства вождей — конечно фиктивныхъ — другихъ національностей.

— Русскихъ?

— Частью русскихъ, а, главнымъ образомъ, инородцевъ, потому что намъ необходимо ладить съ населеніемъ, окружающихъ внутреннія территоріи Союза, окраинъ. За центръ мы можемъ быть спокойны.

XLV

„ХМЕЛЬНЫЙ БРЕДЪ" ИЛИ... ИСТИНА?

Еще въ дни открытія Экспедиціей литературной студіи, я получила отъ комиссара печати распоряженіе представлять ему программы происходящихъ въ ней занятій, а также устраиваемыхъ мною, гдѣ бы то ни было, а особенно на фабрикахъ — литературныхъ вечеровъ.

Однажды, въ годовщину основанія „Красной Газеты"*), отмѣченную цѣлымъ рядомъ торжественныхъ партійныхъ собраній, безплатными спектаклями для рабочихъ и другими празднествами, — я должна была предъявить ему на просмотръ одну изъ такихъ программъ.

Но утромъ комиссаръ предупредилъ меня по телефону, что днемъ будетъ очень занятъ, а вечеромъ утомленъ, и поэтому лучше заѣхать къ нему дня черезъ два.

Такъ какъ окончательно программа еще не была выяснена, довольная отсрочкой, я направилась къ знакомой балеринѣ, чтобы пригласить ее участвовать въ вечерѣ. У нея мнѣ сказали, что она уѣхала въ театръ и вернется со спектакля не ранѣе полуночи.

— Самое лучшее, если вы заѣдете такъ, около одиннадцати съ половиной. Если еще не будетъ, вы подождете, — посовѣтовала ея мать.

Тогда, какъ я уже говорила, дни артистокъ были заполнены мелочами жизни не меньше, чѣмъ другихъ

*) Редакторомъ которой онъ продолжалъ состоять, какъ говорилъ мнѣ, „по партійнымъ соображеніямъ" уже негласно.

„гражданъ“, и поздніе визиты къ нимъ не являлись исключеніемъ.

Но явившись въ назначенное время, я услыхала, что балерина телефонировала о неожиданномъ приглашеніи ея на вечеръ и вернется не ранѣе утра.

Раздосадованная неудачей, я уже спускалась съ лѣстницы, когда внизу послышался звукъ открываемой двери, смѣхъ и голоса, въ одномъ изъ которыхъ я узнала голосъ балерины. Когда же на поворотѣ мы встрѣтились, я невольно остановилась, изумленная представившейся картиной. На лѣстницу, цѣпляясь за перила и поддерживаемый своей спутницей, всходилъ комиссаръ печати. Онъ былъ въ состояніи такого опьянѣнія, что балеринѣ приходилось буквально тащить его за собой.

Встрѣтившись со мной лицомъ къ лицу, она въ первый моментъ смутилась, но, услыхавъ, что привело меня къ ней въ такой поздній часъ, обрадовалась и попросила зайти, чтобы переговорить объ условіяхъ выступленія.

— Вы, конечно, знакомы съ сегодняшнимъ именинникомъ, — смѣясь, указала она на комиссара. — Чокаясь сегодня со всѣми поздравлявшими его, онъ еще рѣшился послѣ этого провожать меня.

Комиссаръ, повидимому, только сейчасъ уразумѣвъ въ чемъ дѣло, пробормоталъ что то невнятное, и черезъ минуту мы входили въ столовую артистки.

— Вы подождите минутку, пока я переодѣнусь, — обратилась она ко мнѣ. — Можетъ быть, поужинаете съ нами — я быстро.

Она ушла, а мы заняли мѣста за столомъ, накрытымъ на два прибора и уставленнымъ закусками и винами.

— Какъ вы... сюда... попали? — наливая рюмку вина, спросилъ комиссаръ заплетающимся языкомъ.

— Я пришла пригласить М. М. выступить на вечерѣ въ Новгородѣ, куда мы собираемся ѣхать... А вы, повидимому, сегодня очень веселились?

— Да. Было очень... торжественно... За ... за ... мѣ ... чательно!.. Энтузіазмъ... исключительный...

И, со свойственнымъ хмѣльнымъ хвастовствомъ, ко-

миссаръ сталъ говорить сперва о празднествѣ, затѣмъ о томъ, какъ торжественно чествовали его лично и, наконецъ, какъ всегда, о могуществѣ совѣтскаго Союза.

Красное, возбужденное лицо, безсвязная, спотыкающаяся рѣчь, и невѣрныя движенія руки, подносившей ко рту уже вторую рюмку, все говорило, что выпавшія на долю виновника торжества почести совершенно вскружили ему голову.

— Мы сейчасъ... самая могу... могуще-ствен-на-я органи-за ... ція... въ мірѣ. Пусть... попробуютъ теперь... выступать...

— Какое же это могущество, если ваша партія такъ малочисленна.

— Причемъ... партія ?.. Мы не партія, — обидѣлся комиссаръ, — мы... міровая... органи ... органи ... зація... Ну, вы не понимаете... Мі ... ро ... вая !.. Могу ... могуще ... ствен ... нѣ ...е всѣхъ ди ... дикта ... торовъ...

— Но вѣдь, и она управляется диктаторами — Ленинымъ, Сталинымъ...

— Ди-кта-то-ра-ми !... — иронически протянулъ комиссаръ. Они... ни при чемъ... Ленинъ... Сталинъ... паяцы !.. Правитъ міровая органи-ни-зація... Міро... вая.

Это было что то новое, и вспомнивъ пословицу: „что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ“, — я насторожилась.

— Однако, вы, партійцы, безпрекословно повинуетесь имъ, они ваши властелины и повелители, вольные въ вашей жизни и смерти.

— Ни ... ничего подобнаго ! — разсердился комиссаръ. — Директи ... вамъ ... директивамъ... тайнаго Совѣта, а не... а не имъ...

— Но, вѣдь, и въ Совѣтѣ все рѣшается однимъ лицомъ?

— Ничего... подобнаго !.. Почему однимъ, когда насъ тамъ, — и, загибая пальцы, комиссаръ началъ считать. — Апфель — разъ.

— Кто это Апфель?

— Зиновьевъ... Мы его... называемъ... такъ... Апфель

— разъ, Троцкій — два, я — вмѣсто... Володарскаго, Каменевъ — три...

— Четыре, — поправила я.

— Да, четыре. Потомъ Анатолій Луначарскій... Потомъ...

— Потомъ Лилина, — подсказала я.

— Ничего... подобнаго!.. Въ Совѣтѣ... нѣтъ... женщинъ.

— А Коллонтай?

— Ничего подобнаго!.. Мы не дураки.

— А кто еще?

— Былъ Урицкій... Свердловъ...

— А еще?

— Въ Совѣтѣ больше... никого.

— А вотъ, если Европа выступитъ противъ васъ, тогда и вашъ Совѣтъ ничего не придумаетъ.

— Европа не... вы-сту-питъ... Европа... это — мы... Все-могущіе и... вез...дѣ-сущіе... Какъ вашъ... старый Богъ... Третій интернаціоналъ... европейское... масонство.

— Это вы то масоны? Никогда не повѣрю. Во первыхъ, — масонство всѣхъ странъ, почти сплошь, состоитъ изъ аристократіи...

— Мы — другое... Не то. При Александрѣ... первомъ... отдѣлилось революціонное, а тѣ... другіе, не серьезно... Не кон-куренты... на міровое... господство.

— Не повѣрю, пока не докажете, — продолжала я подзадаривать комиссара. — Ну, конечно, не можете доказать.

— До... до-ка-жу.

Съ этими словами комиссаръ досталъ изъ кармана бумажникъ, а изъ него похожій на пергаментъ листъ. Но только что онъ хотѣлъ развернуть его, какъ вошла балерина.

Повидимому, ея приходъ разомъ подѣйствовалъ на моего собесѣдника отрезвляюще. Онъ посмотрѣлъ на нее, потомъ на меня, и быстро спряталъ бумагу обратно въ бумажникъ.

— Что это у васъ? — поинтересовалась балерина.

— Декретъ... одинъ... о печати... Хотѣлъ показать, — пробормоталъ комиссаръ, настолько вдругъ отрезвѣвшій, какъ это бываетъ съ пьянымъ лишь при какой либо внезапной опасности.

Я переговорила съ балериной объ условіяхъ ея выступленія и, не оставшись ужинать, поторопилась домой, раздумывая о странности слышаннаго и сожалѣя, что не удалось выяснить, является ли оно плодомъ насыщенной алкоголемъ фантазіи комиссара, или истиной. На другой день, раннимъ утромъ, мнѣ доложили, что комиссаръ телефонировалъ, чтобы я пріѣхала въ комиссаріатъ „сегодня въ 4 часа".

— Я, кажется, говорилъ вамъ вчера что то абсурдное, — утрированно-внимательно разглядывая разрѣзальный ножъ, встрѣтилъ онъ меня, — такъ я прошу васъ забыть объ этомъ хмельномъ бредѣ, и никогда, никому не передавать его... Помните, что *для васъ* нескромность можетъ имѣть, въ данномъ случаѣ, больше, чѣмъ непріятныя, послѣдствія. Вчера вы ничего не видѣли, а главное — не слышали.

— О-о-о, это такъ серьезно? — попробовала я пошутить, — но комиссаръ, еще неслыханнымъ мной до сихъ поръ офиціальнымъ тономъ, подчеркивая первыя два слова, повторилъ:

— *Для васъ* серьезнѣе, чѣмъ вы думаете: прошу никогда не упоминать объ этомъ, даже въ разговорѣ со мной.

Какъ и слѣдовало ожидать, экстреннымъ вызовомъ меня въ комиссаріатъ, своимъ замѣшательствомъ и увѣреніями, что говорилъ вчера „что то абсурдное" — комиссаръ добился обратнаго.

То, къ чему наканунѣ, невзирая на искренность его тона, я отнеслась несерьезно, теперь заставило меня задуматься надъ происшедшимъ, и съ этихъ поръ уже невольно оцѣнивать дѣйствія власти съ точки зрѣнія слышаннаго отъ одного изъ ея членовъ — „негласныхъ", но наиболѣе активныхъ, въ смыслѣ насажденія міровой революціи.

XLVI
ШПІОНАЖЪ И ПРОВОКАЦІЯ

Когда меня спрашиваютъ, почему я, стоявшая въ хорошихъ матеріальныхъ условіяхъ, покинула Россію, я отвѣчаю:

Потому что въ СССР надо забыть о личной инціативѣ; потому что энергію тамъ можно примѣнять лишь такъ и съ такимъ же смысломъ, какъ примѣняетъ ее бѣлка въ колесѣ; затѣмъ, что каждую минуту тамъ можно безвинно попасть въ тюрьму или „къ стѣнкѣ", а главное оттого, что нельзя никому, включая и близкихъ, вѣрить.

Шпіонажъ и провокація стали явленіемъ столь обыденнымъ, узаконеннымъ подающей примѣръ въ авантюрахъ, въ стилѣ Рокамболя, властью, что даже близкіе люди начинаютъ относиться другъ къ другу съ подозрѣніемъ.

Примѣровъ достаточно.

Въ анкетахъ, заполняющихся отъѣзжающими заграницу, есть помѣтка:

> „Въ справкѣ, представляемой служащими Государственныхъ учрежденій о неимѣніи препятствій къ выѣзду за границу, должно быть указано отношеніе выѣзжающаго *къ секретной перепискѣ* учрежденія".

Предсѣдатель Правленія Сѣвзапторга, бывшій глава петроградскаго ГПУ, Байковъ, тотчасъ по вступленіи въ свои новыя обязанности, распорядился повѣсить въ этомъ учрежденіи ящикъ съ надписью:

„Для анонимныхъ доносовъ".

По этому случаю, однимъ изъ служащихъ было написано стихотвореніе, въ которомъ о Байковѣ говорилось:

Былъ товарищъ онъ миляга,
И для общаго соцблага
Вздумалъ тотчасъ Сѣвзапторгъ
Обратить онъ также въ моргъ.

Однажды, нуждаясь въ прислугѣ, я взяла присланную мнѣ Управдомомъ „лично извѣстную" ему дѣвушку. Рекомендація была прекрасная, ибо Управдомъ былъ человѣкъ и до сихъ поръ еще, какъ будто, приличный; я не могла нахвалиться своей новой прислугой, но черезъ недѣлю, вернувшись домой послѣ получасовой прогулки, застала всѣ двери въ квартирѣ раскрытыми, а ее отсутствующей. Убѣжденная, что снова стала жертвой грабежа, я прошла по комнатамъ и, къ удивленію своему, нашла все въ полномъ порядкѣ. Открытъ былъ только книжный шкафъ, куда я имѣла обыкновеніе прятать письма, и взломанъ, повидимому, топоромъ, старинный, екатерининскихъ временъ, письменный столъ, причиной взлома котораго явилась невозможность открыть особой системы затворы.

Мое предположеніе, что воры искали денегъ или драгоцѣнностей, не подтвердилось, ибо нѣсколько лежавшихъ въ столѣ золотыхъ монетъ остались нетронутыми, и только послѣ долгаго, тщательнаго осмотра содержимаго взломанныхъ ящиковъ я обнаружила пропажу... двухъ писемъ комиссара.

Письма эти были получены мной въ тѣ дни, когда онъ хворалъ, носили самый обыденный характеръ, но ярко рисовали чуждыя коммунизму настроенія автора, почему онъ уже неоднократно, хотя и не настаивая, просилъ меня возвратить ихъ.

— Зачѣмъ вамъ понадобилось портить такой чудный столъ, — сказала я ему, встрѣтившись послѣ кражи. — Вѣдь, если бы вы сказали, что *вынудите* меня возвратить ваши письма, я бы ихъ, конечно, отдала.

— Если бы я сталъ настаивать и предупредилъ васъ, что, въ случаѣ отказа, возьму ихъ силой, вы могли бы кому нибудь передать эти письма. Такъ было проще и надежнѣе, — отвѣтилъ комиссаръ улыбаясь.

Передъ однимъ изъ моихъ вечеровъ, ко мнѣ зашелъ поэтъ М . . . . ій.

— Пришелъ предупредить васъ, — сказалъ онъ, — что въ наше общество пробрался провокаторъ; это N, — онъ назвалъ артиста съ большимъ именемъ. —

Заданіе его — выяснить настроенія собирающихся у васъ писателей, для чего онъ долженъ будетъ на предстоящемъ вечерѣ запѣть „Боже Царя Храни“. Надо предупредить всѣхъ, кого вы пригласите, чтобы отнеслись къ этому отрицательно.

— Но откуда вамъ можетъ быть извѣстно все это? — подивилась я.

— Мнѣ говорило объ этомъ лицо, имѣющее отношеніе къ совѣтскому суду, ГПУ и артистическому міру. Лицо это также является провокаторомъ, но... нашимъ.

— Тогда лучше всего не приглашать на вечеръ N.

— Онъ явится самъ. Во всякомъ случаѣ, предупредить всѣхъ необходимо.

Уже привыкшая къ совѣтскому „быту“, я, предупредивъ каждаго изъ приглашенныхъ, все еще продолжала сомнѣваться въ словахъ М-аго.

Однако, не увѣдомленный мною о вечерѣ N, дѣйствительно, явился, заставивъ на этотъ разъ всѣхъ быть очень осторожными въ разговорахъ о большевикахъ и съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ ожидать, осуществится ли предупрежденіе и далѣе.

Вечеръ прошелъ, какъ никогда, натянуто, ужинъ уже подходилъ къ концу, когда N вдругъ всталъ и, съ поднятымъ бокаломъ, запѣлъ гимнъ.

Оставшись на мѣстахъ, всѣ стали протестовать противъ исполненія, указывая на его безтактность.

Дѣйствительно, только провокаторъ и могъ рѣшиться на такой поступокъ, ибо въ тишинѣ ночи его могучій голосъ былъ слышенъ далеко, и если бы мимо дачи, случайно, проходилъ какой нибудь рьяный коммунистъ, вечеръ закончился бы трагически не только для исполнителя гимна — если бы онъ не былъ большевицкимъ агентомъ, — но и для всѣхъ присутствовавшихъ.

По пріѣздѣ въ городъ, я снова наняла „рекомендованную“ прислугу.

Рыдая, она разсказала мнѣ, что мужъ оставилъ ее на произволъ судьбы вмѣстѣ съ новорожденнымъ ребенкомъ, и умоляла пріютить.

— Дитё отвезу родителямъ въ деревню, и буду у васъ, какъ своя.

Я сжалилась надъ ней и взяла. Черезъ двѣ недѣли, вернувшись домой, я не нашла ни прислуги, ни всѣхъ пріобрѣтенныхъ мною, послѣ большого грабежа, вещей, мѣховъ и пр.

Съ семнадцатаго года, это былъ пятый и самый дерзкій изъ всѣхъ, ибо воровка оставила свой паспортъ, и мнѣ была извѣстна деревня, гдѣ находился ея ребенокъ.

Но и на этотъ разъ, невзирая на то, что грабительница была найдена у своихъ родителей, хлопоты объ ея арестѣ не дали результатовъ, а я, дабы не начать, въ концѣ концовъ, сомнѣваться въ самой себѣ, рѣшила безъ оглядки бѣжать изъ СССР.

XLVII
ГАЛЛЮЦИНАЦІЯ „РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ" СОЛДАТЪ*).

Странную исторію — странную, потому что она произошла съ революціонными, т. е. несклонными къ вѣрѣ въ чудесное, солдатами, — пришлось мнѣ услышать, при посѣщеніи Китайскаго дворца Екатерины Великой, въ Ораніенбаумѣ.

Одноэтажное зданіе, съ громадными полукруглыми окнами-дверьми, расположено уединенно, въ саду, разбитомъ нѣкогда подъ личнымъ наблюденіемъ Великой Княгини Екатерины Алексѣевны. Вокругъ еще сохранились, слегка поврежденныя временемъ, бѣлыя мраморныя скамьи и статуи, въ анфиладѣ великолѣпныхъ покоевъ современная эпохѣ обстановка, а на стѣнахъ и потолкахъ живопись знаменитыхъ художниковъ.

Въ 1919-мъ году, во время борьбы за Красную Горку, здѣсь были расквартированы солдаты, и, конечно, съ ихъ уходомъ исчезло большинство историческихъ цѣнностей.

— Унесли, сколько руки могли захватить. Даже по-

*) Было напечатано въ газетѣ „Россія и Славянство".

душки и покрывало съ постели Екатерины взяли, — поясняетъ проводникъ.

Въ одной изъ залъ на колоннахъ — рядъ бюстовъ, сподвижниковъ Екатерины: Бестужевъ, Потемкинъ и среди нихъ бюстъ... Луначарскаго.

— Какъ онъ попалъ сюда? — изумленная спрашиваю я у сторожа.

— А это Совѣтъ поставилъ, потому одинъ изъ старыхъ разбился, такъ чтобы пустого мѣста не было. Все красивѣе.

Рѣзкій контрастъ со свѣтлыми и какими то жизнерадостными покоями Екатерины представляютъ комнаты Цесаревича Павла, котораго иногда привозила сюда Великая Княгиня.

Мрачныя, какъ и его трагическая судьба, онѣ сохранили много современныхъ ему мелочей, и на мой вопросъ, что остановило здѣсь солдатъ отъ грабежа, проводникъ разсказалъ мнѣ странную исторію*).

—

— Дѣло тутъ вышло такое особенное, что не посмѣли взять. Въ этомъ самомъ 19-мъ году заняла дворецъ рота красныхъ. Ну, разбрелись на ночевку, кто куда, а трое попали въ эти самые Павловы покои, кинули на полъ шинелишки и легли въ рядъ. Солдатскій сонъ извѣстно какой: ранецъ подъ затылокъ, и уже готовъ. А только тутъ вышло по иному: не успѣли товарищи глазъ завесть, прямо въ самыя уши имъ какъ застонетъ кто то, да въ голосъ, такъ всѣ трое другъ къ дружкѣ вразъ оборотились и, какъ по командѣ, спрашиваютъ: „Чего скулишь въ самое ухо?“

Но какъ никто изъ товарищей не сознался въ стонахъ, осерчали одинъ на другого: не такое, молъ, время, чтобъ шутки шутить, коли завтра, можетъ, помирать придется.

Разбрелись, сердитые, по разнымъ угламъ, накрыли головы шинелями, и только надумали спать, какъ опять

*) Этотъ разсказъ я попросила повторить и записала его, сохранивъ стиль.

то же. Еще пуще, надрывается, прямо хоть на помощь бѣги, а къ кому — неизвѣстно.

Ну, видятъ, дѣло то подозрительное выходитъ, подхватили аммуницію и, безъ оглядки, къ товарищамъ.

Рано разсказали своимъ о случаѣ, а ребята ихъ на смѣхъ:

„Эхъ вы! А еще красные, революціонные борцы... Бабье старое, а не солдаты".

И, какъ пришелъ вечеръ, пошли туда на ночевку, гурьбой, человѣкъ десять, и прежніе, значитъ, съ ними увязались.

Только опять вышло то же: выскочили, какъ ошпаренные, и шинели бросивши.

„Отроду, — говорятъ — такой страсти не знавали: хуже, чѣмъ въ бою".

Ну и отъ вещей по той же причинѣ отказались:

„Возьмешь, — говорятъ, — а послѣ всю жизнь бѣды не оберешься".

—

Изъ Китайскаго дворца я отправилась взглянуть на современный супругу Екатерины, Императору Петру III, Охотничій домикъ.

Расположенный на другомъ концѣ Ораніенбаума, онъ, какъ и покои Павла, представляетъ полный контрастъ съ екатерининскимъ дворцомъ.

Еще издали видна заржавѣвшая флюгарка съ рѣзными цифрами года постройки этого небольшого дома, казеннаго типа. Ни колоннъ, ни украшеній. Только, вокругъ, высокій валъ — дань Петра III своей страсти къ военщинѣ.

Живущій при зданіи сторожъ, изъ революціонныхъ товарищей, недружелюбный и неразговорчивый, ведетъ меня по узкой каменной лѣстницѣ въ третій этажъ.

Здѣсь — въ игрушечно-миніатюрной столовой съ современными Петру, прекрасно сохранившимися, буфетомъ и посудой, — 170 лѣтъ назадъ онъ бражничалъ со своими приближенными и „любимой султаншей",

какъ называла Екатерина его фаворитку, графиню Елизавету Воронцову.

Изъ находящагося въ сосѣдней комнатѣ шкафа, сдѣланнаго спеціально для знаменитыхъ солдатиковъ, которыми забавлялся этотъ государь всю свою недолгую жизнь, нынче исчезла и эта историческая цѣнность.

— Женатые товарищи взяли для своихъ дѣтей, — цѣдитъ сквозь зубы, какъ будто со злорадствомъ, сторожъ.

Кровать изъ спальни Императора, при Временномъ Правительствѣ, вывезли въ Эрмитажъ, но въ кладовой Домика и по сію пору свалено много современныхъ Петру вещей.

Среди послѣднихъ была и скрипка, съ которой онъ, какъ извѣстно, не разставался до смерти.

— А гдѣ же эта скрипка теперь? — интересуюсь я.

— Товарищъ комиссаръ взялъ поиграть, да еще не вернулъ.

Высокія, окружающія Домикъ, деревья разрослись, и въ окна, и безъ того похожихъ на гробницу, комнатъ, льется тусклый, зловѣщій свѣтъ...

XLVIII

ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ *)

Проходя, однажды, по толкучкѣ, гдѣ производилась тайная продажа волота, я пріобрѣла у спекулянта нѣсколько царскихъ десятирублевокъ.

Желая удостовѣриться въ ихъ подлинности, я направилась къ ювелиру.

— Онѣ золотыя, но совѣтской выдѣлки и потому низкопробны, — отвѣтилъ онъ.

— Что это значитъ „совѣтской выдѣлки"?...

— Онѣ выдѣлываются Совѣтами по старымъ формамъ, на монетномъ дворѣ, но золота содержатъ меньше, чѣмъ прежнія.

---

*) Было напечатано въ „Вѣстникѣ Рувьеры". и въ газетѣ „Národní Listy".

Я разыскала спекулянта и потребовала, чтобы онъ обмѣнилъ монеты на настоящія, что, опасаясь непріятностей, торговецъ выполнилъ безпрекословно.

— А только вы напрасно сомнѣваетесь, дамочка, насчетъ монетокъ, — онѣ не фальшивыя, въ нихъ только золота поменьше будетъ, чѣмъ въ царскихъ, потому, извѣстно, совѣтскія*), — повторилъ мнѣ слова ювелира спекулянтъ.

Разсказывая объ этомъ знакомому рабочему Экспедиціи, я добавила, что въ клубахъ игроки, невзирая на всю цѣнность иностранной валюты, зачастую опасаются принимать въ уплату доллары, такъ какъ, по слухамъ, они также поддѣлываются въ Россіи.

— Нѣтъ дыма безъ огня, — усмѣхнулся рабочій. — Если очень попросите, показать могу.

— Не можетъ быть!..

— У насъ теперь все „можетъ быть"... Спеціализировались нынче на этомъ, — добавилъ онъ шопотомъ, хотя въ комнатѣ никого не было.

— Экспедиція вырабатываетъ поддѣльные доллары?!...

— Да. Будешь вырабатывать, коли платить иностранцамъ нечѣмъ.

— Не вѣрится... Вы могли бы показать мнѣ фальшивку?

— Отчего же... Только бракованную. Только ужъ вы, само собой, никому: потому, сами знаете, за такую штуку въ два счета — къ стѣнкѣ угодишь.

— Но какъ могли вы, при такой строгой провѣркѣ, какъ у васъ, утаить ее?

— Потому теперь и провѣрка строгая всюду, что никогда еще такъ не тащили, какъ нынче. Тащатъ не то что бумажку какую — съ мануфактурныхъ, обувныхъ и хлѣбныхъ фабрикъ и заводовъ уносятъ сапоги, ситецъ и хлѣбъ, а это товаръ — не иголка, въ рубашку не заткнешь. А у насъ хоть провѣрка, надо сказать, и основательная, а все не такъ интересуются бракомъ,

*) Слово „совѣтскій" во всѣхъ кругахъ СССР, начиная съ матросскихъ, употребляется вмѣсто „никуда не годный".

какъ настоящими, что заграницу идутъ для расплаты съ иностранцами. Тѣхъ не пронесешь, коли голова дорога.

— Но какой вамъ былъ смыслъ рисковать, унося кредитку?

— Ежели бы рискъ большой былъ — не унесъ бы. Такъ случилось, что можно было пронести безъ опаски. А взялъ изъ любопытства: ежели перемѣна какая будетъ — показать власти настоящей да иностранцамъ.

Вечеромъ рабочій принесъ мнѣ стодолларовый кредитный билетъ, и, хотя онъ былъ „бракованный", какъ ни сравнивала я его съ настоящимъ — отличить не могла. Только, поглядѣвъ въ принесенную съ фабрики особую лупу на указанныя мѣста, я убѣдилась, что рабочій не шутитъ, и что поддѣлка артистична.

— Да, — съ невольной профессіональной гордостью подтвердилъ онъ, — иностранцу, поди, и въ умъ не придетъ что получаетъ. Ну, да не жалко ихъ: знаешь съ кѣмъ торгуешь — въ оба гляди.

XLIX

НА МИТИНГѢ О ВОЙНѢ И МІРОВОЙ РЕВОЛЮЦІИ

Излюбленной темой большевицкихъ митинговъ всегда являются козни иностранной буржуазіи противъ Совѣтскаго союза, грозящія ему захватомъ окраинъ, войной и другими бѣдствіями.

Но населеніе, уже давно извѣрившись въ наступленіе этихъ, столь желанныхъ ему, невзгодъ, придаетъ значеніе словамъ агитаторовъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они подтверждаются слухами.

На этотъ разъ, большой залъ Народнаго дома былъ переполненъ. Невзирая на ошеломившее всѣхъ признаніе Европой Совѣтовъ, въ міровую революцію все еще никто не вѣритъ, но слово „война" — для однихъ звучащее угрозой, для другихъ вѣрнымъ избавленіемъ отъ совѣтской власти — интересуетъ равно каждаго.

Мой сосѣдъ, пожилой, бѣдно одѣтый, рабочій, съ добродушно хитроватымъ лицомъ, оглядѣвъ меня испытующимъ взглядомъ, спрашиваетъ:

— Не слыхали изъ за чего товарищъ стараться будетъ?

— О войнѣ и революціи.

— Нѣтъ, я не объ этомъ... Думалъ, можетъ, стороной гдѣ слыхали, вправду ли капиталисты собираются нашимъ по шапкѣ дать, либо опять зря очки втирать будутъ товарищи.

— Думаю, что зря.

— И я такъ полагаю, что, замѣсто хлѣба, опять посулами будутъ жару поддавать голодающимъ гражданамъ.

Приведу нѣсколько выдержекъ изъ трафаретно „революціонной" рѣчи оратора, которую записала на митингѣ*):

— ... Гнусная клака имперьялистовъ, товарищи, опять роетъ намъ яму, опять протягиваетъ къ окраинамъ нашего Союза залитую кровью рабочихъ пасть, все еще надѣясь, что у насъ не хватитъ силы розорвать ихъ алчную глотку. Пусть попробуютъ! Сейчасъ не двадцатые годы, когда мы еще только становились на ноги. Сейчасъ съ нами уже считайся, потому у насъ уже есть могучая красная армія, которая сумѣетъ дать отпоръ зарвавшимся поработителямъ мірового пролетаріата, — если, конечно, мы будемъ готовы къ войнѣ, т. е. дадимъ возможность нашимъ краснымъ защитникамъ спокойно сражаться за революціонныя свободы. Что же для этого требуется, товарищи?.. Прежде всего, чтобы всѣ наши фабрики и заводы, всѣ наши предпріятія и хозяйства работали полными темпами, и чтобы, еще задолго до войны, мы справились съ нашимъ внутреннимъ врагомъ — вредителями, саботажниками и кулаками. Съ ними мы должны справиться, если бы для этого понадобилось, чтобы наши винтовки и висѣлицы

*) Записывать рѣчи агитаторовъ разрѣшалось, вѣроятно, для пропаганды.

работали такъ же непрерывно, какъ наши предпріятія, — до полнаго уничтоженія этой бѣлогвардейской с....., которая начнетъ выползать, во время войны, изъ всѣхъ щелей нашего тыла. А что въ военное время опасность будетъ грозить намъ именно съ этой стороны, можно судить по тому злорадству, съ какимъ капиталистическая приживалка — эмиграція предсказываетъ намъ это. „Съ первыхъ же дней войны, — говоритъ эта бѣлая с....., — въ совѣтскомъ тылу начнутся возстанія и саботажъ, которые, конечно, тотчасъ же отразятся на своевременномъ подвозѣ къ фронту провіанта, орудій и другого снабженія...“

Представимъ же себѣ, товарищи, на минуту, что предсказаніе это правильно... Ясно, что побѣда осталась бы за капиталомъ, и всѣ наши безчисленныя революціонныя завоеванія, вызывающія сейчасъ восторгъ даже у иностранцевъ, были бы удушены на столѣтіе впередъ, а самая совѣтская власть, давшая русскому пролетаріату то, чего не имѣютъ никакіе капиталистическіе рабочіе въ мірѣ, была бы сброшена. Таковы были бы послѣдствія нашей неподготовленности къ войнѣ — что понимаютъ даже, хотя и расчистившіе путь Совѣтамъ, но всетаки враждебные намъ, члены бывшаго Временнаго правительства, которое побѣдоносный пролетаріатъ, когда прошла въ немъ надобность, отшвырнулъ отъ себя однимъ щелчкомъ. Это не мѣшаетъ, однако, этимъ капиталистическимъ блюдолизамъ, имѣющимъ настолько мозговъ, чтобы считаться съ фактами нашихъ гигантскихъ достиженій и понимать, что Россія и Совѣты — одинъ организмъ, интересы котораго такъ же тѣсно связаны, какъ желудка и кишекъ, и что пораженіе одного есть пораженіе другого, — это всетаки не мѣшаетъ имъ, при случаѣ, обливать совѣтскую власть помоями. Какой смыслъ?.. Очень просто, товарищи: на активныя дѣйствія сами они не способны — хлопотливо да и опасно, а вотъ, если бы капиталистамъ удалось какъ нибудь подсунуть ихъ опять народу, тогда отчего же, безъ риска, не половить въ мутной водѣ рыбку. „Хоть день да нашъ“, какъ говоритъ поговорка,

потому что Совѣтскій союзъ для нихъ „не по рылу харчъ“, и народъ скоро отшвырнулъ бы ихъ опять...

... Итакъ, товарищи, изъ всего сказаннаго вы видите, что всѣ мы — будетъ ли это рабочій, крестьянинъ или наркомъ — должны, какъ выхода изъ тупика, ждать міровой революціи, которая уже окончательно выведетъ насъ на дорогу къ свѣтлому будущему, когда каждый трудящійся будетъ жить высоко культурной жизнью и питаться такъ и въ такомъ количествѣ, какъ это ему потребуется. Мы прошли уже къ этому будущему первые, самые трудные, этапы, — еще немного усилій, и, на костяхъ капитализма, мы построимъ зданіе міровыхъ совѣтскихъ республикъ...

— Извиняюсь, товарищъ, — воспользовавшись паузой, поднялся вдругъ изъ первыхъ рядовъ молодой, одѣтый въ щегольскую кожаную куртку, рабочій, — вы вотъ сейчасъ упоминали о міровой революціи, что она дастъ намъ все, безъ чего мы теперь обходимся изъ за подвоховъ капиталистовъ, хотя намъ это и трудно. Такъ я, какъ и всякій другой совѣтскій гражданинъ, и даже кандидатъ въ коммунистическую партію, интересуюсь какъ бы намъ скорѣй достичь міровой революціи; что мы, рабочіе, должны дѣлать, чтобы скорѣе раскроить врагу его пасть, и что дѣлаетъ для этого руководящая партія?

— Какой же вы, товарищъ, кандидатъ въ партію, коли до сихъ поръ не знаете того, что наши партійные агитаторы, ежеминутно рискуя попасться въ лапы враговъ, работаютъ въ капиталистическихъ арміяхъ, на капиталистическихъ фабрикахъ и всюду, гдѣ только есть недовольныя массы, которымъ они открываютъ глаза въ чемъ заключается причина ихъ бѣдствій, и какъ ее ликвидировать. Нашъ III Интернаціоналъ и руководимая имъ коммунистическая партія заботятся объ ускореніи міровой революціи, дѣйствуя всѣми доступными имъ средствами, и рабочимъ, крестьянству и всѣмъ совѣтскимъ гражданамъ остается только покорно слѣдовать ихъ указаніямъ и работать, работать не покладая рукъ на общее всѣмъ намъ дѣло — на скорѣйшее наступленіе и торжество міровой пролетарской революціи!..

Покидая митингъ, у выхода, встрѣчаю знакомыхъ: молодого, работающаго у большевиковъ, ученаго и, до революціи весьма либерально настроеннаго, профессора*). Намъ по пути, и мы идемъ, обсуждая слышанное.

— Если онъ, по большевицкому обыкновенію, не лжетъ, что среди членовъ бывшаго Временнаго правительства есть противники освобожденія Россіи, хотя бы даже такой дорогой цѣной, какъ отчужденіе ея окраинъ,— говоритъ профессоръ, — то на это можно только одно сказать: „разъ предали свою родину здѣсь, а теперь предаютъ ее тамъ". Вы знаете, что я принципіальный противникъ захвата чужой собственности, является ли она частью государства или объектомъ „реквизиціи" болѣе мелкаго калибра, но бываютъ случаи, когда врачъ обязанъ прибѣгнуть къ ножу, не разсуждая о томъ, какъ будетъ жить, въ дальнѣйшемъ, его паціентъ, безъ конечностей. Если даже согласиться съ тѣми поклонниками „совѣтскихъ достиженій", которые считаютъ большевизмъ „частью Россійскаго организма", то на это можно возразить, что и злокачественная опухоль является единой съ организмомъ, однако въ его интересахъ не мирное съ ней сожительство, а скорѣйшее отъ нея освобожденіе. Гангрена, разъѣдающая нашу родину, не ждетъ, и, чтобы остановить ея дѣйствіе, надо итти на все. Говорить же о „нелегальныхъ захватахъ" нашимъ товарищамъ и вовсе ужъ не пристало, ибо кто же, какъ не они, насиліемъ захватили *всѣ* русскія территоріи и, дабы не утратить надъ Россіей своего владычества, съ первыхъ же шаговъ своихъ поступились многими изъ нихъ...

И развѣ не они распродаютъ иностранцамъ, вѣками накопленныя страной, культурныя и художественныя цѣнности? А истребленіе русскаго народа не только физическое, какъ во время войны, но, что еще страшнѣе, и духовное не возведено ими въ систему?... Какая интервенція можетъ принести столько зла и страданій,

*) Нынѣ, по свѣдѣніямъ эмигрантской прессы, сосланъ въ Нарымскій край.

сколько принесла Россіи большевицкая, и почему — трагичный самъ по себѣ — захватъ высоко культурными, уважающими право и законъ, народами ея отдѣльныхъ частей будетъ трагичнѣе, чѣмъ владычество надъ ней такъ же инородческой власти, но не стѣсняющейся въ средствахъ для достиженія своихъ, подпольныхъ, несущихъ странѣ гибель, цѣлей? Чтобы говорить противъ посягательствъ иностранцевъ на наши территоріи, въ данномъ случаѣ, надо или пребывать въ полномъ невѣдѣніи того, что здѣсь творится, — что, вѣроятно, такъ и есть, — или быть сознательными предателями русскаго народа. Да, если бы эти объединители интересовъ Россіи съ совѣтскими попали, хотя приблизительно, въ такія условія, въ какихъ мучается сейчасъ девять десятыхъ ея населенія, они, конечно, не стали бы возражать противъ интервенціи, хотя бы таковая явилась къ нимъ даже въ лицѣ каннибаловъ, ибо цѣли послѣднихъ не прикрывались бы громкими фразами о благѣ человѣчества, и поэтому борьба съ ними не представляла бы такихъ трудностей, какъ съ большевиками.

— Совершенно вѣрно, — согласился молодой ученый, — надо обладать чисто большевицкимъ цинизмомъ, чтобы, сидя въ безопасности и слушая доносящіеся отсюда вопли замученныхъ, поощрять эти человѣческія жертвоприношенія терпѣливымъ ожиданіемъ большевицкаго исхода изъ Россіи или эволюціи совѣтской власти. Недопустимо спасать территоріи цѣною гибели цѣлаго народа.

Я привела эти мнѣнія, ибо въ нихъ суммированы чувства и мысли *девяти десятыхъ* населенія Россіи.

L

„ПРИДИТЕ ВОЛОДѢТИ И КНЯЖИТИ НАМИ“

Какъ я уже упоминала, мой мужъ былъ членомъ одной изъ частныхъ артелей, организованныхъ, въ тѣ дни, преимущественно, бывшими крупными подрядчиками, нынѣ безработными, инженерами-строителями. По нача-

лу артели не преслѣдовались властью, ибо съ каждаго подряда государство получало десять процентовъ; но уже къ 26-му году, такъ какъ учрежденія эти являлись для совѣтскихъ, гдѣ работали неопытные новички, нежелательнымъ конкурентомъ, онѣ были ликвидированы, а большинство инженеровъ, якобы „за вредительскія тенденціи" — арестованы.

По субботамъ мужъ выдавалъ рабочимъ недѣльный заработокъ у насъ на дому, и я, обычно, угощала ихъ чаемъ и бесѣдовала съ ними.

Помимо профессіоналовъ, среди нихъ было много явившихся на заработки, со всѣхъ концовъ Росссіи, крестьянъ-чернорабочихъ, въ большинствѣ, еще совсѣмъ не тронутыхъ цивилизаціей и неграмотныхъ, въ разговорѣ высказывавшихъ свои мнѣнія, о творящемся вокругъ, то со свойственной русскому крестьянину осторожностью, то со злобой. Почти всѣ они также видѣли въ войнѣ избавленіе отъ совѣтской власти, но, конечно, предпочитали интервенцію.

— Война, опять же, сколько народу зря загубила бы, а иностранцы живо порядокъ наведутъ и безъ причины къ стѣнкѣ не поставятъ. Собственность опять же будетъ, есть изъ за чего въ работѣ стараться, — говорилъ одинъ.

— Правильно, потому англичанинъ тамъ либо нѣмецъ, конечно, задарма кормить не будетъ, а только и убивать ни за что, какъ нынче, тоже не станетъ, и за работу чего ни на есть да дастъ. А нынче работой десять шкуръ сдираютъ, и голодомъ помираешь. А сама то власть гляди какъ живетъ, — „помирай — не хочу". Сытые всѣ да гладкіе. Зиновьевъ то вона какое брюхо отрастилъ, — согласился другой, прибывшій на заработки въ Петроградъ изъ Костромской губерніи.

— Чаво ихъ (иностранцевъ) бояться. Да ежели отъ этой власти спасемся, насъ самъ чортъ не запугаетъ. Руки бы намъ развязали, такъ мы отъ этихъ самыхъ красныхъ гадовъ живо Россію вычистили бы. А безъ оружіевъ, да съ голоднымъ брюхомъ — куда подашься? — отозвался третій.

— По моему, хуже, чѣмъ сейчасъ, быть не можетъ, потому и самое худшее будетъ лучше, — говорилъ мнѣ болѣе интеллигентный, городской рабочій; — и сейчасъ у насъ не русская власть, и никогда русской не было, потому и цари наши всѣ были не совсѣмъ русскаго происхожденія. Я когда то училъ, что русскіе даже призывали иностранцевъ: „придите володѣти и княжити нами“, такъ, вѣрно, у насъ уже отъ старыхъ временъ порядокъ такой пошелъ, чтобы Россіей управляли не русскіе. Сейчасъ что дѣлается: русскимъ дуракамъ, что за свободу жизнь отдавали, власть предоставляетъ голодъ, каторгу либо стѣнку, а для своихъ старается — лучше не надо.

Отъ этихъ же рабочихъ — крестьянъ Тульской и Владимірской губерніи — мнѣ удалось услышать слѣдующія частушки:

Ѣли щи мы съ тараканами
При царѣ-мучителѣ,
Нынче только блохи скачутъ
Въ нашемъ общежитіи.

—

Мы таперя сами баре,
Что ни день — парады;
Только, въ ленинской похлебкѣ
Мухамъ даже рады.

Когда разговоръ заходилъ о томъ, кто изъ русскихъ могъ бы стать во главѣ Россіи послѣ сверженія большевиковъ, — почти всѣ (не исключая и интеллигенціи) указывали:

„Безусловно кто либо изъ тѣхъ, кто сейчасъ, до перваго удобнаго случая, идетъ подъ совѣтскимъ флагомъ“.

О приходѣ къ власти кого либо изъ членовъ Временнаго правительства никто не допускаетъ и мысли такъ же, какъ не представляютъ возможнымъ и возстановленіе монархіи.

„Монархизмъ просто устарѣлъ для Россіи, — сказалъ мнѣ однажды А. Ф. Кони; — насколько мнѣ приходилось

наблюдать, народъ не питаетъ злобы къ монархіи, и нѣсколько лѣтъ назадъ она могла быть еще возстановлена, но сейчасъ это психологически невозможно. Послѣ большевиковъ, Россіи необходима будетъ военная диктатура, а въ дальнѣйшемъ какая то новая, можетъ быть, еще не бывалая нигдѣ, форма правленія".

Глубокое возмущеніе вызываютъ, усиленно культивируемыя большевиками, среди населенія, свѣдѣнія о происходящихъ въ средѣ эмиграціи распряхъ по поводу того, кто „возглавитъ Россію".

„Замѣсто дѣлежки власти, *раньше какимъ бы то ни на есть способомъ съ большевиками бы справились, а потомъ уже, въ своей избѣ, на кулачки шли,* пока народъ разсудилъ бы кого захочетъ", — говорятъ на это рабочіе.

LI

Я ПОКИДАЮ ЭКСПЕДИЦІЮ

Уже давно, въ отношеніи ко мнѣ возглавлявшихъ фабрику коммунистовъ, я замѣтила какую то перемѣну, что то новое, недоговоренное.

По виду все оставалось по прежнему: я продолжала пользоваться разными льготами, со мной были изысканно любезны, мнѣ довѣряли, но никакое довѣріе не могло измѣнить факта — моей принадлежности къ враждебному классу, и — когда надежды на скорое паденіе совѣтской власти рушились, а преслѣдованіе интеллигенціи приняло повальный характеръ — меня стали побаиваться.

Я была, какъ сказалъ мнѣ когда то, при выдачѣ мандата въ Москву, предсѣдатель, „всетаки классовой врагъ", хорошее отношеніе къ которому теперь — не безъ основанія — являлось рискованнымъ, тѣмъ болѣе, что большинство служившихъ на фабрикѣ интеллигентовъ уже разсѣялось или было разсѣяно по тюрьмамъ и могиламъ.

Повидимому единственнымъ, предохранявшимъ меня отъ увольненія, условіемъ являлось безмолвно, но краснорѣ-

чиво, наложенное на меня высшей инстанціей „табу“, т. е., невзирая даже на то, что, укрѣпившись, власть перестала считаться съ рабочими Экспедиціи, такъ же какъ и со всѣми другими, моя дѣятельность протекала по старинкѣ — меня не трогали.

Это импонировало занимавшимъ на фабрикѣ высокіе посты и, вслѣдствіе этого, уже значительно воспринявшимъ „новую идеологію“ коммунистамъ, смягчало опасеніе отвѣтственности за дарованіе мнѣ поблажекъ, и все шло по старому даже послѣ того, когда я отказалась включить въ репертуаръ драматической студіи предложенную ими революціонную пьесу.

Но мысль, что я „неудобна“, нервировала меня и, получивъ теперь возможность зарабатывать устройствомъ общественныхъ литературныхъ вечеровъ и выступленіемъ съ танцами, я рѣшила покинуть Экспедицію.

Заявленіе объ этомъ было встрѣчено моимъ начальствомъ самымъ неподдѣльнымъ изумленіемъ и протестами.

— Я рѣшила уйти, — пояснила я, — потому, что моя служба на фабрикѣ несовмѣстима съ литературной работой, да и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, о которыхъ говорить не стоитъ. Во всякомъ случаѣ, о рабочихъ Экспедиціи, и ихъ отношеніи ко мнѣ, я сохраню самыя лучшія воспоминанія.

— Ну, можетъ, еще вернетесь къ намъ, когда журналъ можно будетъ выпускать, — убѣжденные, что при совѣтской власти этого никогда не будетъ, напутствовали меня коммунисты, — а пока, не забывайте насъ, почаще навѣщайте.

Искренно были огорчены моимъ уходомъ учащіеся студій.

„Мы безъ васъ и въ Отдѣлъ ходить не будемъ*), а вы ужъ позвольте когда къ вамъ забѣжать хоть поглядѣть на васъ“, — говорили рабочіе и работницы.

---

*) Дѣйствительно, вскорѣ послѣ моего ухода, студіи, за отсутствіемъ учениковъ, прекратили существованіе.

Но никто не былъ такъ удивленъ моимъ поступкомъ, какъ комиссаръ печати, тотчасъ, конечно, усмотрѣвшій въ этомъ нѣчто подозрительное.

— Что это значитъ? — вызвавъ меня къ телефону, спросилъ онъ. — Мнѣ сообщили, что вы покинули Экспедицію.

— Да.

— Вы собираетесь уѣхать изъ Ленинграда?

— Пока — нѣтъ.

— Почему же вы ушли?.. У васъ есть въ виду что нибудь болѣе выгодное?

— Напротивъ — менѣе выгодное, но я предпочла уйти, пока меня не попросили объ этомъ.

— Развѣ вамъ что нибудь говорили по этому поводу въ Фабкомѣ? Отчего же вы не сказали мнѣ?

— Никто и ничего не говорилъ, а заставило меня поступить такъ преслѣдованіе вами интеллигенціи.

— Вы то при чемъ здѣсь? Пока вы ведете себя по отношенію къ намъ прилично, васъ это не касается. Я уже не разъ говорилъ вамъ объ этомъ.

— Да, но въ любой моментъ *можетъ* коснуться, потому что понятія о „приличіяхъ" у насъ съ вами слишкомъ различны. Какой нибудь мой faux pas могъ бы показаться столь „неприличнымъ" по отношенію къ коммунизму, что я не только потеряла бы мѣсто, но и свободу.

— Странно, что вы до сихъ поръ не дѣлали такихъ „ложныхъ шаговъ", а теперь вдругъ не ручаетесь ва себя... На что же вы будете жить?

Я пояснила комиссару, добавивъ:

— Подмостки — область менѣе рискованная, чѣмъ постоянное, непосредственное общеніе съ рабочими, поэтому я избрала ее, попутно, конечно, продолжая заниматься литературой.

— Дѣло ваше... Во всякомъ случаѣ, программы устраиваемыхъ вами вечеровъ вы, какъ и до сихъ поръ, доставляйте для просмотра мнѣ, прилагая къ нимъ также то, что предполагаете читать.

— Но, вѣдь, эстрада — не ваша область.

— Мало ли что. Разсуждая такъ, вы вообще не должны были предъявлять мнѣ программы и особенно съ тѣхъ поръ, какъ я не состою гласнымъ представителемъ печати, но вамъ вѣдь извѣстно, что все, относящееся къ той или иной формѣ агитаціи и пропаганды, остается по прежнему въ моемъ вѣдѣніи. Почемъ я знаю что вамъ вздумается... Можетъ быть, вы станете пропагандировать съ подмостковъ какія нибудь вредныя намъ идеи.

— Въ стихахъ?..

— Отчего же?.. Это еще дѣйствительнѣе, чѣмъ въ прозѣ, потому что талантливые и хорошо прочитанные стихи запечатлѣваются въ памяти лучше.

— Хорошо, я буду доставлять вамъ программы и свою „пропаганду".

LII

КОМИССАРЪ ПЕЧАТИ О ЗАГРАНИЧНОЙ ПРЕССѢ

Съ тѣхъ поръ, какъ открылись границы, я регулярно, дважды въ годъ, подавала заявленія о желаніи выѣхать „на мѣсяцъ для леченія", и каждый разъ получала стереотипный отвѣтъ: „не разрѣшается".

— Почему? — спрашивала я у вѣдающаго визами чекиста.

— Это наше дѣло. Мы не обязаны пояснять.

Тогда я рѣшила обратиться за содѣйствіемъ къ комиссару печати, и тотчасъ убѣдилась, что совершила ошибку: относившійся ко мнѣ до сихъ поръ сравнительно благожелательно, онъ мгновенно переродился.

— „На время"?... — иронически переспросилъ онъ и тотчасъ же возбужденно и рѣзко добавилъ: — Знаемъ мы эти „временные" выѣзды заграницу. Не вы первая... Эмигрировать, чтобы писать тамъ разные пасквили на насъ.

— Но я и не помышляю о томъ, чтобы покинуть Россію навсегда. Я хочу прокатиться, освѣжить душу новыми впечатлѣніями и вернуться сюда съ иностранной валютой.

— Откуда же вы возьмете ее? — поинтересовался комиссаръ.

— Захвачу съ собой нѣсколько картинъ своей коллекціи, продамъ ихъ тамъ за хорошую цѣну и возвращусь сюда тратить доллары и франки*).

— Да, попутно разсказавъ своимъ эмигрантскимъ пріятелямъ и иностранцамъ все, что вы здѣсь видѣли и слышали, конечно, умолчавъ о положительномъ.

— Во первыхъ — ничего особеннаго я здѣсь не видѣла и не слышала, — успокоила я комиссара, — а затѣмъ, можете быть увѣрены, что, зная ваше отношеніе къ болтливымъ, я за версту обѣгала бы „эмигрантскихъ пріятелей“ и съ иностранцами разговаривала бы о чемъ угодно, кромѣ СССР.

— Во всякомъ случаѣ на меня въ этомъ дѣлѣ не разсчитывайте... Вы уже подали заявленіе?

Опасаясь, чтобы комиссаръ не воспрепятствовалъ моему выѣзду, я отвѣтила:

— Нѣтъ, это еще далекое будущее: сейчасъ у меня нѣтъ денегъ на такую поѣздку. Къ осени будущаго года я, наконецъ, закончу „Коммуну Земной Міръ“, получу подъ нее, отъ Госиздата, авансъ и тогда ужъ, конечно, не отступлю отъ васъ, чтобы вы исхлопотали мнѣ разрѣшеніе на мѣсячную заграничную поѣздку.

— А я вамъ совѣтую вообще оставить эту затѣю съ эмигрантствомъ, — уже болѣе спокойнымъ тономъ сказалъ комиссаръ. — Здѣсь вамъ живется пока не худо, а тамъ будете сидѣть безъ работы.

— Но, повторяю, я и не думаю эмигрировать, а если бы это было такъ, то почему вы думаете, что я „сидѣла бы тамъ безъ работы“? Вѣдь въ Европѣ пресса свободна, и я могла бы снова заняться литературой, не имѣющей отношенія къ политикѣ.

— Вы забываете, что девять десятыхъ европейскихъ современныхъ изданій въ нашихъ рукахъ.

---

*) Въ тѣ дни, взимая съ экспертной оцѣнки тридцать три процента, власть даже поощряла вывозъ заграницу художественныхъ предметовъ тѣми, кто уѣзжалъ на время и возвращался съ валютой.

— Мудрено помнить то, о чемъ я слышу впервые; но если это даже дѣйствительно такъ, то, помимо иностранной прессы, тамъ есть еще и эмигрантская.

— Въ наиболѣе вліятельныя изъ ея изданій, которыя субсидируются нами, мы не пропускаемъ нежелательныхъ намъ лицъ, а въ другихъ, дѣйствительно враждебныхъ, есть наши агенты.

— Я, конечно, не знакома съ условіями эмигрантскихъ изданій и съ ихъ направленіемъ, но думаю, что разъ они эмигрантскія, то всѣ одинаково враждебны вамъ. О какихъ же „субсидіяхъ“ можетъ быть рѣчь, если они пишутъ противъ васъ? Или вы говорите о коммунистическихъ?

— Ничего подобнаго. Писать можно противъ, но какъ. Есть факты и факты. Мы ничего не имѣемъ, если насъ называютъ палачами, грабителями, — рисуютъ въ яркихъ краскахъ ужасы „застѣнковъ ГПУ“ или Соловковъ, потому что это будитъ любопытство иностранцевъ, что намъ полезно. Вы, навѣрно, читали „Садъ Пытокъ“? Эта книга разошлась въ несмѣтномъ количествѣ экземпляровъ и принесла автору хорошій доходъ, а въ ней говорится не о „божественныхъ откровеніяхъ“ и не о буржуазной морали. Талмудъ говоритъ, что безстыдна не женщина, сбрасывающая съ себя одежду на глазахъ толпы, а тѣ кто на нее смотрятъ.

— Но, если вы даже субсидируете изданія, именующія васъ палачами и грабителями, чему я, — скажу откровенно, — не вѣрю, тогда что же вы называете пасквилемъ? Не все ли вамъ равно, что говоритъ толпа, глядя на васъ, по вашему сравненію, — „обнаженную, но цѣломудренную женщину“?

— Совершенно безразлично, пока это не вредитъ намъ.

— Значитъ пасквилемъ вы назовете истину, если она вредна вамъ? Странныя понятія о пасквилѣ.

— Истину можно освѣтить ложно.

— Ну, а если въ поддерживаемыя вами изданія проникаютъ лица вамъ нежелательныя, какъ поступаете вы тогда?

— Мы устраняемъ ихъ.

— Терроромъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ... Есть, другія болѣе, невинныя средства.

— Напримѣръ?

— Наши агенты распускаютъ въ кругахъ, къ которымъ принадлежитъ вредитель, слухи, что онъ провокаторъ, и послѣ этого ему, конечно, не даютъ больше ни говорить ни писать.

— Кто же повѣритъ этому, если онъ „вредилъ" вамъ?

— Вы плохой психологъ, хоть и писательница, — усмѣхнулся комиссаръ. — Вспомните французскую поговорку „Calomniez, calomniez, — il en reste toujours quelque chose".

— Да, послѣ всего слышаннаго отъ васъ о зарубежной прессѣ, желаніе работать тамъ дѣйствительно отпадетъ.

— Я же вамъ сказалъ, что для васъ будетъ спокойнѣе и полезнѣе оставаться здѣсь. А для освѣженія и новыхъ впечатлѣній вы можете прокатиться не заграницу, а на Кавказъ или въ Крымъ. Я даже посодѣйствую вашему устройству тамъ, мѣсяца на два, въ одной изъ нашихъ лучшихъ санаторій.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ это я раньше не подумала объ этомъ... Въ Сочи ничуть не хуже, чѣмъ на Ривьерѣ, — сдѣлавъ видъ, что соглашаюсь съ мнѣніемъ комиссара, отвѣтила я.

LIII

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ВЫѢЗДУ ИЛИ БѢГСТВУ

Начиная свои хлопоты о выѣздѣ, я должна была дѣйствовать теперь такъ, чтобы слухи о нихъ, случайно, не дошли до комиссара. Наводить объ этомъ справки — сейчасъ, послѣ нашего разговора, онъ не имѣлъ основаній, и, пользуясь этимъ, мнѣ надо было торопиться.

На этотъ разъ, послѣ безконечныхъ хожденій по учрежденіямъ за всевозможными удостовѣреніями, я яви-

лась въ „Бюро Визъ", вооруженная семью докторскими свидѣтельствами, изъ которыхъ данное профессоромъ Бехтеревымъ гласило о „необходимости перемѣны обстановки и, въ виду угрожающихъ жизни сердечныхъ припадковъ, сопровожденія больной близкимъ лицомъ".

Однако, наученной опытомъ, мнѣ и это „вооруженіе" не давало полной увѣренности въ полученіи разрѣшенія, и я уже окончательно сговорилась съ павловскимъ желѣзнодорожникомъ, что, въ случаѣ отказа, онъ тотчасъ же переведетъ насъ черезъ границу Витебской губерніи. Совершить это теперь, когда морозы сковали болота, было, по его словамъ, „совсѣмъ пустое дѣло".

Хотя я предъявила детально заполненную анкету, принимавшій прошенія чекистъ устроилъ мнѣ допросъ, съ предложеніемъ „повернуться въ профиль" (какъ на предъявленной фотографіи) и съ вопросами, имѣющими явную цѣль изобличить въ несоотвѣтствіи отвѣтовъ съ анкетными.

Обратилъ мое вниманіе подававшій одновременно со мной прошеніе о выѣздѣ молодой человѣкъ, весь обликъ и манеры котораго ярко говорили о его непролетарскомъ происхожденіи.

— Призывной возрастъ не отпускаемъ, — пробѣжавъ поданное ему заявленіе, отвѣтилъ чекистъ, и надо было видѣть отразившееся на лицѣ юноши отчаяніе, чтобы понять трагедію сидящихъ въ большевицкой мышеловкѣ узниковъ.

Четырнадцатидневный срокъ до полученія отвѣта изъ Бюро я употребила на устройство своихъ денежныхъ дѣлъ. Оффиціально разрѣшалось вывозить заграницу только триста рублей, но при дороговизнѣ жизни въ СССР, не отказывая себѣ въ пищѣ и въ одеждѣ, я никогда не имѣла на рукахъ свободными даже такихъ денегъ. Главное, на что разсчитывала я, были, заработанныя мужемъ за строительныя работы въ „Сѣвзапторгѣ", нѣсколько тысячъ, выдачу которыхъ тамъ обѣщали ускорить, и которыя я предполагала передать заграницу тѣмъ же способомъ, что и рукопись этой книги.

Кромѣ того, я рѣшила продать нѣсколько мелкихъ картинъ своей коллекціи, что можно было сдѣлать, не привлекая вниманія живущихъ въ домѣ коммунистовъ.

Услыхавъ, что среди ликвидируемыхъ картинъ имѣется рѣдкая гравюра временъ королевы Елизаветы англійской, мнѣ посовѣтовали, въ одномъ консульствѣ, предложить ее англійскому консулу.

Но и здѣсь выяснился рискъ сношеній съ иностранцами.

— Только лучше не итти къ нему лично, — сказали мнѣ. — На дняхъ, приглашенные на обѣдъ русскіе знакомые этого консула, по выходѣ отъ него, были арестованы дежурившими у дома агентами ГПУ, и освобождены лишь послѣ того, когда обыскъ у нихъ не далъ ничего компрометирующаго. Вы хлопочете о выѣздѣ, поэтому вамъ надо быть особенно осторожной.

Явившись черезъ двѣ недѣли въ Бюро Визъ, чтобы узнать о рѣшеніи своей участи, я съ волненіемъ подошла къ вывѣшеннымъ, въ пріемной, спискамъ фамилій лицъ, получившихъ отказъ или разрѣшеніе и... какъ передать то отчаяніе, какое испытала я, увидавъ свою фамилію въ первомъ, — какими словами выразить охватившую меня бурную радость, когда выяснилась ошибка, и мнѣ вручили заграничный паспортъ.

Порывая со всѣмъ, съ чѣмъ были связаны привычки долгой жизни, и бросаясь въ неизвѣстность, безъ средствъ и особыхъ надеждъ, я готова была, по институтски, цѣловать открывавшую мнѣ двери тюрьмы книжечку и выдавшую ее „гражданку“.

Выйдя изъ Бюро, я встрѣтила знакомаго поэта и сказала, что на время уѣзжаю заграницу и буду оттуда писать.

— Нѣтъ, ужъ ради Бога, не пишите, — испугался онъ, — вамъ то, сидя тамъ, въ безопасности, хорошо будетъ, а тутъ „за сношенія съ иностранной державой“ не поздоровится.

Опасеніе было справедливо: незадолго до этого, кузина моего мужа, за ограничивавшуюся вопросами о здоровьѣ переписку, съ жившей въ Германіи сестрой, была

вызвана въ ГПУ и допрашивалась слѣдователемъ въ теченіе *шести часовъ*.

При сдачѣ мной экспертамъ Главнауки картинъ, все шло благополучно до тѣхъ поръ, пока они не увидѣли одну изображавшую городового съ найденнымъ ребенкомъ на рукахъ. Картина поражала живостью и будила такія чувства, что эксперты, переглянувшись, объявили о невозможности выпустить ее изъ СССР.

Только послѣ долгихъ переговоровъ, при неожиданномъ содѣйствіи присутствовавшаго при этомъ военнаго чекиста, картина получила пропускъ.

— Пускай увозятъ, городовому теперь больше подходящее мѣсто у капиталистовъ, чѣмъ у насъ, — сказалъ онъ.

На этотъ разъ удача сопутствовала мнѣ во всемъ, хлопоты мои уже близились къ концу, до отъѣзда, т. е. до срока, на который былъ выданъ паспортъ, оставалось всего двѣ недѣли, когда, однажды, продрогнувъ на двадцатиградусномъ морозѣ, я почувствовала сильное недомоганіе.

Однако, обращать вниманіе на здоровье не было времени, и я продолжала выходить до тѣхъ поръ, пока болѣзнь не вынудила меня обратиться къ доктору.

— Воспаленіе легкихъ, — сказалъ онъ. — Вы запустили его, и теперь вамъ придется пролежать мѣсяца два, а если болѣзнь осложнится, то и больше.

LIV

ВЪ ЛИЧНЫХЪ ПОКОЯХЪ НИКОЛАЯ II*)

Восемь безконечныхъ недѣль пришлось провести мнѣ въ состояніи мучительнаго, въ данныхъ условіяхъ, вынужденнаго, бездѣйствія. Полагавшаяся паспорту двухмѣсячная отсрочка, послѣ которой онъ становился уже недѣйствительнымъ, мало успокоивала меня, ибо болѣзнь могла затянуться, а политическія причины — за-

*) Было напечатано въ газетѣ „Возрожденіе“.

ставить власть въ любой моментъ снова закрыть границы.

Но, наконецъ, насталъ день, когда и это, казалось, послѣднее, препятствіе миновало: докторъ разрѣшилъ мнѣ выходить, и я направилась брать билеты на пароходъ, отходящій 21-го мая на Штеттинъ.

Единственное, что еще нѣсколько безпокоило меня, была задержка Сѣвзапторгомъ денегъ, но зная, что мы, „на мѣсяцъ", уѣзжаемъ заграницу, и у насъ уже взяты билеты, тамъ увѣрили, что безпокойство это безосновательно, что, въ крайнемъ случаѣ, расчетъ съ мужемъ будетъ произведенъ наканунѣ нашего отъѣзда, т. е. 20-го, внѣочередно, изъ имѣющихся въ кассѣ особыхъ суммъ.

До сихъ поръ Сѣвзапторгъ, не въ примѣръ другимъ совѣтскимъ учрежденіямъ, отличался аккуратностью, и поэтому не вѣрить словамъ завѣдывавшаго выплатой коммуниста не было основаній тѣмъ болѣе, что ожиданіе, въ этотъ разъ, и безъ того было длительнымъ.

Покончивъ со всѣми остальными дѣлами, я рѣшила поѣхать въ Царское Село, осмотрѣть открытые для обозрѣнія личные покои Царской Семьи, а затѣмъ побывать на петроградскихъ кладбищахъ, чтобы проститься съ могилами близкихъ*).

Весенній теплый день.

Солнце уже согнало снѣгъ съ полей, и только подъ откосами желѣзнодорожной насыпи онъ еще держится — рыхлый, пожелтѣвшій.

„Дѣтское" Село!

Поѣздъ медленно подходитъ къ станціи, и нагруженная пакетами, котомками, баулами сѣрая толпа, безцеремонно толкая другъ друга, высыпаетъ на перронъ.

На улицѣ, переименованной, въ честь одного изъ

*) То и другое привожу, какъ записала тогда подъ впечатлѣніемъ видѣннаго, по возвращеніи изъ посѣщенныхъ мѣстъ.

участниковъ убійства Государя, въ „улицу Бѣлобородова“, толпа быстро распыляется.

Совѣтская аристократія — два матроса въ необъятныхъ „клёшахъ“, упитанный спекулянтъ, въ сопровожденіи носильщика съ чемоданами, и пьяненькій товарищъ, пролетарскаго вида, быстро разбираетъ стоящія у вокзала ободранныя кривыя пролетки и, съ грохотомъ, уносится вдаль.

Публика попроще, взваливъ на плечи поклажу, торопливо расходится по домамъ, а я, оставшись въ одиночествѣ, не спѣша направляюсь къ Александровскому дворцу.

Какъ постарѣло Царское, какъ вѣетъ отъ него кладбищемъ!

Сколько разрушенныхъ и полуразрушенныхъ домовъ, еще сохранившихъ на стѣнахъ гербы прежнихъ владѣльцевъ, сколько поросшихъ травой площадокъ съ грудами кирпича и желѣза.

На каждомъ перекресткѣ новыя названія улицъ, назойливо напоминающія проходящимъ о „подвигахъ революціи“ и о томъ, что, кромѣ нея и пролетарскаго самодержавія, въ мірѣ не существуетъ ничего хорошаго. На одномъ изъ зданій надпись: „Столовая ДЕПО“ (Дѣтскосельское потребительское общество).

А вотъ, наконецъ, — и паркъ. Историческій царскосельскій паркъ, вѣковыя деревья котораго, какъ и все окружающее, видѣли столько величія, блеска и красоты.

Заливаются птицы; отъ нагрѣтаго солнечными лучами воздуха становится жарко, а здѣсь, при входѣ въ Александровскій дворецъ, охватываетъ могильный холодъ, тишина гробницы.

Изъ вестибюля, вмѣстѣ съ двумя нарядными совѣтскими дамами и тремя товарищами, общественное положеніе которыхъ, какъ теперь часто бываетъ въ Россіи, трудно опредѣлить, — проводникъ ведетъ насъ въ малую пріемную.

Приспособленная изъ столовой, для неофиціальныхъ пріемовъ Государя, небольшая комната со скромной обстановкой. На столикѣ, у входныхъ дверей, виденъ от-

рывной календарь, датированный 31-мъ іюля, послѣднимъ днемъ пребыванія Царской Семьи во дворцѣ, съ которымъ 1-го (14) августа она простилась уже навсегда.

Въ кабинетѣ Государя, гдѣ онъ выслушивалъ доклады министровъ, у письменнаго стола, маленькое кресло Наслѣдника, не разъ присутствовавшаго на этихъ пріемахъ, чтобы постепенно привыкать къ государственнымъ дѣламъ.

Вокругъ, по стѣнамъ, множество портретовъ близкихъ лицъ и родственныхъ монарховъ, скромные подарки Великихъ Княженъ — дочерей и супруги — Государыни, — собственной работы вышивки и выжиганія по дереву.

Минуемъ рядъ комнатъ, въ которыхъ, по словамъ нашего проводника, почти все осталось какъ было (кромѣ драгоцѣнностей, частью вывезенныхъ, частью опечатанныхъ въ одной изъ комнатъ дворца), и входимъ въ парадную пріемную.

Служитель разсказываетъ*), что часто интересовавшаяся дѣлами правленія, Императрица Александра Федоровна, тайно отъ посѣтителей, присутствовала на этихъ пріемахъ, скрытая балюстрадой перехода, соединяющаго ея покои съ апартаментами Государя.

Отсюда, черезъ коридоръ, переходимъ на половину Государыни.

Большая элегантная пріемная, на одной изъ стѣнъ которой виситъ великолѣпный портретъ Великой Княгини Елизаветы Федоровны въ монашескомъ одѣяніи.

Вокругъ, множество жардиньерокъ, при жизни Императрицы всегда наполненныхъ цвѣтами, которые, какъ поясняетъ проводникъ, она очень любила.

— Часто ли бывалъ здѣсь Распутинъ? — интересуется одна изъ совѣтскихъ дамъ.

---

*) Я привожу здѣсь точно слышанное мной отъ проводниковъ, бывшихъ и ранѣе дворцовыми служителями и хорошо знавшихъ жизнь Царской Семьи.

— Только когда былъ боленъ Алексѣй Николаевичъ, а такъ онъ пріѣзжалъ къ Вырубовой, куда и ѣхала, извѣщенная о его прибытіи, Государыня.

Слѣдуемъ дальше, черезъ анфиладу комнатъ, въ которыхъ все, начиная съ сюжета картинъ, говоритъ о мистическихъ склонностяхъ Императрицы.

Столовой нѣтъ: съ тѣхъ поръ, какъ послѣдняя понадобилась Государю для малыхъ пріемовъ, обѣденный столъ стали вносить ежедневно въ одну изъ комнатъ Государыни, гдѣ Семья и обѣдала.

Въ опочивальнѣ поражаетъ простота обстановки. Двѣ узкія, никелированныя кровати съ обыкновенными атласными покрывалами, стоятъ рядомъ у стѣны, сплошь увѣшанной образами.

Образа всюду, даже на отдѣльномъ столикѣ, гдѣ подъ стекломъ хранились особо чтимые.

У изголовья — входъ въ молельню Государыни.

— Тамъ, — говоритъ проводникъ, — Александра Федоровна подолгу молилась.

А справа, у стѣны, небольшой столъ, на которомъ лежитъ приготовленная наканунѣ отъѣзда, сорочка Государыни...

— Не успѣла надѣть, — поясняетъ гидъ.

Вѣетъ холодомъ гробницы, вѣетъ трагедіей...

Кажется, стѣны и вещи сохранили еще тѣ ощущенія, которыя пережила въ моментъ своего отбытія къ неизвѣстному Царская Семья; кажется, здѣсь рѣютъ окровавленныя тѣни предательски убитыхъ узниковъ; и, бросивъ прощальный взглядъ на окружающее, я тороплюсь за проводникомъ, вспоминая его разсказъ о неудовольствіи Императрицы Александры Федоровны, вызванномъ поднесеннымъ ей, французскимъ президентомъ Феликсомъ Форомъ, портретомъ Королевы Маріи Антуанеты.

Нѣсколько суевѣрная Императрица, усмотрѣвъ въ этомъ подаркѣ дурное предзнаменованіе, долго колебалась, украшать ли имъ стѣны дворца.

Однако, поборовъ непріятное чувство, Государыня, всегда лично руководившая размѣщеніемъ принадлежавшихъ ей картинъ и мебели, приказала устроить пода-

рокъ въ той же комнатѣ, гдѣ находился и ея, сдѣланный во весь ростъ, портретъ.

По крутой узкой лѣстницѣ поднимаемся наверхъ, гдѣ помѣщаются дѣтскія комнаты, — неуютныя и сумрачныя.

Болѣе, чѣмъ скромныя, пріемныя Великихъ Княженъ и такія же спальни, гдѣ, въ каждой, по двѣ обыкновенныя кровати, по два одинаковыхъ туалета, и т. д.

И, наконецъ, — покои Наслѣдника.

Здѣсь, въ учебныхъ комнатахъ, сосредоточено все, что только могъ изобрѣсти человѣческій мозгъ, для наиболѣе быстраго и успѣшнаго усвоенія знаній.

Громадныя разборныя крѣпости, аэропланы, поѣзда и автомобили смѣняются въ залѣ игръ диковинными, поучительными игрушками, изъ которыхъ многія уже „утрачены". (Вѣроятно такъ же, какъ „утрачена" изъ царской опочивальни лежавшая на туалетномъ столикѣ сорочка Государыни, которой я, посѣтивъ дворецъ вторично, уже не видѣла).

Рядомъ помѣщаются комнаты двухъ дядекъ Наслѣдника, изъ которыхъ одинъ, какъ извѣстно, послѣдовавъ за своимъ царственнымъ питомцемъ въ ссылку, раздѣлилъ его трагическую судьбу.

Въ одной изъ залъ, у балкона, выходящаго на аллею, въ концѣ которой виденъ памятникъ первымъ четыремъ жертвамъ революціи, во время похоронъ стоялъ Государь.

Увидѣвъ Императора, глядѣвшаго со своей стражей на процессію, нѣсколько человѣкъ изъ толпы бросили, по его адресу, какія то „революціонныя" угрозы.

— Тогда Государь, — передаетъ проводникъ, — разгнѣвался и сказалъ, отходя отъ дверей:

„Я всегда говорилъ, что мой народъ нуждается сейчасъ не въ свободѣ, а въ просвѣщеніи".

Выхожу изъ дворца. Весенній сверкающій день не кажется радостнымъ; на душѣ тяжесть непоправимаго, въ глазахъ красные круги, отъ слишкомъ ли яркаго солнца, или отъ напоминанія о той крови мучениковъ, которая пролилась далеко отъ этихъ холодныхъ стѣнъ, которая столько лѣтъ льется въ именовавшемся нѣкогда Россіей застѣнкѣ...

На храмахъ и дворцахъ кровавыя знамена,
Въ странѣ полночныхъ сновъ — смертельная борьба,
А въ книгѣ бытія, незримою рукою,
Свой грозный приговоръ уже чертитъ судьба.

—

Томятъ предчувствія... Послѣднія мгновенья
Предъ тѣмъ какъ покидать, быть можетъ, навсегда,
Чертоги пышные, гдѣ тягости правленья
Смѣняли пиршества и празднествъ череда.

Послѣдній, долгій взглядъ на все, что сердцу мило.
Вонъ тамъ, за тѣмъ столомъ, какъ будто бы вчера,
Дарилъ онъ жизнь иль смерть, рѣшая судьбы міра
Единымъ росчеркомъ державнаго пера.

Вотъ кресло дѣтское для царственнаго сына,
Подарки скромные — работа дочерей,
Тамъ — даръ отъ подданныхъ, — любимая картина,
Все — память свѣтлая ушедшихъ въ вѣчность дней.

А здѣсь — портретовъ рядъ: глядятъ изъ рамъ безпечно
Монарховъ родственныхъ знакомыя черты,
А между нихъ и онъ — на царственной порфирѣ
Бѣлѣетъ горностай — эмблема чистоты.

Да, нѣкогда, и онъ, въ борьбѣ за благо края,
Храня своихъ одеждъ державныхъ бѣлизну,
Былъ радъ и жизнь отдать... но чья то воля злая
Толкала къ гибели корону и страну.

А нынѣ... Но — пора. Уже торопитъ стража...
Въ далекій, скорбный путь, къ безвѣстному, — пора!
Томятъ предчувствія угрозой темной душу:
Придетъ ли „завтра“ вновь?.. Вернется ли „вчера“?..

—

Несутся въ вѣчность дни... Кровавыя знамена
Еще пятнаютъ міръ, еще кипитъ борьба,
Но въ книгѣ бытія, незримою рукою,
Убійцамъ приговоръ уже чертитъ судьба.

LV

„МИРНО СПЯЩІЕ“*)

У „Митрофанія“ — настоящее гулянье.

Воскресный день и молодая зеленая травка привлекли, въ это царство мертвыхъ, толпы, преимущественно, живущаго поблизости рабочаго люда, и всюду виднѣются расположившіяся на могилахъ семьи и парочки.

Главная аллея этого демократическаго кладбища усѣяна папиросными коробками, бумажками отъ леденцовъ и подсолнечной шелухой.

Сворачиваю на боковую дорожку и, рискуя промочить ноги, иду, по сочащей какую то жижу землѣ. Отъ лежавшихъ здѣсь, нѣкогда, мостковъ, остались только торчащіе кое гдѣ куски гнилыхъ досокъ, и, чтобы обойти попадающіяся на пути ямы, наполненныя смрадной удручающаго вида водой, приходится взбираться на могилы.

Но чѣмъ дальше углубляюсь я въ этотъ лѣсъ крестовъ, тѣмъ ужаснѣе вокругъ видъ разрушенія.

Провалившіеся въ могилы памятники и надгробныя часовни, съ рухнувшими внутрь, почернѣвшими отъ времени и дождей крышами, и, всюду, — гніющая зеленая вода.

Зато, какъ буйно разрослись, въ этомъ смрадномъ болотѣ, почти не пропускающія солнечныхъ лучей, деревья, какъ не гармонируютъ съ ихъ нѣжной зеленью и щебетаньемъ птицъ эта пронизывающая сырость, эти, склоненныя подъ крестами еще свѣжихъ могилъ, черныя тѣни.

Тихо, стороною, обхожу одну изъ нихъ, и вдругъ... тишину кладбища прорѣзаютъ несущіеся, изъ за ближайшей часовни, звуки гармоники и мужской голосъ, задорно выкрикивающій:

---

*) Было напечатано въ бѣлградскомъ „Новомъ Времени“.

Эхъ и какъ не веселиться мнѣ то,
Сто разовъ воленъ жениться я то...

Голосъ обрывается, слышенъ женскій визгъ и смѣхъ, и снова, еще задорнѣе:

Эхъ и какъ не веселиться мнѣ то,
Сто разовъ воленъ жениться я то.
Женъ не надоть хоронить, мнѣ то,
Всѣ со мной будутъ жить, онѣ то.

Вѣтеръ отбрасываетъ въ сторону слова поющаго, и я улавливаю еще только отдѣльныя фразы припѣва:

Комсомолочка дѣвица
Ничего то не стыдится,
Я жъ совѣтскій женишокъ...

Подхожу къ часовнѣ и, только сейчасъ, замѣчаю, что высокій, деревянный заборъ, нѣкогда отдѣлявшій кладбище отъ примыкавшихъ къ нему огородовъ, знаменитаго Горячаго поля*) и желѣзнодорожнаго пути, безслѣдно исчезъ, открывъ свободный доступъ къ могиламъ, изобилующимъ въ этой мѣстности, хулиганамъ.

Однако, приблизившись, убѣждаюсь, что ошиблась, заподозрѣвъ въ поющемъ аборигена Горячаго поля. Сидящіе на одной изъ крайнихъ могилъ молодые люди, рабочаго типа, одѣты въ солидныя кожаныя куртки и щеголеватые высокіе сапоги, ихъ дамы — подростки, лѣтъ 15—16-ти, въ красныхъ комсомольскихъ платочкахъ, въ чистыхъ кокетливыхъ платьяхъ.

Мое появленіе не произвело на нихъ никакого впечатлѣнія, но, когда я проходила мимо, державшій гармонику снова запѣлъ, причемъ, на этотъ разъ, слова пѣсни были возмутительно циничны.

Направившись по этой же чертѣ кладбища на другой его конецъ, я снова наткнулась на „пикникъ“, причемъ жалкія лохмотья, босыя ноги и весь обликъ пирующихъ, краснорѣчиво говорили объ ихъ соціальномъ положеніи.

---

*) Свалка нечистотъ.

„Дамъ“ въ этой компаніи не было, но на могилѣ, вокругъ которой она расположилась, лежали огурцы, хлѣбъ и др. незатѣйливыя яства, у креста стояла, прислоненная къ нему, бутылка „рыковки“, а другая, уже опустошенная, лежала возлѣ.

Эта встрѣча заставила меня ускорить шаги, напомнивъ, что терроръ, примѣняемый совѣтской властью и къ такимъ „гражданамъ“, не гарантируетъ прохожихъ отъ грабежа и убійства даже въ болѣе людныхъ мѣстахъ.

Когда я вышла къ путямъ, нечувствительный въ густыхъ заросляхъ деревьевъ, вѣтеръ, словно въ набатъ, ударялъ о стѣны кладбищенской церкви, висящими съ ея крыши ржавыми листами желѣза. Изъ окружающей кладбище канавы, нѣкогда служившей дренажемъ для его болотистой почвы, а нынѣ засоренной мусоромъ и наполненной, размывшей ближайшія могилы, водой, — доносился удушливый трупный запахъ.

Сладковатый и приторный, онъ преслѣдовалъ меня даже на площади Балтійскаго вокзала, гдѣ, въ ожиданіи трамвая, я бросала укоризненные взгляды на поставленный здѣсь „благодарнымъ потомствомъ“ бюстъ Бланки.

У Александро-Невской лавры — толпа нищихъ, явленіе столь обычное для СССР, что на него никто уже не обращаетъ вниманія. Нищіе осаждаютъ васъ всюду — въ трамваяхъ и поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ, въ магазинахъ и на дому, обращаясь съ просьбой (если заподозрятъ въ васъ бывшаго человѣка) на прекрасномъ французскомъ или англійскомъ языкѣ.

И какія лохмотья, какія обреченныя лица, съ ввалившимися, скорбными глазами, съ обрисованнымъ, подъ зеленоватою кожей, черепомъ!

Налѣво отъ входа, нынѣ перешедшее въ „Общество охраны памятниковъ старины“ Лазаревское кладбище, для посѣщенія котораго требуется разрѣшеніе, направо раскрытыя ворота Тихвинскаго, куда вхожу.

Прогнившіе, мѣстами провалившіеся мостки, густо заросшія травой могилы, съ покосившимися, почернѣвши-

ми крестами и вросшими въ землю надгробными плитами.

Наполненныхъ водою ямъ не видно, потому что нѣтъ того болота, въ какое обратился „Митрофаній“. На этомъ дорогомъ кладбищѣ, гдѣ хоронились именитые, состоятельные покойники, разгромъ иного порядка.

У великолѣпныхъ часовенъ - склеповъ и внутри ихъ миніатюрныхъ комнатъ, убранство которыхъ зачастую состояло изъ любимыхъ вещицъ и обстановки нашедшаго здѣсь послѣдній пріютъ, разбросаны надгробные вѣнки, обрывки траурныхъ лентъ, обломки стульевъ и пр. У многихъ двери сорваны съ петель, зеркальныя стекла разбиты, кое гдѣ изъ стѣнъ вынуты, повидимому представляющіе цѣнность, образа.

Подымаюсь по каменнымъ ступенямъ одного изъ такихъ мавзолеевъ. Посреди пола раскрытая, ведущая въ склепъ, дверца, нагнувшись надъ которой невольно вскрикиваю. Крышка стоящаго тамъ гроба сорвана, и изъ него глядитъ на меня полуразложившееся лицо, совершенно обнаженнаго, наполовину вынутаго оттуда, покойника.

Видъ былъ ужасенъ, но я имѣла мужество взглянуть еще на нѣсколько такихъ разграбленныхъ склеповъ съ ихъ „мирно“ спящими обитателями, у которыхъ, какъ пояснилъ мнѣ потомъ сторожъ, грабители вынимаютъ изъ челюстей даже золотые искусственные зубы.

— До того осмѣлѣли хулиганы, — жаловался онъ, — что не только покойниковъ грабятъ, но и свинцовые гробы таскаютъ; хотимъ ворота совсѣмъ закрыть*).

У моего семейнаго склепа сторожъ пояснилъ, что „національзація“ коснулась и этой „собственности“: пріобрѣтенная раньше земля, для желающихъ нынче стать здѣсь „помѣщикомъ“, должна снова оплачиваться.

Было бы слишкомъ долго описывать всѣ достопримѣчательности совѣтскихъ кладбищъ, — скажу еще

*) Эта мѣра не дала результатовъ, и грабители продолжали выносить гробы черезъ окружающую кладбище высокую каменную ограду.

только о бросившемся мнѣ въ глаза, повидимому, недавно вынутомъ изъ могилы, простомъ деревянномъ крестѣ, съ краткой надписью:

„... убитъ въ 1925 году“.

Заинтересовавшись, я спросила у сторожа, откуда этотъ крестъ.

— Офицеръ одинъ, во время ареста не давался, такъ убили. Послѣ похоронить матери дозволили, а какъ увидѣлъ тутъ коммунистъ одинъ надпись, да узналъ за что убитъ, велѣлъ крестъ снять.

А вдоль тротуара монастырскаго двора, въ назиданіе прохожимъ, тянется рядъ могилъ „революціонныхъ товарищей“ съ соотвѣтствующими надписями.

Историческая святыня Петербурга, — Александро-Невская лавра, — осталась уже далеко позади, а передо мною все еще вставали разложившіяся лица покойниковъ, и, вѣроятно, въ связи съ этимъ представленіемъ, преслѣдовалъ трупный запахъ, размытыхъ водой, могилъ.

Это было моимъ послѣднимъ „яркимъ“ впечатлѣніемъ въ СССР.

LVI

„КОРОЛЬ АГИТАЦІИ“

До отхода парохода оставалось только три дня, и я отправилась съ кузиной мужа*) въ германское консульство за транзитной визой.

Вышли мы оттуда очарованныя видѣннымъ: обыденная вѣжливость, приличныя манеры и чистые воротнички служащихъ произвели на совѣтскихъ гражданокъ неизгладимое впечатлѣніе: „Другой міръ“.

Но впечатлѣніе это быстро смѣнилось специфически совѣтскимъ. Вернувшись домой, я узнала, что телефонировавшій, въ мое отсутствіе, комиссаръ, просилъ ме-

---

*) Ея мужъ былъ разстрѣлянъ одновременно съ моими близкими.

ня пріѣхать въ Домъ Печати „непремѣнно сегодня въ 4 часа“.

Конечно, первой моей мыслью было, что онъ узналъ о моемъ отъѣздѣ и хочетъ ему воспрепятствовать; однако, комиссаръ встрѣтилъ меня очень любезно, участливо освѣдомился, вполнѣ ли я оправилась отъ болѣзни, и затѣмъ сказалъ:

— А я хотѣлъ вамъ предложить кое что... Не хотите ли заработать много денегъ?

— Конечно, хочу. Только это не такъ просто.

— Очень просто. Дѣло въ томъ, что я командируюсь на три мѣсяца заграницу.

Комиссаръ умолкъ, многозначительно на меня глядя.

— Но какую же связь можетъ имѣть мой заработокъ съ вашей командировкой? Вѣдь получу за нее не я?

— Значительную часть можете получить и вы... Вамъ извѣстно, что послѣ Володарскаго я считаюсь у насъ наиболѣе талантливымъ агитаторомъ — меня называютъ „королемъ агитаціи“, — съ гордостью сказалъ комиссаръ. — Всѣ мои рѣчи, конечно, записываются, большинство отпечатано въ милліонахъ экземпляровъ и читается на разныхъ фабрикахъ и въ провинціальныхъ и петроградскихъ красноармейскихъ клубахъ.

— Все же не понимаю, причемъ здѣсь я?

— Я предлагаю вамъ, въ мое отсутствіе, читать эти рѣчи... за большое вознагражденіе. Вы учились декламаціи, и ваши индивидуальныя качества вполнѣ подходятъ для того, чтобы овладѣть вниманіемъ аудиторіи.

На этотъ разъ я остереглась противорѣчить или высказать удивленіе.

— Иными словами, вы снова предлагаете мнѣ заняться агитаціей? Но, вѣдь, я уже неоднократно говорила вамъ, что всякая революціонная дѣятельность, какой бы она окраски ни была и если она будетъ даже, какъ говорятъ ученики, „по шпаргалкѣ“ — претитъ мнѣ. Вспомните, — попробовала я пошутить, — слова Пушкина:

Мы созданы для вдохновеній,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ...

— Ну, — отвѣтилъ комиссаръ, усмѣхнувшись почему то не очень доброй усмѣшкой, — ваша прошлая и настоящая дѣятельность указываетъ, что вы созданы не только для этого.

— Да, но теперь, покончивъ съ Экспедиціей и балетной школой, я хочу наконецъ наверстать отнимаемое мной отъ литературы, въ теченіе всей жизни, время. Не вы ли указывали мнѣ, что я затянула свой романъ на столько лѣтъ, что изъ фантастическаго онъ обратится въ реальный, такъ какъ ко дню его окончанія весь міръ будетъ именоваться Коммуной уже въ дѣйствительности. Такъ вотъ, чтобы этого не случилось, и моя осенняя поѣздка на Кавказъ не стала утопіей, я рѣшила все лѣто посвятить работѣ. Ко дню вашего возвращенія изъ заграницы романъ будетъ готовъ.

Ничего не отвѣтивъ, комиссаръ долго, и какъ бы обдумывая что то, смотрѣлъ на меня.

— Что вы такъ разсматриваете меня, будто увидѣли впервые?

— Мнѣ пришла въ голову одна мысль... Очень удачная.

— Какъ выхлопотать мнѣ авансъ покрупнѣе?

— Нѣтъ, — снова улыбнулся комиссаръ, — нѣсколько иная... Я думалъ... У васъ, вѣдь, заграницей есть, успѣвшая ускользнуть отъ насъ, бѣлогвардейская родня. У нея, навѣрное, значительныя связи во вліятельныхъ иностранныхъ кругахъ?

— Понятія не имѣю даже жива ли эта „родня". Я, вѣдь, не переписываюсь съ ней. Но почему вы заговорили объ этомъ? — уже предчувствуя недоброе, спросила я.

— Я думаю не взять ли васъ заложницей, чтобы, при случаѣ, обмѣнять на кого нибудь изъ нашихъ. Ваши родные, узнавъ объ этомъ, навѣрное, всѣ пороги обили бы у иностранцевъ, чтобы добиться этого.

Уже привыкшая въ СССР ко всякимъ неожиданностямъ, я все же опѣшила.

— Напрасно вы думаете, что мои родные могутъ быть такъ вліятельны, чтобы осуществить вашъ проектъ, да и у васъ есть заложники для иностранцевъ болѣе цѣн-

ные, чѣмъ я, абсолютно имъ невѣдомая. И потомъ... неужели вы способны были бы, совершенно безвинно, бросить меня въ тюрьму? Вотъ уже не думала!..

— Отчего же... Если бы этого потребовала революція... Для ея пользы... Я бы распорядился, чтобы вы тамъ ни въ чемъ не нуждались до тѣхъ поръ, пока вы эмигрировали бы заграницу, какъ хотѣли, — „при моемъ содѣйствіи".

На этотъ разъ загадочная фраза комиссара о „заграницѣ", сказанная въ тотъ моментъ, когда заграничный паспортъ лежалъ у меня въ сумочкѣ, — почти убѣдила меня въ томъ, что ему все извѣстно. Но, вспомнивъ о „дерзости" и слова Гумилева, что „большевики даже разстрѣливая, уважаютъ смѣлыхъ" — я рѣшила перейти въ нападеніе.

— Это возмутительно, — сказала, я, — что вы думаете распорядиться мной, словно какой то вещью. Я уже говорила вамъ и повторяю снова, что разставаться съ Россіей я не хочу. Оставьте меня спокойно зарабатывать своими литературными вечерами и заканчивать свою работу, которая, вѣдь, также, явится своего рода агитаціей, ибо будетъ говорить о коммунизмѣ, согласно указаніямъ Ленина, Зиновьева и другихъ творцовъ нашей коммуны.

— Ну, хорошо, мы объ этомъ поговоримъ послѣ моего возвращенія изъ командировки. Тамъ виднѣе будетъ.

— А вы еще говорили, — напомнила я комиссару уже уходя, — что преслѣдованіе интеллигенціи не коснется меня.

— Лично васъ оно и не касается, хотя вы одно изъ звеньевъ цѣпи, которая съ удовольствіемъ обвила бы наше горло, чтобы задушить; но мы теперь достаточно сильны, чтобы сбросить ее и растоптать или переплавить въ то орудіе, которое намъ необходимо. Царская интеллигенція отыграла въ нашемъ строительствѣ свою роль, и является для насъ сейчасъ ненужнымъ, вреднымъ балластомъ, особенно, если, работая съ нами, не исповѣдуетъ нашихъ идей. Вотъ вы, напримѣръ, упор-

ствуете, не хотите приложить вашу энергію къ новому строительству и, вмѣсто того, чтобы забавлять рабочихъ, поучать ихъ. Какая же намъ польза отъ васъ?

— Удивительно, — не отвѣчая на послѣднюю фразу, сказала я, — какъ измѣнились ваши взгляды. Вы почти дословно повторяете сказанныя мнѣ, столько лѣтъ назадъ, слова Володарскаго, а давно ли говорили, что у васъ происходятъ разногласія съ партіей изъ за того, что вы стоите за отмѣну террора по отношенію къ интеллигенціи, совмѣстную работу съ ней и даже, до „міровой революціи" — за частную торговлю.

— Да, совершенно вѣрно, но время, вѣдь, не стоитъ на мѣстѣ. Мы уже достаточно крѣпко держимся на ногахъ, чтобы двигаться впередъ безъ няньки, которая стала для насъ тормозомъ и вызвала необходимость ликвидировать ее. А что я повторяю слова Володарскаго, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ у всѣхъ у насъ одна цѣль, и всѣ мы идемъ къ ней одной дорогой.

Покидая комиссаріатъ, мнѣ оставалось только благодарить судьбу, что этотъ разговоръ съ комиссаромъ, являлся, какъ надѣялась я, послѣднимъ.

LVII

НА НОВУЮ ЖИЗНЬ... СО СТА ДОЛЛАРАМИ

Утромъ девятнадцатаго, меня увѣдомила Дерутра*), что пароходъ отбываетъ на день раньше, т. е. двадцатаго, въ три часа дня.

Чтобы не тратить времени на обмѣнъ въ банкѣ совѣтскихъ червонцевъ на доллары и узнать, можно ли будетъ, на другой день, купить ихъ на три тысячи рублей, я отправилась къ рекомендованному знакомыми спекулянту.

— На три тысячи не наберется, а на двѣ съ поло-

*) Русско-нѣмецкое пароходное общество.

виной будетъ, — сказалъ спекулянтъ, обмѣнявъ мнѣ нѣсколько червонцевъ на сто долларовъ.

— Нельзя ли не мелкими?

— Не имѣю.

— Но вотъ у васъ въ бумажникѣ сто долларовъ, — указала я на виднѣвшуюся тамъ кредитку.

— Этой не могу дать, такъ какъ не поручусь, что настоящая. Меня рекомендовалъ вамъ мой постоянный кліентъ, и я не хочу, чтобы заграницей васъ арестовали, какъ сбытчицу фальшивокъ.

— Зачѣмъ же вы держите ее, если она фальшивая? — вспомнивъ приносившаго мнѣ поддѣлку рабочаго, спросила я.

— Нѣкоторые есть, что интересуются ими, — уклончиво отвѣтилъ спекулянтъ, видимо не очень довольный моими распросами.

Въ день отъѣзда, утромъ, мужъ отправился въ Сѣвзапторгъ за полученіемъ денегъ, обѣщавъ, какъ только получитъ ихъ, телефонировать мнѣ. Но проходилъ часъ за часомъ, а телефонъ безмолвствовалъ, и лишь въ половинѣ второго я, наконецъ, услыхала, что въ кассѣ не оказалось сегодня даже „особыхъ“ суммъ, и деньги обѣщаютъ выслать заграницу черезъ двѣ недѣли.

Я была ошеломлена. Разсчитывать на полученіе трехъ тысячъ рублей заграницей, куда высылка разрѣшалась лишь очень небольшими суммами, и куда мы ѣхали, якобы, на мѣсяцъ — было, конечно, невозможно, да и въ любую минуту переводъ денегъ въ другія страны могъ быть запрещенъ и вовсе.

Но раздумывать уже не было времени, часы указывали четверть третьяго — надо было рѣшать: оставаться, или... пускаться въ неизвѣстность со ста долларами.

Въ половинѣ третьяго, оставивъ Управдому ключи отъ всѣхъ, тайкомъ опустошенныхъ мною, хранилищъ и отъ квартиры, гдѣ почти все оставалось на своихъ мѣстахъ, — мы уже ѣхали на пристань.

Не провожалъ насъ никто, кромѣ прислуги, ибо, не желая навлекать подозрѣній на знакомыхъ, я, послѣд-

нія недѣли, подъ предлогомъ, что еще не оправилась отъ болѣзни, никого не принимала, а родные, напуганные случаемъ съ кузиной, простились съ нами у себя на дому, умоляя не писать имъ.

Въ таможнѣ, въ ожиданіи очередного вызова для осмотра багажа, намъ пришлось провести нѣсколько томительныхъ часовъ, и только выполнивъ всѣ формальности, мы направились, наконецъ, черезъ улицу къ пристани.

Окружившій насъ конвой запретилъ переговариваться съ бѣжавшими, по сторонамъ его, близкими и знакомыми отъѣзжавшихъ, и это послѣднее шествіе по родной землѣ имѣло вполнѣ совѣтскій, привычный глазу, видъ — ведомыхъ въ тюрьму арестантовъ.

Началась безконечная погрузка парохода, и, около десяти часовъ вечера, мы двинулись въ далекій путь.

Послѣдній разъ взглянула я на золотящійся, въ лучахъ заходящаго солнца куполъ Исаакія и шпицъ Петропавловской крѣпости, на Зимній дворецъ и набережныя, — на все, съ чѣмъ были связаны воспоминанія цѣлой жизни, въ чемъ оставалась частица души.

Но странно, — охватившая меня грусть не была слѣдствіемъ разлуки съ родиной: воображеніе рисовало картины далекаго прошлаго, и на Петроградъ я смотрѣла, въ эту минуту, какъ на портретъ дорогого покойника. Знакомыя очертанія будили думы о невозвратномъ быломъ, и утрата „фотографіи“ не казалась особенно тягостной.

Къ тому же, на каждомъ камнѣ этого, нѣкогда любимаго мной, города была теперь кровь, уцѣлѣвшіе дворцы напоминали о пережитыхъ ихъ владѣльцами пыткахъ и мученической смерти, а все вмѣстѣ — объ ужасахъ послѣднихъ лѣтъ и новомъ, лишенномъ всякой красоты, механизированномъ и примитивномъ, какъ у дикарей, бытѣ.

Пароходъ все развивалъ и развивалъ ходъ, и Петроградъ все уходилъ и уходилъ...

Начиналась новая жизнь, надо было итти въ каюту, приготовляться къ запоздавшему обѣду.

Большинство пассажировъ — совѣтскій профессоръ, служащій германскаго консульства и др. — ѣхало, дѣйствительно, „на время“. За капитанскимъ столикомъ заняли мѣста большевики, компаньоны Дерутры и нарядно, не по дорожному, одѣтая въ брильянты и кружева, жена извѣстнаго спекулянта съ сыномъ, абонировавшая каюту lux.

Послѣ обѣда я вышла на палубу. Небо горѣло звѣздами, и на его темномъ фонѣ все явственнѣе вырисовывались силуэты зданій и корабельныхъ трубъ...

Кронштадтъ!..

Я поторопилась уйти, чтобы не вспоминать, не думать...

Послѣ таможеннаго осмотра, послѣдовало снятіе совѣтскихъ печатей съ багажа, а за Толбухинымъ маякомъ, до котораго насъ сопровождалъ русскій катеръ, мы очутились внѣ совѣтской территоріи.

Мысль, что можно свободно говорить о большевикахъ все, что лежало на душѣ, казалось невѣроятной, неправдоподобной, и, чтобы, убѣдиться въ ея дѣйствительности, я, къ ужасу совѣтскаго профессора, умышленно громко, говорила ему о радости освобожденія изъ коммунистической тюрьмы, радости, которую не могло омрачить даже темное, надвигавшееся „завтра“ и мысль, что:

Опустивъ надъ минувшимъ завѣсу,
Оборвавъ съ нимъ послѣднюю нить,
Я сумѣю ли новыми снами,
Какъ въ быломъ, вдохновляться и жить?

Иль отравленный духъ мой, отнынѣ,
Не найдетъ утоленья нигдѣ,
Міръ повсюду мнѣ будетъ пустыней,
Одинокой я буду вездѣ?

Пусть и такъ!.. Но за темной грядою
Этихъ буйныхъ, стремительныхъ водъ,
Есть *надежда* на свѣтлое чудо,
Есть блаженство *забытыхъ свободъ*...

LVIII
ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ „КОМАГЕНТОВЪ" ЗАГРАНИЦЕЙ

Заканчивая мои воспоминанія, я не могу умолчать о своихъ зарубежныхъ встрѣчахъ съ большевиками.

По прибытіи въ Германію, мы провели нѣкоторое время въ Берлинѣ, затѣмъ мужъ уѣхалъ по дѣламъ, а я рѣшила ждать его возвращенія въ находящемся неподалеку отъ столицы курортѣ Свинемюнде.

Русскихъ, въ этомъ небольшомъ портовомъ городкѣ, не было, и я проводила время въ полномъ одиночествѣ, имѣя общеніе лишь съ прислуживавшей мнѣ женщиной.

Но, однажды, ко мнѣ явился элегантно одѣтый, молодой человѣкъ и, представившись, заявилъ, что, будучи въ Свинемюнде по коммерческимъ дѣламъ, случайно услыхалъ о проживающей здѣсь соотечественницѣ, захотѣлъ познакомиться съ ней и спросить, не можетъ ли быть чѣмъ нибудь полезенъ.

— Я коммерсантъ, живу постоянно въ Берлинѣ, — сказалъ онъ, — гдѣ имѣю большія связи и знакомства. Поэтому, если задумаете основаться тамъ, я могу быть вамъ полезнымъ въ пріисканіи помѣщенія и работы.

Узнавъ, что я предполагаю существовать на литературный заработокъ, мой гость сказалъ:

— Ну, на это не проживете. Но, ничего: я думаю, что могу помочь вамъ устроиться солидно не на случайный заработокъ. Черезъ недѣлю я снова пріѣду сюда, и тогда мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе.

Я была очень тронута проявленнымъ ко мнѣ участіемъ, горячо благодарила „соотечественника" и съ нетерпѣніемъ ждала его возвращенія.

Явился онъ не черезъ недѣлю, а черезъ три дня...

— Ну, вотъ, — сказалъ онъ, — я для васъ кое что уже сдѣлалъ, и, надѣюсь, что вы разсмотрите мое предложеніе не какъ легкомысленная женщина, а какъ серьезный, дѣловой человѣкъ. Въ Европѣ теперь однимъ талантомъ не просуществуешь, надо сперва опериться, стать на ноги, а потомъ уже дѣлать то, что нравится.

— Да, да, конечно, — радостно соглашалась я. — Но какое же дѣло предлагаете вы мнѣ?

— Собственно службы, дѣла, у васъ не будетъ. Вы будете получать, помимо крупнаго вознагражденія, средства на наемъ шикарнаго помѣщенія, на туалеты, выѣзды и все необходимое для широкаго образа жизни, — будете устраивать у себя, для эмиграціи и иностранцевъ, большіе пріемы, балы, вечера. За все это отъ васъ потребуется очень немногое: говорить и писать о крупныхъ достиженіяхъ Совѣтскаго Союза во всѣхъ областяхъ его строительства. Подтвержденіе этого вами, человѣкомъ, принадлежащимъ къ враждебному революціонной власти классу, притомъ проработавшему при ней въ теченіе столькихъ лѣтъ, будетъ для иностранцевъ особенно авторитетно. Конечно, для того, чтобы насъ не заподозрили въ сообществѣ, наряду съ этимъ вы должны будете порицать коммунизмъ, говорить, что уѣхали потому, что принципіально не могли примириться съ господствомъ рабочаго класса, ликвидированіемъ собственности и т. п. Но сквозь всѣ эти порицанія долженъ звучать одинъ основной мотивъ, что, при всѣхъ недочетахъ и ошибкахъ совѣтскаго правительства, строительство СССР прогрессируетъ, населеніе его все больше и больше свыкается съ новымъ строемъ и не промѣняетъ его ни на какой другой. Если вы согласны на такого рода работу — завтра мы поѣдемъ съ вами въ Берлинъ, и тамъ вы сговоритесь о вознагражденіи съ Внѣшторгомъ, который меня направилъ къ вамъ.

Излишне говорить, что отвѣтила я на это предложеніе.

— Тѣмъ хуже для васъ, — уходя пожалъ плечами агентъ: — изголодаетесь — сами придете къ намъ, только тогда условія будутъ уже не такія, какъ предлагаются вамъ сейчасъ.

Другая встрѣча произошла въ странѣ, изъ которой я возвращалась въ Чехію послѣ прочитаннаго о большевикахъ доклада.

Въ купе вагона, отдѣленномъ отъ другого невысокой перегородкой, я встрѣтилась съ знающимъ русскій языкъ

чехомъ, и мы разговорились о переживаемой Россіей трагедіи.

Когда я стала говорить о существѣ большевицкой власти, изъ за перегородки показалась голова мужчины, ставшаго такъ, что мнѣ были видны только его шевелюра, лобъ и глаза.

Устремленный на меня взглядъ, показавшихся мнѣ необычайно знакомыми глазъ, такъ краснорѣчиво, такъ настойчиво говорилъ о чемъ то, чего я понять не могла, что, продолжая описывать своему спутнику невзгоды русскаго народа, я невольно все время взглядывала на незнакомца.

Мнѣ мучительно хотѣлось припомнить, гдѣ и когда я видѣла эту характерную шевелюру, этотъ быстрый, вороватый взглядъ, но удалось это лишь въ ту минуту, когда стоявшій за перегородкой выпрямился.

Это былъ, одѣтый въ форму солдата той страны, по которой проходилъ поѣздъ, комиссаръ агитаціи.

Въ первый моментъ я была такъ поражена этой встрѣчей, этой, надѣтой, конечно, для агитаціи въ иностранныхъ войскахъ — формой, что буквально потеряла всякое соображеніе, а затѣмъ у меня мелькнула мысль, что надо будетъ, на ближайшей станціи, заявить жандармамъ кто этотъ солдатъ.

Но раньше, я все же рѣшила удостовѣриться въ томъ, что не ошибаюсь, что это не случайное, разительное сходство — „игра природы".

Такъ какъ, закончивъ разговоръ, мой спутникъ задремалъ, а „солдатъ", выйдя въ пустынный коридоръ (было пять часовъ утра), какъ бы вызывалъ меня сквозь стеклянныя окна купе краснорѣчивымъ взглядомъ, — я направилась къ нему.

Поведеніе незнакомца уже не оставляло для меня никакихъ сомнѣній, что это комиссаръ, но въ минуту, когда я хотѣла заговорить съ нимъ, наклонившись ко мнѣ, онъ быстро, угрожающе прошепталъ:

— Если вы меня выдадите — берегитесь! Вы знаете, что, въ такихъ случаяхъ, мы не шутимъ...

. . . .

Поѣздъ медленно подошелъ къ перрону и остановился, комиссаръ, спокойно захвативъ свою солдатскую сумку и, въ послѣднiй разъ, бросивъ на меня многозначительный, полный угрозы, взглядъ, неторопясь соскочилъ на перронъ и исчезъ изъ виду, а я все еще продолжала стоять у окна коридора.

Но, конечно, не гипнозъ приковалъ меня къ мѣсту и заставилъ упустить исключительный случай „взять заложникомъ короля агитацiи“, а именно то „знанiе“ большевиковъ, о которомъ онъ напоминалъ мнѣ нѣсколько минутъ назадъ.

Больше мнѣ не приходилось непосредственно встрѣчаться съ большевиками, но портретъ этого закулиснаго „руководителя мiровой агитацiи“ неожиданно пришлось увидѣть въ одной изъ эмигрантскихъ газетъ, подъ фамилiей „чекиста Яновича“, — предполагаемаго похитителя генерала Кутепова.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Привожу еще нѣсколько новѣйшихъ частушекъ, слышанныхъ мной, нынѣшнимъ лѣтомъ въ, Маріенбадѣ, отъ одного совѣтскаго гражданина, живущаго постоянно въ Москвѣ и прибывшаго въ Чехію для леченія.

Сталинъ парень не дуракъ:
Мужику — колхозы,
Голодъ, холодъ, слезы, —
Самъ живетъ въ палатѣ,
Ѣстъ и спитъ на златѣ.

—

На зарѣ я зернышки сбирала,
Изъ сырой землицы вырывала.
Отъ совѣтскаго достатка
Будетъ хлѣбушекъ ребяткамъ*).

—

Прощай, прощай, коровушка,
Прощай и жизнь ты вольная.
Забрали насъ, Буренушка,
Въ колхозы подневольные.

—

Я отъ Бога отреклась,
Страсть оголодала;
Въ синагогу пойду —
Подарятъ мнѣ сала.

—

Мы живемъ уже отнынѣ
Не въ Россіи — въ Палестинѣ.

---

*) Голодные крестьяне вырываютъ тайкомъ изъ земли посѣянныя зерна и пекутъ изъ нихъ хлѣбъ.

Какъ колхозниками стали,
Получили трактора,
Рубимъ лѣсъ лучинкою —
Нѣту топора.

—

Перевелся скотъ въ Совѣтахъ —
Сталинъ въ радіо: „ай, ай...
„Прииналягъ гражданочки —
„Намъ скотовъ рожай“.

—

Что намъ богъ? Мы бога вашего
Съ неба къ стѣнкѣ сволокли.
Эй, товарищъ, — цѣлься... Пли!
Бога къ стѣнкѣ привели.
И святыхъ отцовъ стреножили:
Попикъ въ лагери играй,
Намъ не надобенъ твой рай.
Намъ колхозы подавай.
У Исайи тоже горюшко,
Не ликуетъ нынче зря:
Нѣтъ доходу съ алтаря,
Какъ бывало у царя.
Прежнимъ дѣвкамъ — сватъ до церковка‘
Мы — безъ перстней, безъ вѣнцовъ,
Алименты на ребеночковъ
Получаемъ съ ихъ отцовъ.

Складъ изданія:
МОРСКОЙ ЖУРНАЛЪ (REVUE de MARINE)
PRAHA IV, Loretánské nám. 109.
TCHÉCOSLOVAQUIE

Tiskárna Fr. Herman, Vinohrady, Bělehradská 97. Telefon 555-85.